

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Тарасенко Андрей Алексеевич

**Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства):
понятие и механизм правового регулирования**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Карелина С.А.

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Общая характеристика и виды ответственности в сфере несостоятельности.....	22
§1.1 Понятие и виды юридической ответственности	22
§1.2 Понятие и виды ответственности в сфере несостоятельности (банкротства) должника	42
§1.3 Понятие банкротной ответственности и банкротного правонарушения. Виды банкротной ответственности	57
Глава 2. Понятие и элементы механизма правового регулирующего ответственности в сфере несостоятельности.....	69
§2.1 Понятие и элементы механизма правового регулирования.....	71
§2.2 Механизм правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности.....	78
§2.3 Понятие и особенности правового режима регулирующего ответственности в сфере несостоятельности.....	94
§2.4 Стадии правоотношений ответственности в сфере несостоятельности.....	103
Глава 3. Особенности отдельных элементов механизма правового регулирования банкротной ответственности.....	127
§3.1 Стандарты доказывания как правовое средство в механизме правового регулирования банкротной ответственности.....	127
§3.2 Возмещение убытков по корпоративным основаниям как правовой способ в механизме правового регулирования банкротной ответственности.....	138
§3.3 Стадия реализации банкротной ответственности как правовая форма в механизме правового регулирующего ответственности.....	146

Заключение.....	172
Библиографический список используемых источников.....	178
Приложения 1-3.....	212

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Тематика охранительных отношений вообще и юридической ответственности, в частности, с течением времени только расширяется: на базе уже имеющихся нормативных установлений, теоретических выводов и практических подходов у участников законодательной и правоприменительной деятельности возникают новые проблемы и новые решения. Причина этого – обусловленность юридической ответственности природой перманентно меняющихся регулятивных правоотношений.

Во все времена ученые-правоведы обращали свои пристальные взгляды на проблематику охранительных отношений: И.А. Покровский, рассматривающий таковые в качестве древнейшего обязательства по возмещению вреда¹; В.П. Грибанов, усмотревший в содержании права на иск самостоятельное охранительное материально-правовое требование²; В.Ф. Яковлев, указывающий на зависимость выраженности охранительных отношений от функционального назначения отрасли права³.

Сегодня в России состояние института несостоятельности (банкротства)⁴ является, пожалуй, самым ярким экономико-правовым индикатором состояния защищенности регулятивных отношений в сфере предпринимательской деятельности. Как неременный атрибут любой рыночной экономики, несостоятельность является лишь негативным последствием принятия на себя риска предпринимательства, в связи с чем *сама по себе противоправной не является*. Действительно, основное предназначение Закона о банкротстве⁵ –

---

¹ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 236.

² См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2020. С. 106 – 108, 118 – 119.

³ См.: Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М., 2012. 976 с. Абз. 5306.

⁴ Заметим, что большинство авторов рассматривают указанные понятия как, соответственно, экономическую и юридическую характеристику должника, отмечая, что в первом случае еще существует возможность вернуться к обычной хозяйственной деятельности (см., например, Несостоятельность (банкротство): учебный курс / Отв. ред. С.А. Карелина (автор - С.А. Карелина. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство»). М., 2018. С. 80 - 82). В диссертации же, в отсутствие специальной оговорки, эти понятия употребляются нами как идентичные.

⁵ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2024 г. №11-П) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2024. №13. Ст. 1865 (далее – Закон, Закон о банкротстве).

регулирование конфликтных общественных отношений, связанных с неплатежеспособностью должника, когда он, как участник имущественного оборота, не в состоянии полно и (или) своевременно погасить свои долги¹.

Однако социально-экономический уклад и правопорядок в этой сфере нарушаются, во-первых, когда *причиной* неплатежеспособности является именно неразумное и недобросовестное, виновное поведение и, во-вторых, при нарушении прав участников отношений несостоятельности уже «*внутри*» процедур по делу о банкротстве². Устанавливая в таких случаях юридическую ответственность, соответственно, «за банкротство» (за деяния, обусловившие его наступление) и «в банкротстве» (за деяния, посягающие на правопорядок в ходе его процедур), законодатель постоянно находится в поиске действенных публично-правовых и частноправовых инструментов, определяющих как «границы» правомерного и неправомерного в сфере несостоятельности, так и адекватные санкции за совершение правонарушений. Так, неоднократным изменениям и дополнениям подвергались положения ст. 195 (неправомерные действия при банкротстве) Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ³, ст. 196 (преднамеренное банкротство) УК РФ, ст. 197 (фиктивное банкротство)⁴ УК РФ; ст. 14.12 (фиктивное или преднамеренное банкротство) Кодекса Российской Федерации об административных

---

¹ См.: ст. 2 Закона о банкротстве.

² Понятие «процедуры банкротства» в диссертации мы используем как аналогичное, что соответствует подходу законодателя в п. 2 ст. 4.1, п. 6 ст. 61.16, п. 4 ст. 201.16 Закона.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 15. Ст. 1972 (далее – УК РФ).

⁴ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» от 29.12.2014 г. №476-ФЗ (с изм. и доп. от 29.06.15 г. №154-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 29; 2015. №27. Ст. 3945; Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4799; Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 г. №530-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53 (Ч. 1). Ст. 8456; Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 01.07.2021 г. №241-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. 1). Ст. 5069.

правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ¹; ст. 14.13 (неправомерные действия при банкротстве)² КоАП РФ. Концептуальные же подходы Закона к изменению правил привлечения правонарушителей к имущественной ответственности менялись многократно (более 6 раз)³, включая вопросы противоправности, виновности, распределения бремени доказывания, объема ответственности и т.д.

Изложенное выше определяет *политико-правовую* актуальность нашего исследования, поскольку указанные инструменты реализуют не только восстановительные, карательные (штрафные) функции, но и регулятивные, а также превентивные. Совершенно очевидно, что частая корректировка охранительных установлений, не способствующая правовой определенности и стабильности оборота в сфере предпринимательской деятельности, требует постоянной аналитики.

Налицо и *доктринальная* актуальность, заключающаяся в двух аспектах.

Во-первых, отмечаем большое количество противоположных теоретических подходов к решению материально-правовых и юрисдикционных вопросов

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 78-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1; 2024. № 15. Ст. 1971 (далее – КоАП РФ).

² См.: Федеральный закон от 19.05.2010 г. №92-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14.13 и 14.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 195 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 21. Ст. 2530; Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.12.2014 г. №482-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 35; 2016. № 1 (Ч. I). Ст. 11; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2014 г. №484-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 37; Федеральный закон «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.06.2015 г. №154-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. №266-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815 (далее – Федеральный закон №154-ФЗ); Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2015 г. №391-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. № 218-ФЗ) // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 11; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4767.

³ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.04.2009 г. №73-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 18 (Ч. I). Ст. 2153; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28.06.2013 г. № 134-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. № 281-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207; 2017. № 31 (Ч. II). Ст. 4830; Федеральный закон №154-ФЗ; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2016 г. №222-ФЗ (с изм. и доп. от 28.12.2017 г. № 426-ФЗ) // СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3891; 2018. № 1 (Ч. I). Ст. 10; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2016 г. № 488-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 1 (Ч. I). Ст. 29; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815; Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.07.2017 г. №266-ФЗ // СЗ. 2017. № 31. Ст. 4815.

ответственности при банкротстве организаций (природа соответствующих охранительных правоотношений; деликтоспособность субъектов ответственности; характер ответственности¹ правонарушителей; основания и условия применения санкций, определение компетентного суда и т.д.). При этом имеющиеся теоретические изыскания направлены на изучение *отдельных* видов ответственности², причем *различных* участников правоотношений несостоятельности: должника, контролирующих лиц, арбитражных управляющих, конкурсных кредиторов; комплексные исследования указанных видов ответственности не проводились, а *единая концепция* понимания категории ответственности в сфере несостоятельности отсутствует.

Такая ситуация, несмотря на схожесть объектов правовой охраны, характеристик субъектов и иных элементов исследуемых охранительных отношений, затрудняет целостный анализ особенностей ответственности в сфере несостоятельности, порождает противоречия в правотворчестве и в правоприменении. Эти недостатки подлежат устранению.

В настоящей диссертации предусмотренная Законом ответственность правонарушителей «за» и «в» банкротстве в основном исследуется применительно к банкротству *организаций*; эту ответственность предлагается условно именовать *банкротная ответственность*³. Уголовно-правовая и административная ответственность анализируется только в контексте общего механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности, что объясняется цивилистической направленностью данной работы.

---

¹ В частности, договорный, деликтный либо корпоративный характер.

² К примеру: уголовная либо административная ответственность, субсидиарная ответственность, компенсация «корпоративных» убытков либо убытков, причиненных в деле о банкротстве, отстранение арбитражного управляющего, субординация.

³ Вопросы ответственности при банкротстве граждан, включая предпринимателей, в работе не рассматриваются в силу их особого правового регулирования. Так, в силу п. 1 ст. 213.1 Закона о банкротстве, положения главы III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» Закона не применяются при банкротстве граждан.

Во-вторых, рассуждая в гносеологическом ключе, заметим, что «живые» *нормативные конструкции*¹ юридической ответственности исследуются нами с использованием конструкций *сугубо теоретических*: «механизм правового регулирования», «правовой режим», «охранительное правоотношение», «стадии правоотношения юридической ответственности». Признанные методологи права подтверждают ценность такого подхода: «если за основу изучения права принять не нормы юридические..., а юридические отношения, то получаются более прочные и устойчивые выводы»².

Обозначенные теоретические конструкции, являясь по своей сути *методологическими инструментами*, ранее не использовались при доктринальном анализе юридической ответственности в сфере несостоятельности; мы же намерены ими воспользоваться при анализе этого феномена.

Наконец, *практическая* актуальность явствует из двух факторов: постоянный рост конфликтности – количества судебных споров – по данной категории дел и традиционно малой эффективности института ответственности при банкротстве. К примеру, в 2019, 2020, 2021, 2022 гг., соответственно:

- количество актов о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности равнялось 2 500 / 2 594 / 3 147 / 3 385;
- сумма причитающихся ко взысканию с арбитражных управляющих убытков составила 1,1 / 0,7 / 1,1 / 1,7 млрд. руб.³;
- число удовлетворенных требований об отстранении арбитражных управляющих равняется 1 314 / 1 103 / 1 695 / 1 732;

---

¹ Имеется ввиду категорийный аппарат – правовые средства, способы и формы – уже задействованный в нормативных источниках и в правовых позициях судов при рассмотрении конкретных споров. Например, «контролирующее лицо», «вина», «убытки», «добросовестность», «исковая давность», «квалификация», «судебное разбирательство» и т.д. и т.п.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 348. «Нормативные конструкции и конструкции юридической науки идут в ногу, обогащая друг друга. Правовая наука... выявляет их недостатки, выдвигает предложения с целью их совершенствования, а также разрабатывает новые конструкции, более адекватно отражающие регулируемые правом отношения» (Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 150).

³ См.: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31.12.2023. URL: <https://fedresurs.ru/news/> (дата обращения: 14.04.2024).

- количество признанных обоснованными требований о взыскании корпоративных убытков в банкротстве составило 442 / 446 / 427 / 502¹;

При этом доля удовлетворенных требований кредиторов в эти годы ни разу не превышала 10 % и даже обеспеченные залогом требования удовлетворялись не более, чем на 30 %; доля же дел о банкротстве, где кредиторы не получили ничего, не опускалась ниже 54 %².

Основатель отечественной концепции механизма правового регулирования отношений несостоятельности – С.А. Карелина – определяющая его как систему средств правового регулирования, обращает внимание на то, что с их помощью осуществляется эффективное правовое воздействие на общественные отношения и достижение социально значимых целей³. Следовательно, изучение юридической ответственности *в ракурсе механизма правового регулирования* соответствует текущей политико-правовой, доктринальной и практической проблематике.

Степень научной разработанности и теоретическая основа диссертационного исследования. Работы, имеющие отношение к теме диссертации, можно разделить на четыре условные группы.

В первой «базовой» группе относятся труды авторов, содержащие общетеоретический анализ категории юридической ответственности: Б.Т. Базылев, С.Н. Братусь, Н.В. Витрук, В.П. Грибанов, Б.М. Гонгало, О.С. Иоффе, Д.Н. Кархалев, И.А. Кузьмин, О.Э. Лейст, Д.А. Липинский, Н.С. Малеин, А.В. Малько, Н.И. Матузов, Б.И. Пугинский, И.С. Самощенко, Л.И. Спиридонов, Е.А. Суханов, Р.Л. Хачатуров, И.С. Шиткина, В.Ф. Яковлев и др.

Вторая «отраслевая» группа представлена работами, посвященными общему регулированию отношений несостоятельности, таких авторов как А.Б. Агеев, Б.С.

---

¹ См.: официальные данные судебной статистики арбитражных судов РФ с сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сведения из граф «Об отстранении арбитражных управляющих» и «О взыскании убытков с органов управления должника» отчетов арбитражных судов России о рассмотрении дел о банкротстве за 2019, 2020, 2021, 2022 г.г. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 04.08.2023).

² См.: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31.12.2023. Там же.

³ См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 568 с. Абз. 3368.

Бруско, В.В. Витрянский, Е.Г. Дорохина, С.А. Карелина, К.Б. Кораев, В.Ф. Попондопуло, М.В. Телюкина, В.Н. Ткачев, И.В. Фролов и др.

Третью «методологическую» группу составляют труды ученых, содержащие разработки методов исследований юридической ответственности, а также теоретических конструкций¹, являющихся «каркасом» правовых знаний об охранительных правоотношениях: С.С. Алексеев, В.П. Гавриков, Е.П. Губин, С.А. Карелина, Д.А. Керимов, А.В. Кирсанова, С.А. Муромцев, И.Н. Петров, А.С. Пиголкин, Г.А. Прокопович, А.А. Собчак, М.Д. Шиндяпина, К.В. Шундилов, А.Ф. Черданцев и др.

К четвертой «специализированной» группе относятся исследования авторами отдельных аспектов ответственности в сфере несостоятельности, а также прикладных экономических и социально-психологических вопросов, ответы на которые помогли нам сделать выводы об объекте исследования: Е.Г. Антиперович, А.А. Аузан, О.В. Гутников, Д.В. Добрачев, А.Г. Карапетов, М.И. Клеандров, М.В. Лифшиц, С.С. Покровский, В.Ф. Попондопуло, С.Л. Рубинштейн, М.Н. Слепченко, А.И. Шайдуллин и др.

При рассмотрении отдельных вопросов нами, в том числе в компаративных целях, использовались исследования таких зарубежных авторов как К. Далман, С. Парих, К. Шатене.

Между тем, работ по комплексному доктринальному исследованию юридической ответственности в сфере несостоятельности вообще и *банкротной ответственности*, в частности, не имеется.

Нормативную и эмпирическую основу исследования составляют нормы российского права и отдельные зарубежные нормативные акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с привлечением к ответственности участников правоотношений несостоятельности, материалы судебной практики нормативного характера и по конкретным делам, сведения официальной статистики по делам о несостоятельности.

---

¹ Механизм правового регулирования, охранительное правоотношение, правовые режимы, стадии юридической ответственности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением правонарушений в сфере несостоятельности (банкротства) организаций, включая основания и условия возникновения, конкретизации и реализации правоотношений юридической ответственности в этой сфере.

Предметом исследования являются нормы отечественного и отдельные положения зарубежного права, правоприменительная, в том числе судебная практика, сведения статистики, научная доктрина по проблематике охранительных отношений, возникающих при банкротстве организаций.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании юридической ответственности в сфере несостоятельности и формировании целостной теоретико-правовой конструкции охранительных отношений, складывающихся в результате совершения правонарушений в этой сфере, санкции за которые предусмотрены Законом.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. Исследовать феномен юридической ответственности, дать ее понятие, определить виды, разграничить со смежными категориями.
2. Рассмотреть природу отношений несостоятельности и ответственности в этой сфере; предложить ее видовую классификацию.
3. Определить понятие «банкротная ответственность», «банкротное правонарушение», а также обозначить структуру всех охранительных отношений, складывающихся в сфере несостоятельности.
4. Сформулировать понятие и сущность механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности и банкротной ответственности, рассмотреть его структуру и особенности.
5. Соотнести с категорией механизма правового регулирования ответственности теоретико-правовые конструкции «правовой режим», «стадии правоотношения юридической ответственности», дать их определение и указать на особенности при банкротной ответственности.

6. Проанализировать сущность и особенности отдельных правовых средств, правовых способов и правовых форм как элементов механизма правового регулирования банкротной ответственности.

Методологическая основа исследования определена его целями, задачами, представлена фундаментальным диалектическим методом познания, а также общенаучными методами: анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии; частнонаучными методами: системно-структурный и инструментальный (для анализа сложных правовых явлений в их статике и динамике), статистический (при анализе эмпирических данных для оценки эффективности действия правовых институтов) и другие.

Научная новизна диссертационной работы в том, что она является первым комплексным исследованием всех охранительных отношений в сфере несостоятельности организаций с рассмотрением также категории банкротной ответственности, возникающей в связи с правонарушениями, санкция за которые предусмотрена Законом. Результат исследования – формирование целостной концепции механизма правового регулирования и правового режима ответственности в сфере несостоятельности, включая банкротную ответственность, предложение метода познания данной ответственности.

Положения, выносимые на защиту.

1. Под *правоотношениями несостоятельности* следует понимать регулируемые нормами права, комплексные, возникающие между должником, а также лицами, участвующими в деле и в процессе о банкротстве, включая контролирующих должника лиц, отношения:

а) *имущественные охранительные* правоотношения, связанные с реализацией ответственности должника ввиду невозможности удовлетворения требований кредиторов (возникают в связи с приобретением лицом статуса должника в деле о банкротстве и выражаются в легализации судом требований кредиторов к указанному лицу);

б) *регулятивные имущественные и неимущественные* правоотношения, связанные с достижением целей процедур по делу о банкротстве (возникают в

связи с регламентацией поведения участников правоотношений несостоятельности и направлены на реализацию ими своих прав и выполнение обязанностей).

Ответственность в сфере несостоятельности выступает в качестве охранительных правоотношений, возникающих в связи с совершением правонарушений в этой сфере и реализуемых, в отличие от мер защиты, в возложении на правонарушителя санкции в виде дополнительного обременения.

2. Система видов ответственности в сфере несостоятельности представлена следующим:

1) имущественная ответственность, предусмотренная *общими нормами* ГК РФ¹ (в том числе, ст. 15 о возмещении убытков);

2) имущественная ответственность, в том числе *урегулированная нормами Закона о банкротстве* (возмещение вреда по правилам о возмещении убытков согласно ст.ст. 61.13, 61.20, п. 4 ст. 20.4, а также по правилам о субсидиарной ответственности в силу ст.ст. 61.11, 61.12);

3) *специальная* ответственность, предусмотренная исключительно нормами Закона о банкротстве (в частности, санкция в виде отстранения арбитражного управляющего, содержащаяся в п. 1 ст. 20.4, и субординации в силу абз. 8 ст. 2);

4) иная ответственность (дисциплинарная ответственность арбитражных управляющих, *устанавливаемая внутренними документами* саморегулируемой организации; уголовно-правовая и административная ответственность).

Урегулированная нормами Закона о банкротстве имущественная ответственность и *специальная* ответственность, *предусмотренная исключительно нормами Закона о банкротстве*, составляют *банкротную ответственность*, под которой понимаются охранительные правоотношения, обусловленные неплатежеспособностью должника, возникающие вследствие

---

¹ Здесь и далее – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 11.03.2024 г. №48-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 12. Ст. 1572; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 24.07.2023 г. № 339-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2023. № 31 (Ч. 3). Ст. 5765.

совершения банкротного правонарушения и реализующиеся в предусмотренной Законом о банкротстве процессуальной форме с участием компетентного суда.

Банкротным правонарушением признается виновное и противоправное поведение, нарушающее имущественные права кредиторов и иных лиц, участвующих в деле или в процессе по делу о банкротстве, санкция за которое предусмотрена в Законе о банкротстве.

3. Банкротная ответственность представлена двумя видами охранительных правоотношений:

1) субохранительные – «за банкротство», возникающие в связи с деяниями, обусловившими его наступление (обеспечивают *имущественные охранительные* отношения, связанные со стадией реализации ответственности самого должника); предполагающие применение только имущественных санкций (ст.ст. 61.11, 61.20 Закона о банкротстве);

2) постохранительные – «в банкротстве», возникающие в связи с деяниями, посягающими на правопорядок в ходе процедур по делу о банкротстве (обеспечивают *регулятивные имущественные и неимущественные* отношения в связи с реализацией этих процедур); предполагающие применение санкций имущественных и неимущественных (ст.ст. 61.12, 61.13, п.п. 1 и 4 ст. 20.4; абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве).

Особенности указанных суб- и пост- охранительных правоотношений следующие:

а) субъекты – правонарушитель и потерпевший – являются участниками правоотношений несостоятельности, правовой статус которых определяется соответствующими нормами Закона о банкротстве;

б) по предмету правового регулирования – это отношения, направленные на достижение целей процедур в деле о банкротстве, возникающие в связи с совершением *банкротного правонарушения*;

в) основным источником регулирования является специальный нормативный акт – Закон о банкротстве.

4. Под механизмом правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности понимается система правовых элементов, обеспечивающих эффективное воздействие на охранительные правоотношения, возникающие в связи с совершением правонарушений в данной сфере.

Правовыми элементами этого механизма являются правовые способы, правовые средства и правовые формы.

Перечисленные правовые элементы, обуславливая действие законодательного, правоприменительного и функционального уровней механизма правового регулирования в сфере несостоятельности, придают этому механизму следующие существенные признаки:

а) *системность*, заключающаяся в том, что правовые элементы, объединяясь, приобретают общие свойства в целях эффективного регулятивного воздействия на все охранительные отношения в сфере несостоятельности;

б) *комплексность* регулируемых охранительных отношений, которые обеспечивают функционирование предупредительной, восстановительной и ликвидационной подсистемы несостоятельности;

в) *экономический характер* применяемых средств правового регулирования, обусловленный финансово-организационным состоянием должника;

г) *политико-правовая* направленность, определяемая выполнением регулируемыми охранительными отношениями не только восстановительной, штрафной, но и регулятивной, а также превентивной функций.

5. *Правовыми способами* как элементами механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности признаются приемы, с помощью которых непосредственно осуществляются функции ответственности. Такими приемами являются меры ответственности (санкции). *Применительно к банкротной ответственности* все санкции направлены на:

а) достижение целей процедур в деле о банкротстве;

б) восстановление имущественных прав лиц, участвующих в процессе или в деле о банкротстве в условиях неплатежеспособности должника;

в) реализацию не только восстановительной, но и штрафной, а также регулятивной и превентивной функций.

Санкции за совершение банкротных правонарушений могут быть классифицированы по следующим критериям:

1) по субъектам, в отношении которых применяются санкции: контролирующие должника лица (возмещение вреда по правилам о возмещении убытков либо о привлечении к субсидиарной ответственности); арбитражный управляющий (возмещение убытков; отстранение); иные лица, участвующие в деле о банкротстве, включая конкурсных кредиторов (возмещение убытков, субординация);

2) по видам санкций: неимущественные (отстранение арбитражных управляющих и субординация требований кредиторов) и имущественные (возмещение вреда по правилам о возмещении убытков либо о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц).

6. Под *правовыми средствами* как элементами механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности понимается совокупность юридических инструментов, с помощью которых осуществляется восстановление нарушенных прав участников правоотношений несостоятельности. *Применительно к банкротной ответственности* такими правовыми средствами признаются, например: принципы ответственности (законности; ответственности за свои собственные действия; виновной ответственности); состав банкротного правонарушения; элементы структуры правоотношений ответственности (охранительные субъективные права и обязанности, правонарушитель и потерпевший, объект правоотношения); процессуально-правовые средства (заявления уполномоченных лиц о привлечении к ответственности, вспомогательные и основные акты компетентного суда; стандарты доказывания).

7. *Правовыми формами* как элементами механизма правового регулирования ответственности, рассматриваемыми в качестве специфического выражения

правовых институтов, опосредствующих развитие охранительных отношений, признаются стадии правоотношений ответственности.

Под таковыми понимаются последовательные этапы развития *суб-* и *пост-*охранительных отношений, характеризующиеся соотношением степени познания управомоченным лицом и судом элементов состава банкротного правонарушения, структуры охранительного правоотношения с изменениями правового статуса правонарушителя:

1) на стадии *возникновения* ответственности – объект, предмет и результат банкротного правонарушения, управомоченное лицо, охранительное субъективное право;

2) на стадии *конкретизации* ответственности – противоправность, причинная связь, правонарушитель, виновность, охранительная обязанность;

3) на стадии *реализации* ответственности – объект охранительного правоотношения.

Особенностью стадий *суб-* и *пост-*охранительных отношений банкротной ответственности является их триединая обусловленность правоотношениями несостоятельности (охранительными отношениями реализации ответственности самого должника):

а) *экономическая* обусловленность, заключающаяся в зависимости размера имущественных санкций от размера притязаний кредиторов;

б) *юрисдикционная* обусловленность, выражающаяся в развитии отношений банкротной ответственности в процессуальных формах, предусмотренных Законом о банкротстве, с участием компетентного суда;

в) *институциональная* обусловленность, заключающаяся во включении в фактические составы, влияющие на развитие правоотношений банкротной ответственности, судебных актов в отношении должника.

8. *Правовым режимом ответственности в сфере несостоятельности* признается особый порядок регулирования охранительных правоотношений посредством комплекса публично-правовых и частноправовых средств, выражающих степень благоприятствования участникам отношений, а также

сочетание взаимодействующих между собой дозволений и запретов, направленных на реализацию функций юридической ответственности и достижение целей процедур по делу о банкротстве.

Правовой режим ответственности в сфере несостоятельности включает в себя такую его составную часть, как правовой режим банкротной ответственности, который характеризуется в качестве имеющего низкую степень благоприятствования для лица, привлекаемого к ответственности, ввиду следующего:

1) преобладание таких специфических средств как презумпции причинной связи, контроля, неопровержение которых допускает элементы объективного вменения и ведет к применению неэквивалентных мер штрафного характера; активная и управленческая роль суда по делам о привлечении к ответственности, причем с обвинительным уклоном;

2) наличие преимущественно разрешительных методов регулирования, выражающихся в преобладании норм-дефиниций, обязывающих и запретительных норм, введении повышенных стандартов доказывания обстоятельств, на которые ссылается привлекаемое к ответственности лицо, а также широкое применение запретительных имущественных мер защиты еще до признания правонарушителя виновным;

3) обусловленность применения стимулов от исполнения позитивных обязанностей, что проявляется в регулировании заключения мировых соглашений; дозволения используются, как правило, в случае добровольного исполнения меры ответственности.

Отдельная задача внести **предложения по изменению действующего законодательства**, нами не ставилась в силу доктринального характера работы и реалистического подхода к объекту исследования, обусловленного его преимущественно функциональной природой. Вместе с тем, именно указанный подход обусловил необходимость внести следующие предложения инструментального характера:

1) ввести дополнительную статью «Доказывание по спорам о привлечении к ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» в главу III.2 Закона о банкротстве; указать в этой статье понятие стандартов доказывания и виды таких стандартов;

2) дополнить п. 20 Положения о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.03.2023 № 471¹, абзацем 4 следующего содержания: «Указанные в настоящем пункте статистический и аналитический отчеты подлежат опубликованию на официальном сайте уполномоченного органа, если иное не предусмотрено федеральным законом»;

3) внести изменения в Приказ Федеральной службы судебных приставов России от 8 апреля 2011 г. № 119 «Об утверждении формы ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов № ОПД-2011 «Основные показатели деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов»² в части установления в отчетности информационных граф, характеризующих процент реального исполнения по требованиям о привлечении к ответственности по ст.ст. 61.11, 61.20, 61.12, 61.13, 20.4 Закона о банкротстве.

Научная значимость диссертационного исследования состоит в возможности использования его результатов в развитии науки предпринимательского права и в дальнейших исследованиях охранительных отношений юридической ответственности в сфере несостоятельности (банкротства), в образовательной деятельности при разработке учебно-

---

¹ Постановление Правительства РФ от 24.03.2023 г. № 471 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изм. и доп. от 29.12.2023 г. № 2386) // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2438; 2024. № 1 (Ч. 3). Ст. 250.

² Приказ ФССП РФ от 08.04.2011 г. № 119 «Об утверждении формы ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов № ОПД-2011 «Основные показатели деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. № 5. 2011. СПС «КонсультантПлюс».

методических материалов по предпринимательскому праву и конкурсному процессу.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается возможности использования его выводов в сфере правотворчества и правоприменения, при выработке верных и единообразных подходов к квалификации правоотношений и разрешению экономических споров в сфере несостоятельности.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Достоверность выводов обосновывается эмпирической базой исследования, а также совокупностью используемых научных методов и положений правовой доктрины, нормативной базы и судебной практики. Отдельные положения диссертационного исследования были представлены на конференциях, проводимых на базе юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в том числе Научно-образовательного центра «Центр правовых исследований в сфере банкротства», а также на международных научно-практических конференциях «БанкроФорум2022» (г. Москва, 26 апреля 2022 г.), «Право и бизнес в изменяющемся мире» (г. Псков, 3 июня 2023 г.).

Основные теоретические положения диссертационного исследования нашли отражение в работах автора, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки:

1. Тарасенко А.А. Модель ответственности банка-кредитора в деле о банкротстве: правовые и социально-экономические аспекты // Законодательство. 2023. № 1. С. 25-33.

2. Тарасенко А.А. Ответственность участников правоотношений несостоятельности: материальные, процессуальные и социально-психологические аспекты определения компетентного суда. Часть 1, Часть 2 // Право и экономика. 2023. № 2. С. 11 - 17; № 3. С. 31 – 38.

3. Тарасенко А.А. Об экономико-правовых предпосылках умаления специальной деликтоспособности арбитражного управляющего (на примере страховых отношений) // Законодательство. 2023. № 10. С. 76 – 85.

4. Тарасенко А.А. Ответственность контролирующих лиц за должника: некоторые историко-правовые факторы становления института // Юрист. 2013. № 24. С. 11–16.

Положения также опубликованы в других изданиях:

1. Тарасенко А.А. О действии принципа равенства при определении статуса правонарушителя в конкурсных отношениях // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2023. № 4. С. 35 – 39.

2. Тарасенко А.А. Особенности толкования нормативных актов при осуществлении процедур банкротства в Республике Крым: мультимодальный подход // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Правотолкование и проблема судебного правотворчества». Симферополь. 2020. С. 59 – 69.

Структура и объем диссертационного исследования обусловлены его целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения, библиографического списка и трех приложений.

Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1.1 ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Феномен ответственности в правоотношениях несостоятельности является частным проявлением общей категории юридической ответственности. В данном соотношении особенного и общего, первое означает «признак, сходный с признаками одних и отличный от признаков других предметов класса»¹, а второе «является единством всех явлений, выраженным в сходстве или общности их свойств, связей и отношений»².

Несмотря на то, что монографические исследования общетеоретического характера по вопросам ответственности появились позднее, чем отраслевые в теории административного, гражданского и уголовного права³, изучение феномена ответственности, по выражению Ю.А. Денисова, во всяком случае шло по пути «от... обобщения выводов отраслевых наук... к собственно теоретико-правовому исследованию, направленному... на раскрытие сущности исследуемого»⁴. Поэтому нашей первой задачей в настоящем исследовании является выявление сущности ответственности в праве, обозначение ее видов с учетом характерных признаков; это позволит установить место и роль юридической ответственности при несостоятельности в системе юридической ответственности.

---

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010. С. 13.

² Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2011. С.195.

³ Проведенное А.В. Мильковым библиографическое исследование трудов дореволюционных европейских, включая российских, а затем советских и современных правоведов по проблемам юридической ответственности показало, что работ дореволюционного периода общетеоретического характера, посвященных общим вопросам ответственности, не имеется; первый всплеск диссертационной активности по вопросам отраслевой ответственности наблюдается в период 1950-1960 гг. (Мильков А.В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности. М.: Проспект, 2021. С. 5 – 16).

⁴ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: ЛГУ, 1983. С.138 - 139.

Комплексный анализ подходов к общему понятию юридической ответственности позволяет констатировать различность мнений относительно правовой природы этого феномена.

Несмотря на то, что исследователями подтверждено отсутствие использования термина «юридическая ответственность» вплоть до конца 19 века¹, исторически первым следует признать рассмотрение ответственности в качестве меры *государственного принуждения*, поскольку, по выражению Ю.А. Денисова, «именно в форме применения государственного принуждения к правонарушителям зародился институт правовой ответственности»².

Представителем современной юридической науки, поддерживающим такой подход, является А.Б. Венгеров, который отмечает, что юридическая ответственность – «это одна из форм государственного принуждения, заключающаяся в отрицательной реакции государства на противоправное действие»³.

Высказанный некоторыми исследователями такой недостаток этого подхода как несогласованность с возможностью добровольного исполнения мер ответственности⁴, снимается попытками других ученых обосновать постоянное присутствие «условного принуждения», которое «существует в неявной форме, в силу того, что добровольное выполнение обязательства

---

¹ По результатам библиографического исследования А.В. Мильковым трудов Е.В. Васьковского, Д.И. Мейера, В.И. Синайского, Ф.В. Тарановского, Е.Н. Трубецкого, Г.Ф. Шершеневича установлено, что, во-первых, многие учебные издания 19 века вообще не содержат раздела, посвященного ответственности; во-вторых, в тех изданиях, где такой раздел имеется, вопрос о понятии ответственности не ставится, а рассматриваются вопросы об основаниях ответственности, о ее объемах и т.д.; в-третьих, иногда правоведа совсем не употребляли категорию «ответственность», заменяя ее термином «наказание», «последствие правонарушения» (Мильков А.В. Указ. соч. С. 7 – 8).

² Денисов Ю.А. Указ. соч. С. 138, 139. Этот тезис уточнен Р.Л. Хачатуровым, который, соотнеся применение термина «обида» по Русской Правде к случаям причинения ущерба частному лицу или их группе с учетом социального положения последних, наряду с градацией размера тарифов за причинение такого ущерба, делает вывод о том, что степень реагирования института власти на содеянное зависела не просто от размера ущерба, а от «государственной оценки деяния как вредного, противоправного, виновного и опасного» (см.: Хачатуров Р.Л. Русская Правда: монография. Тольятти: ВУиТ, 2022. С. 60).

³ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 2000. С. 468.

⁴ См., например, Братусь С.Н. Юридическая ответственность и осознание долга // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. Вып. 6. С. 58

поставлено под условие... применения механизма государственного принуждения»¹.

Второй подход к пониманию юридической ответственности заключается в ее рассмотрении с использованием категорий «*обязанность*» (правонарушителя, должника) и «*права*» (потерпевшего, кредитора), причем через различные призмы.

Заметим, что первое обнаруженное нами нормативное упоминание юридической ответственности (в контексте казуса) отражает именно этот подход. Так, в Своде законов гражданских 1835 года² множество раз используются формулировки «подвергаются ответственности на законном основании»³ за невыполнение обязанностей; использование же прямого термина «ответственность» в смысле обязанности, например, отвечать по долгам, наглядно видно из содержания статьи 2172 Свода законов гражданских 1835 года: «всякий из акционеров... *отвечает* только вкладом своим, поступившим уже в собственность компании; и сверх... ни личной *ответственности*, ни какому-либо дополнительному платежу по делам компании подвергаем быть не может»⁴.

С.Н. Братусь, отмечая базирование понятия юридической ответственности на нормативных началах права (упорядоченность общественной жизни, согласие, компромисс)⁵, понимал под ней обязанность правонарушителя, которая реализуется на основании государственного принуждения⁶.

В качестве именно *дополнительной* обязанности правонарушителя рассматривали юридическую ответственность советские классики В.П.

---

¹ Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве. М., 2010. С. 100.

² Свод законов гражданских составлен в 1-й трети XIX в. и включен в Свод законов Российской империи, который являлся официальным собранием действующих законодательных актов Российской Империи. Он был впервые напечатан в течение 1832 года. Манифестом 31.01.1833 Свод законов был объявлен действующим источником права с 01.01.1835 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Классика российского права» (<https://civil.consultant.ru/code/>).

³ Там же.

⁴ Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., Статут, 2010. 253 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. С. 82.

⁶ Там же. С. 85.

Грибанов, О.С. Иоффе, Красавчиков О.А. которые отмечали, соответственно, что таковая «заключается в применении к правонарушителям предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия»¹, «налагает на правонарушителя новые обременения, содержанием которых является ограничение права или возложение обязательства»², «выражается в лишении нарушителя определенных прав или возложении на него дополнительных обязанностей»³.

Критикуя такой подход, О.Э. Лейст утверждал, что понятие «правовая ответственность» шире понятия «обязанность», так как первое гораздо шире и составляет также квалификацию поведения, процессуальные гарантии, меры пресечения⁴.

Третий подход сводится к отождествлению юридической ответственности с понятиями «санкция» и «наказание».

Данный подход также имеет свои, как отмечают исследователи, исторические корни, в основном семантического характера: «обида» по Русской Правде, соответствующая понятию правонарушения, являлась основанием для «исправы от века», «по исправе выдати», «исправы», которая употреблялось в смысле «расправы», что равнозначно со «свершением правосудия» и с «наказанием»⁵.

В современный период О.Э. Лейст также анализировал исследуемый феномен через «применение к правонарушителю предусмотренных санкцией

---

¹ Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 311.

² Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 39.

³ Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 255, 260.

⁴ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. С. 102-103, 136.

⁵ Подробнее см.: Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901. С. 218; Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003. С. 128.

мер государственного принуждения»¹. Н.С. Малеин писал, что «юридическая ответственность – это наказание, кара правонарушителя»².

Данные концепции критикуются Д.А. Липинским со ссылкой на то, что не всякая санкция фиксирует меры ответственности, и не всегда ответственность сводится к реализации санкции: «возможна юридическая ответственность без назначения наказания, сводящаяся только к властному осуждению правонарушителя»³. В доктрине также указывается, во-первых, на отнесение категорий «наказание» и «санкция» только к *стадии реализации* юридической ответственности в виде претерпевания негативных последствий содеянного и, во-вторых, на существование ответственности даже в случаях, например освобождения по правилам УК РФ либо КоАП РФ, от наказания⁴.

Перечисленные подходы к пониманию юридической ответственности нами не поддерживаются, поскольку, будучи взятыми в отдельности, отражают только один из существенных признаков исследуемого явления. Одним из методов познания является сравнительный анализ, ибо «познание любого предмета и явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других предметов и устанавливаем его сходство с родственными предметами»⁵.

Существенные признаки выявляются в результате сравнительного анализа доктрин «*юридической ответственности*» и «*мер защиты*».

Понятие о мерах защиты выросло из категории «защиты субъективного права», впервые определенной С.С. Алексеевым как «меры принуждения к выполнению обязанности, направленные на восстановление нарушенного субъективного права, не выражающиеся в возложении новых обязанностей и

---

¹ Лейст О.Э. Указ. соч. С. 102 – 103.

² Малеин Н.С. Об институте юридической ответственности. // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: сборник научных трудов. Тарту, 1989. С. 30.

³ Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004. С. 67. По сути, данная позиция сводится к тому, что санкция является формальной правовой оболочкой меры ответственности, но не ответственностью как таковой.

⁴ См., например, Кожевников А. И. Субъекты юридической ответственности. М., 2004. С. 23.

⁵ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 567.

обеспечивающие восстановление прав независимо от наличия вины лица, их нарушившего»¹.

Семантический анализ показывает, что «защита» - применяется «от чего-то» (внутренняя от внешнего; противоположность «нападению»; пассивность), а «ответственность» - «за что-то» (совершенное вовне, активность). Следовательно, при осуществлении мер защиты мы не выходим за свои имущественные границы, точнее не допускаем в них нарушителя (или требуем восстановления в пределах своих прежних границ); при реализации ответственности становится актуальным выход за границы (вторжение в чужие границы).

Использование телеологического подхода² и функционального метода исследования привели С.С. Алексева к выводу о том, что целью мер ответственности является наказание нарушителя, а целью мер защиты является восстановление положения потерпевшего до нарушения. Поэтому штрафная (карательная) функция является функцией ответственности, а восстановительная – функцией защиты³.

Результаты семантического, телеологического и функционального методов исследования в целом совпадают; у юридической ответственности: цель – кара-наказание, функция – штрафная (карательная, неэквивалентная); у мер защиты: цель – восстановление прежнего положения потерпевшего; функция – восстановительная (компенсационная, эквивалентная)⁴.

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966. С. 184 - 189. Р.Л. Хачатуров и Р.Г. Ягутян также противопоставляют эти понятия, выделяя охранительные (в связи с применением мер ответственности) и регулятивные (в связи с применением мер защиты) правоотношения. Ученые считают, что применением мер ответственности возможно в случае правонарушений, а мер защиты – для их предотвращения (Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса. 1995. 196 с.).

² Заключается в выяснении целей в праве. По определению Р. Иеринга «Цель есть творческая сила всего права, ...нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели» (Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. С. 11).

³ Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. С. 280. Аналогичной позиции придерживается В.В. Кожевников, считающий, что юридической ответственности свойственны исключительно штрафная, предупредительная функции, а мерам защиты – восстановительная (См.: Кожевников В.В. Функции юридической ответственности: общетеоретический и отраслевые аспекты // Современное право. 2015. №4. С. 5-14 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Некоторые авторы в этой связи выделяют две группы охранительных правоотношений: штрафные и восстановительные (см. подробнее: Шубников Ю.Б., Андреева И.В. Публично-правовая и частноправовая

Возражения сторонников отнесения мер защиты к юридической ответственности сводятся в основном к двум тезисам: правовая обязанность всегда обусловлена принудительными действиями органа власти, который пресекает нарушение прав; принудительное же исполнение обязанности – это и есть правовая ответственность¹.

Нами поддерживается подход, заключающийся в соотношении мер защиты и юридической ответственности как категорий общего и частного: объединяют их родовые признаки принадлежности к видам государственного принуждения, в результате чего реализуется санкция правовой нормы. Отличительными же (существенными) признаками мер ответственности являются, по нашему мнению, следующие: а) применяются за противоправное поведение (правонарушение); б) влекут, в отличие от мер защиты, дополнительные обременения для правонарушителя; в) характеризуются государственным порицанием правонарушителя².

Однако простое перечисление признаков явления нельзя признать *определением*. Правовое понятие как форма юридического мышления, является «содержательным, предметным образом, который воспроизводит в мышлении... объективную суть реальных процессов правовой действительности... и явлений»³.

(гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 125). Ввиду изложенного, такие меры негативного характера как, например, признание сделки недействительной и реституционные последствия относятся доктриной не к мерам ответственности, а к мерам защиты: имущественная сфера лица лишь приводится в первоначальное положение, дополнительное обременение в данном случае отсутствует (см. подробнее: Кархалев Д.Н. Способы защиты организационных гражданских прав // Юридический мир. 2016. № 1. С. 55 – 58).

¹ См. подробнее: Лейст О.Э. Указ. соч. С. 96; Братусь С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 33.

² Изложенное полностью согласуется с позицией КС РФ, который, анализируя свою судебную практику в области административной, уголовной, гражданско-правовой ответственности, указывает, что «В целом... у мер юридической ответственности нет и не может быть иной цели, кроме защиты конституционно значимых ценностей, ввиду чего меры юридической ответственности должны соответствовать характеру совершенного правонарушения, размеру причиненного вреда, степени вины правонарушителя...» (Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений КС РФ 2018 - 2020 годов)» (одобрено решением КС РФ от 17.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс).

³ Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 56-57.

Нами предлагается рассмотреть юридическую ответственность как социально-правовую связь, представленную общественным отношением, возникающим между субъектом ответственности и управомоченным на применение санкции лицом. Как отмечал А.П. Дудин, «Категория правоотношения – ценнейшее приобретение правовой науки. Она имеет принципиальное, методологическое значение. Это единственная категория, которая сжато отражает все известные науке существенные связи права с действительной жизнью, с общественными отношениями, а значит и закономерности его возникновения и развития»¹.

Проследивая эволюцию роли категории правоотношения в правовой науке с начала 19 века до середины 20 века, С.В. Третьяков отмечает следующее. На первом историческом этапе с ее помощью предпринята попытка рассмотрения должного (правового предписания) и сущего (фактического поведения) в виде неразрывного единства (Савиньи); затем правоотношение рассматривалось в качестве самого права (начало советского периода) либо как некое опосредование между государственной волей и социальными практиками (с конца 1930-х годов)².

В настоящее время большинство ученых-цивилистов рассматривают правоотношение в качестве фактического общественного отношения, урегулированного нормой права: «социальные связи, основанные на нормах права, приобретают форму юридического отношения»³. Как отмечала Р.О. Халфина, правоотношение является результатом правового регулирования, достигаемого через воздействие нормы на фактическое общественное отношение⁴.

Некоторые авторы, противопоставляя фактическое общественное отношение и правовое отношение, рассматривают последнее лишь как идеальную модель

---

¹ Дудин А.П. Диалектика правоотношений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983. С. 5.

² См.: Третьяков С.В. Д.М. Генкин, дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских прав // Вестник гражданского права. 2022. № 4. Абз. 59 – 68.

³ Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 14.

⁴ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 35 – 40.

поведения, через которую норма права, конкретизируясь, воздействует на общественное отношение¹. С этой точкой зрения сложно согласиться. Действительно, правоотношение может быть признано не только результатом правового регулирования, но и его средством, однако лишь при рассмотрении его как инструмента перехода от возникновения прав и обязанностей субъектов права к их реализации. Основания же для обособления реального общественного отношения и отношения правового – отсутствуют.

Представляется логичным поддержать рассмотрение правоотношения как индивидуализированной общественной связи, возникающей между лицами в силу правовой нормы и характеризующейся субъективными обязанностями и правами, а также поддерживаемой государственным принуждением².

В доктрине в основном поддерживается деление правоотношений на регулятивные и охранительные. Как отмечал С.С. Алексеев, такое деление корреспондирует соответствующему делению норм права, поэтому регулятивная функция права реализуется через регулятивные нормы, на основе которых складываются регулятивные отношения; это же касается и функции по охране нарушенного права: реализуется через охранительные нормы, на основе них складываются охранительные отношения³. Предложенная еще в начале 20 века С.А. Муромцевым конструкция «вынудительного» отношения «состоит в обусловленной властью и принадлежащей субъекту возможности противодействия другим лицам в случае нарушения, предпринятого или уже совершенного ими»⁴.

Не вдаваясь в дискуссию о степени автономности охранительных отношений от регулятивных и отметив реализацию в них как мер защиты, так и мер ответственности, обозначим выработанные в доктрине признаки данных отношений: возникают помимо воли участников правоотношения по

---

¹ См., например: Братусь С.Н. Право и хозяйственный механизм // Правоведение. 1993. № 4. С. 33; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Издательство ЛГУ, 1959. С. 31

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. С. 82.

³ Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. М., 2009. С. 350 – 351.

⁴ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права // Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2004. С. 575- 576.

предусмотренным законом основаниям и вследствие неправомерного поведения (юридический факт), являются обязательственными, ретроспективными, односторонними, относительными отношениями активного типа¹.

Впервые юридическая ответственность рассмотрена в качестве правоотношения И.А. Галаган и А.И. Санталовым, которые утверждали, что такое состоит в вынужденном претерпевании виновным отрицательных последствий своего правонарушения в форме осуждения (порицания) со стороны государственных органов². Аналогичного мнения придерживаются Б.Т. Базылев³, Н.В. Витрук⁴, Н.С. Малеин⁵, В.П. Мозолин⁶, М.Д. Шиндяпина⁷, которые также обращают внимание на реализацию ответственности в рамках особого охранительного отношения и на его возникновение в связи с *совершением правонарушения*.

Как отмечает И.Л. Честнов, юридическая ответственность является юрисдикционным правоотношением, в котором реализуется правовая санкция: в результате правонарушения правоотношение возникает, а исполнением наказания – заканчивается⁸. Аналогичного мнения придерживается В.К. Бабаев⁹.

---

¹ Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М., 2022. С. 99 – 100.

² См. подробнее: Галаган И.А. Методологические проблемы общей теории юридической ответственности по советскому праву // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1989; Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. С. 18. Юридическую ответственность в качестве особого охранительного правоотношения рассматривает Д.А. Липинский, считающий, что это возникающее в момент совершения правонарушения, властеотношение, содержание которого – полномочие уполномоченных органов принудить правонарушителя к претерпеванию негативных правоограничений, а также обязанность нарушителя претерпеть эти правоограничения (см.: Липинский Д.А. Указ. соч. С. 242).

³ Ученый полагает, что юридическая ответственность – это динамическое правоотношение, возникающее из факта правонарушения, между государством и правонарушителем (Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. С. 95 – 96).

⁴ По его мнению, после совершения нарушения правоотношение из общего охранительного преобразуется в индивидуальное охранительное, которое и является отношением юридической ответственности (Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. 432 с. Абз. 379).

⁵ Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1986. С. 19.

⁶ Гражданское право: В 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 / Отв. ред. В.П. Мозолин. М., 2012. С. 751.

⁷ Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С.7.

⁸ Честнов И.Л. Теория государства и права. СПб., 2017. С. 114 – 115.

⁹ Теория государства и права. Под ред. В.К. Бабаева. М., 2016. С. 107.

Иную позицию отстаивают ученые, которые, признавая реализацию юридической ответственности через охранительное правоотношение, отрицают при этом рассмотрение самой ответственности в качестве правоотношения. Так, С.С. Алексеев обращал внимание, что именно применение к виновному государственного принуждения является ответственностью, а в рамках охранительного правоотношения реализуется наказание¹.

Полагаем, что первая точка зрения является предпочтительной по следующим основаниям.

Во-первых, именно правонарушение как юридический факт является необходимым основанием для возникновения охранительного правоотношения, влекущем дополнительные обременения для правонарушителя и его осуждение (порицание).

При этом, несмотря на дискуссию в теории права и в отраслевых науках о структуре составов правонарушений, у *каждого* из них имеется, как в унисон отмечается в доктрине, лицо, совершившее противоправное действие (*субъект*), два *объекта* (нарушенные объективное и субъективное право); объективная сторона (реальный факт и его отражение в материальных следах); *субъективная сторона* (мотивы и цели нарушителя)². Рассуждая онтологически, полагаем, что вопрос о реализации ответственности, с точки зрения анализа реального выполнения ее функций, неразрешим без познания, в их единстве, соотношений категорий: нарушение – восстановление; нарушение – кара.

---

¹ Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 74. Некоторые ученые полностью «разводят» понятия юридической ответственности и правоотношения, отмечая, что ответственность, являясь по своей природе только обязанностью правонарушителя, лишь реализуется в правоотношении (см.: Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 5. С. 46.); правонарушение порождает не саму ответственность, а только охранительное правоотношение; ответственность же возникает после установления уполномоченным лицом факта нарушения и реализуется в применении мер принуждения (см.: Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971. С. 67 - 68).

² См. подробнее: Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 74; Витрук Н.В. Указ соч. Абз. 1241; Кузьмин И.А. Специфика частноправовой ответственности // Lex russica. 2018. № 4. С. 37 – 52.

Во-вторых, сама классическая структура правоотношения (субъекты, содержание, объект) позволяет рассмотреть форму и содержание в единстве: содержание обретает форму.

Так, в охранительном правоотношении ответственности *субъектами* являются «участник общественного отношения, способный и обязанный отвечать за юридически значимое поведение и участник, обеспечивающий возможность применения мер ответственности»¹; *содержание* представлено правом-притязанием «переросшим из субъективного права при неисполнении юридической обязанности»² и обязанностью нарушителя «претерпеть наказание (или иные меры юридической ответственности)»³; *объектом* считаются «принуждение правонарушителя к исполнению обязанности претерпеть меры ответственности для обеспечения и защиты нарушенного правопорядка... состояние наказанности»⁴. По сути, уровни структуры правоотношения определяют друг друга; феномен же юридической ответственности рассматривается в системном единстве. Гносеологическое значение этого неопределимо для юридической науки, включая сравнительное правоведение.

В-третьих, такой подход позволяет в полной мере проследить динамику охранительного правоотношения, заключающуюся в особенностях реализации прав и обязанностей потерпевшего (кредитора), правонарушителя (должника) и уполномоченного государственного органа. Это, в свою очередь, делает возможным определение метода правового регулирования конкретных типов и видов юридической ответственности.

Рассмотрение же феномена юридической ответственности в виде охранительного правоотношения именно в сфере несостоятельности, соответствует ее статичной материально-правовой природе (стадия

---

¹ См.: Кирсанова А.В. Правоотношения юридической ответственности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 15.

² Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М., 1981. С. 112.

³ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. СПб., 2007. С. 540.

⁴ Кузьмин И.А. Проблемы реализации юридической ответственности: Монография. Иркутск, 2015. С. 32.

реализации правоотношения ответственности неплатежеспособного должника) и динамичной сущности (последовательные процедуры банкротства)¹.

В этой связи следует признать актуальной предложенную Б.Т. Базылевым и М.Д. Шиндяпиной концепцию стадий юридической ответственности. Используя конструкцию правоотношения, они отмечают, что любое правоотношение ответственности проходит три стадии²: *возникновение* (совершение правонарушения, возникновение у публичной власти права применить ответственность и обязанность нарушителя претерпеть эти меры), *конкретизация* (начинается с момента обнаружения и заключается в уточнении вида и меры ответственности; характеризуется появлением процессуального статуса у правонарушителя; заканчивается принятием решения, содержащего указание на меру ответственности), *реализация* (начинается с момента вступления в силу решения о привлечении к ответственности и заканчивается реализацией наказания)³.

С учетом изложенного, предлагается следующее авторское понятие юридической ответственности: это *возникающее* из факта *правонарушения* охранительное⁴ правоотношение, которое, в отличие от мер защиты, реализуется в реальном возложении *уполномоченным лицом* на *правонарушителя* санкции в виде *дополнительного* обременения.

---

¹ Изложенное, по нашему мнению, также позволит решить научную задачу по выявлению юридически значимых связей (системности) между правоотношениями ответственности должника и иных лиц в сфере несостоятельности: содержание, динамика, метод и объект правового регулирования.

² Под стадией понимается соотношение определенного объема прав и обязанностей (статуса) правонарушителя с этапами познания правонарушения публичной властью (Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. Учебное пособие. М.: Книжный мир, 1998. С. 162). Этот вопрос подробно освещается в главе 2 диссертации.

³ Там же. При этом Б.Т. Базылев, поддерживая сущностные характеристики стадий, именует их по-другому: формирование, детализация, осуществление (Базылев Б.Т. Указ. соч. С. 96).

⁴ Мы также считаем корректным употребление характеристики «штрафное» правоотношение, имея ввиду генетически присущее каждой мере ответственности «дополнительность обременения». Это касается как имущественных (компенсация убытков, субсидиарная ответственность), так и неимущественных санкций (отстранение управляющего, субординация) (см. подробнее: Шиткина И.С. Понятие, особенности и виды гражданско-правовой ответственности // Корпоративное право: Учебник. М., 2019. Абз. 6061; Липинский Д.А. Карательная и восстановительная функции гражданско-правовой ответственности // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 42 - 45. Абз. 40; Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М., 2022. Абз. 377, 1282).

Предложенный *интегрированный* подход к исследуемому феномену полностью отражает указанные выше существенные признаки юридической ответственности и содержит все элементы состава правоотношения (субъекты – уполномоченное лицо и правонарушитель; содержание – право требования применения санкции и обязанность как мера должного поведения нарушителя, объект – реальное претерпевание нарушителем негативных последствий), включая его динамические характеристики (от возникновения до реализации).

Выяснение же особенностей указанных элементов содержания правоотношения ответственности и оснований его возникновения возможно через *дифференциацию* юридической ответственности по видам, что представляет как научную, так и практическую ценность для правоприменителя и законодателя.

Предмет и метод правового регулирования обеспечивают, по выражению Р.Л. Хачатурова, «системное *единство* явления юридической ответственности»¹ или, иными словами, выступают «факторами, интегративными свойствами, образующими систему юридической ответственности»². В этой связи первичный уровень классификации юридической ответственности корреспондирует к разделению права на частное и публичное.

На основании разделения права на частное (*jus privatum*) и публичное (*jus publicum*) указал Ульпиан: «публичное право есть то, которое относится к положению государства в целом; частное - относится к имущественным

---

¹ Хачатуров Р.Л. Понятие системы юридической ответственности // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Выпуск 1. Тольятти, 1998. С. 40.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 49. Они же (предмет и метод правового регулирования) в диалектике единства и борьбы противоположностей, одновременно являются «определяющим критерием в разграничении системы юридической ответственности на виды..., позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевую принадлежность определенного вида юридической ответственности, взаимопроникновение и точки пересечения различных видов юридической ответственности» (Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12. СПС «КонсультантПлюс»).

выгодам отдельных лиц»¹. Исследователями повсеместно отмечается, что как в античное время, так и в современной доктрине право частное и публичное не противопоставляются, но взаимодействуют: Ульпиан говорит о *единой полезности* (*utilia*), поскольку публичное право служит субсидиарно и частным интересам, а нормы частного права прямо или опосредованно реализуют интерес общественный²; связь частного и публичного права – координационная (не иерархическая), эти системы имеют предметно-функциональных связи³.

Однако имеется и значительная специфика. Так, по мнению Е.А. Суханова, «частное право построено на началах координации (согласования) деятельности юридически равных участников регулируемых отношений, реализующих собственные (частные) интересы, и потому представляет собой систему их децентрализованного регулирования... публичное право построено на принципе субординации (подчинения) неравноправных субъектов, деятельность которых связана с осуществлением... публичных интересов, и потому представляет собой систему централизованного регулирования соответствующих отношений»⁴.

Обозначенные особенности предмета и метода правового регулирования в праве определяют признаваемое многими исследователями разделение ответственности на публично-правовую и частноправовую.

Так, по мнению В.И. Крусс, различие между указанными родами ответственности заключается в характере интереса: частное право регламентирует интересы частных лиц, а публичное – публичные интересы; в первом случае санкция направлена на обеспечение частного (частноправовая

---

¹ Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки из истории составления и общая характеристика. М., 1956. С. 101.

² См.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2000. С. 26.

³ См.: Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 239, 240.

⁴ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I. М.: Статут, 2016. С. 57 - 58 (автор гл. 1 - Е.А. Суханов).

ответственность), а во втором – публичного (публично-правовая ответственность) интереса¹.

Выделение родовой² юридической ответственности критикуется некоторыми учеными по мотиву наличия публично-правовой природы у любой юридической ответственности³, а также со ссылкой на исключительно отраслевую принадлежность видов ответственности (уголовная, административная, гражданская, трудовая и т.д.), каждая из которых «характеризуется собственным набором средств принудительного воздействия»⁴.

В качестве признаков самостоятельности *отраслевых* видов ответственности Е.А. Суханов выделяет, во-первых, наличие конкретной группы правоотношений как специфическом объекте регулирования; во-вторых, устойчивость юридических связей именно внутри института ответственности; в-третьих, соответствие применяемых специальных терминов требованиям юридической однородности; в-четвертых, наличие

---

¹ См.: Крусс В.И. Конституционные критерии юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 43. Соответственно, в публичных отраслях права правонарушитель несет ответственность перед государством, а в частных – перед субъектом частного права (см.: Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 17 – 19). Эта позиция в доктрине уточняется: применяемые в рамках публично-правовой ответственности санкции направлены на сохранение отношений, определенных правовой системой общества (уголовные, административные санкции), и применяются в отношении правонарушителей безотносительно имущественных последствий их нарушения. Частноправовая же ответственность носит в основном компенсационный характер (например, компенсация вреда пострадавшему – выражение гражданско-правовой ответственности) и с точки зрения воздействия на правонарушителя, является средством регулирования экономических отношений для восстановления хозяйственного оборота Шубников Ю.Б., Андреянова И.В. Указ. соч. С. 131 – 133). Исследователи также выделяют два основных способа реализации охранительной направленности института юридической ответственности: государственный запрет, пресечение самих по себе противоправных и деструктивных действий, то есть принуждение к правомерному поведению (публично-правовая ответственность) и понуждение нарушителя восстановить имущественное право (частноправовая ответственность) (там же. С. 133).

² То есть первичное разделение ответственности на публично-правовую и частноправовую.

³ Так, Д.А. Липинский считает, что, в частности, «цивилисты, рассматривая структуру правонарушения, не учитывают системности общественных отношений, их взаимосвязи, полагая, что вред причиняется только отдельно взятой личности. Однако, воздействуя на одно общественное отношение, являющееся объектом посягательства, косвенно затрагиваются и другие разновидности отношений, а в итоге вред причиняется всему правопорядку в целом» (Липинский Д.А. Публично-правовая и частноправовая ответственность: есть ли основания для классификации. // Юридическая наука. 2016. №6. С. 32).

⁴ Рунец С.В. Публично-правовая ответственность главы государства // Бизнес в законе. 2010. № 3. С. 11.

общей нормы как основы института ответственности; в-пятых, особенности функций той или иной ответственности¹.

В таком подходе общепризнанными являются следующие отраслевые виды ответственности: гражданско-правовая (гражданское право), административная (административное право), уголовная (уголовное право), материальная и дисциплинарная (трудовое право)².

Несогласие с отраслевым подходом сводится к оспариванию принадлежности конкретного вида ответственности только к одной отрасли права; за правонарушения, например, в области земельного права может наступать и гражданская, и уголовная, и административная ответственность.

В поисках универсальной и непротиворечивой видовой классификации юридической ответственности ученые предлагают использовать критерий санкций «по способу, которым они служат охране правопорядка»³. При таком подходе выделяются карательно-штрафная ответственность (уголовная, административная, дисциплинарная) и праввосстановительная ответственность (гражданско-правовая).

Указанная классификация является по существу и функциональной. Так, С.С. Алексеев также выделял карательную и праввосстановительную функции⁴; В.Н. Протасов и М.Н. Малеина указывали на предупредительно-воспитательную, компенсационную, репрессивную и сигнализационную

---

¹ Российское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Том 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. М.: Статут, 2014. С. 432-433.

² Перечень признаков классификации по данному критерию был расширен Хачатуровым Р.Л. и Липинским Д.А., которые категорично отмечают, что «любая отрасль права (если она сформировалась в качестве самостоятельной) должна обладать собственным институтом юридической ответственности», без которого «ни одна отрасль права не может нормально функционировать» (Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Указ соч. С. 812, 818). Интересен критерий выделения отраслевой ответственности, предложенный Г.А. Прокопович: поскольку юридическая ответственность становится обязанностью правонарушителя только посредством приобретения процессуальной формы, ученый предлагает выделить процессуальные формы ответственности: уголовная, административная, конституционная, гражданская (см.: Прокопович Г.А. Указ. соч. С. 23).

³ См. подробнее: Лейст О.Э. Указ. соч. С. 62 - 68.

⁴ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 150.

функции¹ (свидетельствует о недостатках в поведении должника, способствующих наступлению правонарушения)².

Однако не все функции юридической ответственности позволяют выделить отдельные виды ответственности³. Кроме того, сложно ограничить конкретный вид ответственности, определенный по данному критерию, только одной функциональной характеристикой⁴.

С позиции так называемого субъективного критерия А.Д. Липинским, А.Ф. Черданцевым и С.Н. Кожевниковым выделяются субъективная, объективная и абсолютная ответственность, соответственно: только в случае вины; без вины, но при наличии причинной связи; без вины и без причинной связи между наступившими последствиями и содеянным⁵.

Заметим, что абсолютная «ответственность», по нашему мнению, таковой не является, поскольку относится, в контексте отдельного рассмотрения мер защиты и юридической ответственности, к первым.

Имеются и иные видовые классификации юридической ответственности.

В частности, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский выделяют объект правового регулирования как основание для классификации: уголовная и (или) административная ответственность – с учетом объектов посягательств согласно УК РФ или КоАП; гражданская ответственность – по объектам правонарушений в области предпринимательских, имущественных либо неимущественных отношениях и т.д.⁶

---

¹ См.: Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001. С. 227 – 228; Гражданское право: в 2-х ч. М.: Юристъ, 2005. Ч. 1. С. 662.

² Некоторые авторы предлагают выделять воспитательную, превентивную, штрафную, карательную, компенсационную, функции юридической ответственности (см.: Юзефович Ж.Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8 – 9).

³ Например, превентивная, сигнализационная

⁴ Так, если уголовная ответственность является исключительно штрафной (карательной) ответственностью, то, например, гражданско-правовая может быть признана как праввосстановительной, так и штрафной (убытки и неустойка).

⁵ См. подробнее: Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2. С. 27 - 36; Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. Указ. соч. С. 39 - 48.

⁶ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Указ. соч. С. 675 – 677.

Однако и эта классификация не бесспорна ввиду частого совпадения объектов правовой охраны тех или иных правоотношений.

В зависимости от характера применяемых санкций выделяется имущественная и неимущественная ответственность. В первом случае ее основная природа сводится, по выражению Ю.Г. Басина и А.Г. Диденко, к возмещению в пользу потерпевшего с нарушителя конкретной суммы, не взыскиваемой при должном поведении¹; во втором – к неимущественным последствиям для нарушителя в виде, например, при гражданско-правовом регулировании, ограничения корпоративных прав, исключения их юридического лица².

Эту классификацию сложно признать всеобъемлющей: имущественные и неимущественные негативные последствия для правонарушителя актуальны при нарушении норм права различных отраслей.

Таким образом, налицо как преимущества, так и недостатки каждой из обозначенных классификаций.

Нами поддерживается родовое деление юридической ответственности на публично-правовую и частноправовую, а также отраслевая классификация и классификация по видам санкций, ввиду следующих трех предпосылок.

Методологический аспект заключается в рассмотрении феномена юридической ответственности в качестве правоотношения. Это предопределяет выбор указанной родовой классификации как предпочтительной, которая, по сути, становится инструментом метода исследования в настоящей научной работе.

Так, регулятивные правоотношения первично делятся на частноправовые и публично-правовые, что корреспондирует появлению охранительных

---

¹ Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Дисциплинирующее значение оперативных санкций // Советское государство и право. 1983. № 4. С. 52.

² Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019. 488 с. Абз. 2095.

частноправовых и охранительных публично-правовых отношений¹. Отраслевая же классификация в таком подходе выполняет роль детализирующей, а классификация по видам санкций отражает сущность негативного последствия для правонарушителя.

Предметный аспект заключается в выборе объекта исследования настоящей научной работы – ответственность в сфере несостоятельности. Правоотношения несостоятельности, образуя комплексный межотраслевой правовой институт, объединяют однородные общественные отношения.

Поэтому динамика отношений ответственности в этой сфере складывается под воздействием не просто разных видов *отраслевой* ответственности (гражданской, уголовной, административной и др.), но *разных правовых режимов* регулирования ответственности, которые объединяют в себе совокупность правовых средств на уровне родов юридической ответственности: публично-правовой и частноправовой; в таком подходе их можно признать *межотраслевыми*.

Легальный аспект состоит в признании существования публично-правовой и частноправовой ответственности не только в международном праве², а также в национальном законодательстве, включая официальную доктрину КС РФ³.

---

¹ См.: Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. М.: Проспект, 2017. 320 с. Абз. 484.

² Например, субъектами частноправовой ответственности являются супруги в отношениях между собой (ст. 5 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г.Страсбурге 22.11.1984), ратифицирован Российской Федерацией на основании Федерального закона от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»). Утратил силу с 16.03.2022 г. (Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023, № 10. Ст. 1566).

³ Здесь и далее – Конституционный Суд Российской Федерации. Например, конституционная практика основывается на признании публично-правовой ответственности отдельным видом юридической ответственности, которая является по своей природе государственным принуждением; правом привлечения к публично-правовой ответственности обладает только государство; целью данной ответственности является защита как публичного, так и частного интереса, применение вида и меры публично-правовой ответственности зависит исключительно от публичного интереса (см.: определение Конституционного суда Российской Федерации от 05.02.2015 г. № 236-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловой В.Н. на нарушение ее конституционных прав ст. 25.5 КоАП РФ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного суда Российской Федерации от 15.01.2015 г. № 27-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Абсалямова Р.Р., Дворникова А.В. и других на нарушение их конституционных прав ст. 159.4 УК РФ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17.10.2011 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности ч.ч.1 и 2 ст. 133 УПК РФ

Итак, юридическая ответственность, в настоящем исследовании рассматривается в качестве особого охранительного правоотношения. Наряду с отраслевой, функциональной, субъективной и объективной классификациями, выделяется также ее родовая классификация (публично-правовая и частноправовая ответственность) и классификация по видам негативных последствий для правонарушителя (имущественным и неимущественным).

§ 1.2 ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ДОЛЖНИКА

Обобщенная категория юридической ответственности в сфере несостоятельности практически не исследована в российской юридической науке; соответствующие монографические исследования отсутствуют¹. По настоящее время доктриной общего понятия ответственности в сфере несостоятельности не предложено, его легальное определение Законом не предлагается; вопрос о характере и степени самостоятельности указанной ответственности не разрешен; четкого разделения категорий «несостоятельность» и «ответственность» (как по отношению к должнику, так и к иным лицам, участвующим в деле и в процессе о банкротстве) не произведено; меры защиты и меры ответственности в данных правоотношениях отдельно не рассматриваются; различная правовая природа восстановительных процедур и мер ответственности подчас необоснованно смешивается.

в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 6123. СПС «КонсультантПлюс»).

¹ Лишь немногие авторы уделили внимание рассмотрению ответственности в сфере несостоятельности на уровне отдельных публикаций. Так, С.А. Карелина считает, что категория ответственности в банкротстве не сводится к анализу видов, условий и оснований ответственности и включает в предмет исследования также частноправовые и публично-правовые средства восстановления платежеспособности должника, в том числе реабилитационные процедуры (см. Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 3 – 9) По пути анализа отдельных видов правонарушений идут другие авторы, отмечая, что законодательство о банкротстве предусматривает гражданскую, административную и уголовную ответственность различных лиц (см. Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 10 – 15).

Увидеть проблему именно в таких ракурсах мешают две сомнительные крайности в суждениях относительно понятий «ответственность» и «несостоятельность»: с одной стороны, их отождествление (применительно к должнику) и, с другой стороны, рассмотрение их как автономных (в связках оппозиций «должник – участвующие в процессе¹ или в деле² о банкротстве», «должник – контролирующее должника лицо»)³. Путь опровержения этих крайностей мы «подсветим» двумя логическими предпосылками.

Первая, онтологическая, заключается в том, что категория ответственности по своей природе – это охранительное правоотношение, возникающее из факта правонарушения, которое реализуется в возложении уполномоченным лицом на правонарушителя санкции в виде дополнительного обременения.

Вторая, предметная, сводится к обусловленности предмета правового регулирования специальной ответственности (родовой, видовой, институциональной либо согласно норме) природой соответствующего нарушенного регулятивного правоотношения. Как отмечал В.П. Грибанов, «характер самого требования о защите права определяется характером нарушенного или оспариваемого материального права, содержание и назначение которого в основном и определяет способ его защиты»⁴.

При этом степень самостоятельности предмета регулятивных правоотношений и метода воздействия на них, влекущая возможность выделения таких регулятивных правоотношений в отдельную отрасль права, порождают вопрос о самостоятельности вида юридической ответственности⁵.

---

¹ Лица, участвующие в процессе по делу о банкротстве, том числе представители работников и учредителей, саморегулируемые организации управляющих (СРО) (ст. 36 Закона о банкротстве).

² Лица, участвующие в деле о банкротстве, в том числе арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы (ст. 35 Закона о банкротстве).

³ В учебной литературе по конкурсному праву общий раздел о юридической ответственности отсутствует; разрабатываются только отдельные виды ответственности в сфере несостоятельности, в основном гражданско-правовой природы (субсидиарная ответственность контролирующих лиц, возмещение убытков участниками органов управления). См., например, содержание учебного пособия: Ткачев В.Н. Конкурсное право. М., 2007; учебный курс Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство) / под ред. С.А. Карелиной (в 2-х томах). М., 2018.

⁴ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 97.

⁵ Как указывает Д.А. Липинский, «любая отрасль права (если она сформировалась в качестве самостоятельной) должна обладать собственным институтом юридической ответственности» (Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12. С. 24).

Например, семейно-правовая¹, налоговая², антимонопольная³, финансовая⁴ ответственность и т.д.

Поэтому для решения обозначенных вопросов мы проанализируем природу правоотношений несостоятельности, определимся с возможностью отнесения конкурсного права к институту либо отрасли права, а также к отрасли законодательства, рассмотрим природу складывающихся в этой сфере охранительных отношений.

Рассмотрим природу правоотношений несостоятельности.

Как и любые иные, отношения, возникающие в связи с несостоятельностью, имеют фактическое (экономическое) и юридическое содержание.

Определяя экономическую сущность несостоятельности как «неспособность субъекта рыночных отношений... рассчитаться по своим долгам» и «отсутствие оснований для восстановления платежеспособности должника»⁵, С.А. Карелина указывает на следующее социально-экономические показатели содержания несостоятельности: 1) неплатежеспособность должника (как правило, абсолютная⁶); 2) особое имущественное состояние должника (превышение пассива над активом – в дополнение к неплатежеспособности); 3) эффективность управления финансовыми ресурсами, которая зависит от финансовой устойчивости и недопустимости прекращения платежей; 4) сбалансированность входящего и исходящего денежного потока⁷.

---

¹ См.: Шершень Т.В. Проблемы ответственности в современном российском семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 3.

² См.: Анисимов А.П., Ветютнев Ю.Ю. Новый вид юридической ответственности? // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского процесса: сборник научных статей. Волгоград, 2007. С. 15-25.

³ См.: Рыженков А.Я. Правовая природа антимонопольной ответственности // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 53-58.

⁴ См.: Поветкина Н.А. Понятие и виды юридической ответственности за нарушение финансового законодательства // Ответственность за нарушение финансового законодательства: научно-практическое пособие. М., 2014. Абз. 141. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство): понятие и его системообразующие признаки // Несостоятельность (банкротство): учебный курс / Отв. ред. С.А. Карелина. М., 2018. С.с. 42, 50.

⁶ Под абсолютной неплатежеспособностью, в отличие от относительной, понимается превышение периода просрочки, установленного ст. 3 для вывода о признаках несостоятельности.

⁷ Карелина С.А. Указ. соч. С. 43-50.

Учитывая, что в экономической доктрине финансовая несостоятельность, некачественное управление финансовыми ресурсами не являются, как правило, сущностными характеристиками несостоятельности¹, под *экономической сущностью* несостоятельности мы понимаем явление абсолютной неплатежеспособности должника вследствие неэффективности его бизнеса в связи с рыночными и (или) производственными факторами.

Вопрос же о *юридических характеристиках* отношений несостоятельности является дискуссионным². Так, анализируя публично-правовые и частноправовые начала правоотношения несостоятельности, В.Ф. Попондопуло отмечает, что оно возникает из, соответственно, организационно-управленческих (между частными лицами и государством) и имущественных (гражданско-правовых) регулятивных отношений. Правоотношение несостоятельности, возникающее, по его мнению, с момента подачи заявления в суд о признании должника банкротом, «упаковывается» ученым в три уровня правовых форм:

- нарушенное первичное регулятивное правоотношение;
- возникшее материальное охранительное обязательство, которое выражается в совокупном требовании всех кредиторов ввиду невозможности предъявления требований в индивидуальном порядке)³;
- процессуальное правоотношение в виде активного процессуального соучастия кредиторов в арбитражном процессе⁴.

---

¹ См. подробнее: Глухова О.Ю., Шевяков А.Ю. Несостоятельность (банкротство) как правовая и экономическая категория // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 170; Рондарь Н.В. Экономическая несостоятельность как процесс, характеризующий кризисное состояние организации // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 1. Ч. 2. С. 263).

² Единого мнения об их регулятивной либо охранительной природе, о степени соотношения частноправовых и публично-правовых начал, а также материальных и процессуальных аспектов – не выработано.

³ Из этого видно, что данное охранительное обязательство, по мнению ученого, имеет гражданско-правовую природу и, следовательно, относится к частноправовым отношениям.

⁴ См.: Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебное пособие. М., 2001. С. 30 - 34. Несмотря на то, что В.Ф. Попондопуло не делает прямого вывода о природе данного процессуального правоотношения, представляется, что ученый относит его к публично-правовым, поскольку, во-первых, он делает акцент на властные полномочия арбитражного суда как обязательный элемент его содержания и, во-вторых, отмечает зависимость объема реализуемых кредиторами прав от императивных правил Закона *о соучастии* кредиторов (Там же).

Иного мнения придерживается Е.Г. Дорохина, рассматривающая правоотношение несостоятельности как регулятивное материальное правоотношение, содержащее новое субъективное право кредитора требовать соразмерного пропорционального удовлетворения в определенной Законом очередности. Обязательство с активной множественностью кредиторов, по ее мнению, в банкротстве не возникает, так как единого предмета отношения между кредиторами и должником не имеют. Несмотря на то, что правоотношение несостоятельности имеет процессуальную форму, оно не тождественно процессуальным правоотношениям, складывающимся между каждым из участвующих в деле лиц и арбитражным судом¹.

Мы не можем в полной мере согласиться ни с одной из приведенных точек зрения, поскольку в них не представлены существенные характеристики исследуемых отношений.

Во-первых, экономическое содержание отношений несостоятельности обуславливает их *имущественный* характер, на что указывает С.А. Карелина, определяющая их как экономические, имущественные отношения, возникающие в связи с неспособностью должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов в условиях недостаточности его имущества, сопряженные с мерами по предупреждению банкротства, по реализации соответствующих процедур².

Во-вторых, эти правоотношения являются по своей генеральной природе охранительными, поскольку относятся, как выражался С.С. Алексеев, к случаям, когда в целях правоприменения «оказывается необходимым еще раз включиться, “вклиниться” в действие механизма правового регулирования»³.

---

¹ См.: Дорохина Е.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) // Журнал российского права. 2006. № 5. СПС «КонсультантПлюс». Автор также уклонился от вывода о частной либо публичной природе исследуемых правоотношений. Однако, на наш взгляд, относит их в целом к публично-правовой, поскольку нарушенное субъективное право «трансформируется» помимо воли кредиторов; воля кредиторов формируется на началах подчинения большинству (там же).

² См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. С. 128-129, 146.

³ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 164. Считаем генеральной телеологической линией отношений, возникающих в связи с неспособностью должника удовлетворить

Учитывая также, что обязательным условием для обращения в арбитражный суд с заявлением о банкротстве является наличие актуального исполнения, подтвержденного вступившим в законную силу решением суда либо налогового органа (ст. 7 Закона о банкротстве), правоотношение несостоятельности, *применительно к должнику, является стадией реализации его ответственности* за нарушение регулятивного правоотношения. В данном случае именно *должник* выступает непосредственной стороной *имущественного охранительного* правоотношения, отвечая «за банкротство».

В-третьих, очевидно также наличие в правилах банкротства целого комплекса *регулятивных* норм с самостоятельными гипотезами, диспозициями и санкциями, что обусловлено *преобразованием* прежних регулятивных отношений.

Применительно к правоотношению несостоятельности это проявляется в том, что согласно Закону о банкротстве¹ с даты введения наблюдения конкурные кредиторы лишаются права предъявлять свои требования в индивидуальном порядке. На основании этого С.А. Карелина утверждает, что с этого момента «права отдельных кредиторов как бы аккумулируются, представляя собой определенное единство»².

Однако вывода о том, что исследуемые отношения являются имущественными, связанными с реализацией возникшего нового совокупного требования реестровых кредиторов о соразмерном пропорциональном удовлетворении³, представляется недостаточным.

Поэтому заметим, в-четвертых, что эти регулятивные правоотношения представлены также *производными* отношениями, возникающими после возбуждения дела о банкротстве: по управлению поведением участвующих в

требования кредиторов – предполагающую принудительное исполнение защиту нарушенного субъективного права последних на своевременное и полное удовлетворение своих требований к должнику.

¹ См.: абз. 2 п. 1 ст. 63, абз. 2 п. 1 ст. 81, абз. 8 п. 1 ст. 94 и абз. 7 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве.

² Карелина С.А. Указ. соч. С. 236.

³ По сути, сменившими прежние отношения по реализации субъективных прав кредиторов требовать полного удовлетворения первоначального обязательства.

деле о банкротстве лиц, по реализации кредиторами указанного нового субъективного права. По своей природе они являются *неимущественными* (в том числе *управленческими*¹) и связаны с реализацией либо *обычных* правомочий² по общим вопросам хозяйственной деятельности, либо *специальных*³, направленных на достижение целей конкретных процедур⁴.

От отношений несостоятельности как *стадии реализации ответственности должника*, указанные отношения отличаются тем, что с момента введения внешнего управления либо конкурсного производства, должник по существу *прекращает непосредственное участие* в данных отношениях: от его имени действуют самостоятельные⁵ субъекты – арбитражный управляющий либо конкурсные кредиторы, представитель работников должника⁶. По существу непосредственными участниками данных *регулятивных* отношений являются участвующие в процессе либо в деле о банкротстве лица, действуя *«в банкротстве»*.

Наконец, пятой особенностью отношений несостоятельности является то, что, их динамика, с одной стороны, определяется *частной волей* отдельных кредиторов (подача в суд заявления о банкротстве, решение собрания о

---

¹ В доктрине преобладает мнение о том, что указанные неимущественные отношения выполняют *обслуживающую* функцию по отношению к основным имущественным отношениям, направленным на защиту и восстановление требований кредиторов (см., например, Гонгало Б.М. Предмет гражданского права // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: Теория и практика. Екатеринбург, 2004. Ч. 1. С. 58).

² Например, правомочие временного управляющего по даче согласия на отчуждение имущества должника с превышением установленного лимита; правомочие конкурсного управляющего по общему управлению всеми делами должника в случае признания банкротом (п. 2 ст. 64, п. 2 ст. 126).

³ В частности, полномочия конкурсных кредиторов по принятию ими решений о введении процедур банкротства, выборе кандидатуры арбитражного управляющего, контроль за его деятельностью и т.д. (ст.ст. 12, 14, 15, п.п. 1 и 4 ст. 20.4).

⁴ На наличие некоторого «тождества» в обычном и «банкротном» управленческих правоотношениях указывается в доктрине (см., например, Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с. Абз. 1336).

⁵ Действительно, арбитражный управляющий, например, действует не только в интересах должника, но и кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3), в связи с чем является самостоятельным и независимым участником отношений в связи с несостоятельностью.

⁶ Например, подача заявлений об оспаривании сделок; о привлечении к ответственности по основаниям, предусмотренным ст.ст. 61.11, 61.12, 61.13 Закона; предъявление в деле о банкротстве контролирующего лица требования о включении в реестр требований кредиторов, основанное на заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности; заявление требований о взыскании убытков при банкротстве и др. (ст. 61.9, п.п. 1 и 2 ст. 61.14, ст.ст. 61.16, 61.20 Закона).

порядке реализации имущества должника)¹, а с другой стороны, *особым публичным порядком* реализации прав кредиторов (соразмерность и очередность удовлетворения их требований).

Поэтому их правовое регулирование «находит свое выражение во взаимодействии частноправовых и публично-правовых интересов, частноправовых и публично-правовых средств»². Такое суждение соответствует высказанной КС РФ в Постановлении № 36-П³ позиции о том, что институт банкротства имеет особую публично-правовую цель, заключающуюся в обеспечении баланса прав и законных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, имеющих диаметрально противоположные интересы⁴; при этом воля сторон спора формируется с учетом того, что «процедуры банкротства... предполагают принуждение меньшинства кредиторов большинством».

В итоге, предлагаем понимать под правоотношениями несостоятельности два вида отношений:

а) комплексные, возникающие между должником, лицами, участвующими в деле и в процессе по делу о банкротстве, а также контролирующими должника лицами *имущественные охранительные* отношения, связанные со стадией реализации ответственности должника ввиду его неспособности удовлетворить требования кредиторов;

б) *производные* от них *регулятивные имущественные и неимущественные* (в том числе управленческие) отношения в связи с предупреждением банкротства и реализацией целей его процедур.

Определяя *институциональную принадлежность конкурсного права*, заметим, что некоторые авторы рассматривают конкурсное право в качестве

---

¹ См. ст. ст. 8, 12 Закона о банкротстве.

² Карелина С.А. Указ. соч. С. 306.

³ Здесь и далее - Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18.11.2019 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 15 и 1064 ГК РФ, п. 1 ст. 10 и п. 3 ст. 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В.И. Лысенко» // СЗ РФ. 2019. № 47. Ст. 6738.

⁴ Там же.

отдельной отрасли права¹. Однако большинство авторов полагают, что оно является комплексным правовым институтом², базовым системным межотраслевым институтом³, институтом, «сочетающим нормы различных отраслей права, включающим нормы материального (гражданского, административного, финансового, трудового и др.) и процессуального права»⁴.

Полагаем, что конкурсное право не может быть признано отраслью права ввиду того, что регулируемые отношения не являются однородными, а метод характеризуется как смешанный. Поддерживаем позицию о *комплексном межотраслевом характере* данного института, поскольку он включает в себя нормы нескольких отраслей права, которые «пропитывают» собой нуждающуюся в регулировании группу сходных общественных отношений. Такое «удвоение системы права» означает не просто образование вторичных наслоений над базовой системой права, но свидетельствует о появлении *комплексного регулирования*⁵ общественных отношений⁶.

Одновременно конкурсное право, следует отнести к *комплексной отрасли законодательства*, которая «регулируя определенные сферы, выделяется только по предмету; единого метода не имеет. Кроме того, предмет отрасли законодательства включает в себя различные отношения, в связи с чем отрасль законодательства не является такой однородной, как отрасль права»⁷.

---

¹ См., например, Солодилов А.В. Общие проблемы арбитражного процесса по делам о несостоятельности (банкротстве): правовая природа и структура. Томск, 2006. С. 104 – 105; Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 66 – 69.

² См.: Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 3 - 4.

³ См.: Фролов И.В. Институт несостоятельности (банкротства) в системе российского права: модель и внутренняя структура // Предпринимательское право. 2020. № 1. С. 37 – 38.

⁴ Укусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. 2014. № 2. С. 218.

⁵ Речь идет о поддерживаемой нами теории двухуровневой системы права, согласно которой существуют основные отрасли права и смешанные (комплексные) отрасли и институты (См., например, Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2002. С. 210).

⁶ Теоретической основой такого подхода являются идеи С.С. Алексеева о существовании комплексных образований, являющихся вторичными структурными элементами в системе права вследствие специфики некоторых отношений «пограничного» характера и необходимостью их «подстройки» в рамках нескольких отраслей права (см.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 110).

⁷ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 377.

Итак, определив правоотношения несостоятельности и институциональную принадлежность конкурсного права, мы, по сути, обозначили, во-первых, содержание и назначение нарушенного материального права и, во-вторых, уровень самостоятельности предмета и метода регулирования этих отношений. От этого, соответственно, зависит *структурно и содержательно* характер возникающих охранительных отношений ответственности в сфере несостоятельности, а также вывод о *родовой, видовой и институциональной* принадлежности данной юридической ответственности.

Рассмотрим теперь юридическую ответственность в сфере несостоятельности и обозначим ее виды.

Нами поддерживается предложенная Н.В. Витруком теория «межотраслевой функциональной ответственности», согласно которой деликтные (негативные) отношения являются предметом регулирования межотраслевых институтов *функционального* типа¹. Причиной появления таких межотраслевых институтов ответственности является усложнение регулируемых общественных отношений; по существу возникает ситуация, когда в принудительной обеспеченности нуждаются *специфические* правоотношения, не относящиеся прямо ни к одной из отраслей права, коими и являются отношения несостоятельности. Крайним проявлением указанной тенденции является, по мнению А.Я. Рыженкова, установление за правонарушения в сфере таких отношений *новых мер* ответственности непосредственно в профильных законодательных актах и, в итоге, формирование *самостоятельных видов* юридической ответственности².

---

¹ Ученый считает, что между различными отраслевыми нормами при регламенте общего предмета регулирования «имеются функциональные связи, которые проявляются в том, что указание закона выступает в качестве необходимой предпосылки, одного из элементов сложного фактического состава, служащего основанием возникновения правоотношений» (см.: Витрук Н.В. Указ. соч. Абз. 998).

² Рыженков А.Я. Антимонопольная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 190 – 191.

Полагаем, что при таком подходе термины «ответственность в сфере несостоятельности» и, собственно «банкротная ответственность» не совпадают.

Под *ответственностью в сфере несостоятельности* следует понимать любые охранительные правоотношения, возникающие в связи с совершением правонарушений в сфере несостоятельности. Использование в данном контексте понятия *ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности* также корректно.

В Законе использованы четыре способа указания на ответственность в сфере несостоятельности применительно к лицам, участвующим в процессе либо в деле о банкротстве, а также к контролирующим лицам.

Первый заключается в использовании бланкетных норм об общей возможности привлечения к ответственности¹.

Суть второго способа – констатация законодателем обязанности возмещения убытков за неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством о несостоятельности. Например, соответствующая обязанность установлена в отношении реестродержателя и оператора электронной площадки².

Приведенные способы самостоятельного нормативного значения не имеют, поскольку в случае правонарушения возникает в силу общих положений уголовной, административной либо гражданской кодификаций, независимо от наличия специальной нормы в Законе.

Третий сводится к установлению в Законе *особых оснований и процедуры* применения видов ответственности, уже предусмотренных российским

---

¹ В частности, указания на то, что нарушение Закона влечет «ответственность в соответствии с действующим законодательством» мы видим применительно к обязанностям СРО; к обязанностям руководителей должника (включая арбитражных управляющих) передать документы и ценности конкурсному управляющему; к обязанностям руководителям финансовых, страховых организаций, негосударственных пенсионных фондов, банков не препятствовать деятельности контрольных органов (соответственно ст.ст. 22, 126, 183.9, 184.1-3, 186.1-2, 189.47, 189.47-1 Закона).

² См.: п. 4 ст. 16, ст. 111.6 Закона о банкротстве. В Законе также имеется указание на возможность взыскания убытков с руководителя временной администрации финансовой организации, с лиц, контролирующих страховую организацию, кредитную организацию либо негосударственный пенсионный фонд (п. 10 ст. 183.6, п. 6 ст. 184.13, п. 13 ст. 186.1-5, п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве).

законодательством, в частности, ГК РФ (возмещение убытков, неустойка, субсидиарная ответственность).

Четвертый выражается в указании на виды ответственности, предусмотренные только Законом.

Во всех перечисленных случаях ответственность включает в себя следующие свои виды, составляющие *систему ответственности* в сфере несостоятельности.

1. *Имущественная ответственность* (частноправовой природы), *предусмотренная ст. 15 ГК РФ* (в частности, возмещение убытков).

2. *Имущественная ответственность* (также частногоправовой природы), в том числе *урегулированная нормами Закона*. Рассматриваемая применительно к должнику исключительно как стадия своей реализации, юридическая ответственность в этих правоотношениях (применительно к контролирующим лицам и к лицам, участвующим в процессе или в деле о банкротстве) именно *возникает*. Преобладающий имущественный характер ответственности определяет природу конкретных мер негативного характера за совершенные правонарушения в сфере несостоятельности.

Отметим сначала *общие* положения ГК РФ о характере и основаниях мер ответственности, применяемых в этой сфере¹:

а) базовые правила об основаниях взыскания убытков и неустойки (ст.ст. 15 и 330 ГК РФ);

б) возмещение убытков юридическому лицу, которые виновно причинены субъектом, имеющим легальную либо фактическую возможность определять действия этого юридического лица и обязанным в силу этого действовать в его интересах разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53.1, п. 3 ст. 53 ГК РФ);

в) возмещение убытков, причиненных дочернему обществу, основным обществом (п. 3 ст. 67.3 ГК РФ);

---

¹ В том числе дополнительно либо по аналогии.

г) субсидиарная ответственность основного общества по долгам дочернего в случае его несостоятельности по вине основного общества (п. 2 ст. 67.3 ГК РФ).

Эти же меры ответственности применяются также по *особым* основаниям и процедуре, предусмотренным Законом¹:

а) возмещение убытков за нарушение законодательства о банкротстве, причиненных со стороны контролирующих должника лиц (ст. 61.13 Закона);

б) возмещение убытков, причиненных контролируемыми лицами должнику, в частности, в период осуществления своего контроля (ст. 61.20 Закона);

в) возмещение убытков арбитражным управляющим вследствие ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве (п. 4 ст. 20.4 Закона);

г) субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов в связи с доведением до банкротства (ст. 61.11 Закона)²;

д) субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.12 Закона).

3. *Специальная ответственность*. Ее отличительной чертой является то, что меры такой ответственности предусмотрены исключительно Законом: а) отстранение арбитражного управляющего за неисполнение своих обязанностей, предусмотренных Законом или федеральными стандартами (п. 1 ст. 20.4 Закона); б) субординация (понижение очередности) требований, производимая по различным основаниям:

- как требований взаимосвязанных³ с должником лиц (абз. 8 ст. 2 Закона) согласно, в частности, положениям Обзора 2020 года¹;

¹ См.: главу III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» и иные нормы Закона.

² В данном случае специальные правила о субсидиарной ответственности в правоотношениях несостоятельности имеют приоритет в силу п. 4 ст. 399 ГК РФ.

³ Имеются ввиду контролирующие должника и аффилированные с ним лица.

- как восстанавливаемое требование контрагента должника в связи с признанием недействительной сделки по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Вопрос о правовой природе отстранения арбитражного управляющего является неоднозначным², однако бесспорна принадлежность этого института именно к юридической ответственности. Так, отстранение арбитражного управляющего производится не столько в связи с самим по себе правонарушением, сколько в связи с его *существенностью*³. При этом такое отстранение является необратимым⁴, то есть выполняет явно карательную функцию.

Вопрос же отнесения субординации к юридической ответственности по-разному разрешается в доктрине⁵. Поддерживаем положительный ответ, поскольку субординация является *санкцией за злоупотребление принципом ограниченной ответственности*, состоящей по существу в обременении права требования взаимосвязанного лица особым условием исполнения; в

---

¹ Здесь и далее – Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

² Некоторые ученые считают это новым видом юридической ответственности, применимым к субъектам профессиональной деятельности (см.: Карелина С.А. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. Редактор Е.П. Губин, П.Г. Лахно (автор главы – Карелина С.А. М., 2017. Абз. 4195). Другие полагают, что это административно-правовая мера, предусмотренная Законом (см.: Богданов Е.В. Ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве // Адвокат. 2014. № 8. С. 5 – 10).

³ В соответствии с п. 10 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 г. № 150) арбитражный суд не может удовлетворить ходатайство об отстранении конкурсного управляющего, если допущенные нарушения не являются существенными. Например, в судебной практике не признаются основаниями для отстранения арбитражного управляющего такие нарушения как несоблюдение сроков проведения собрания кредиторов либо инвентаризации имущества должника, незначительные нарушения порядка публикации в ЕФРСБ значимой информации (см., к примеру: постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2022 г. по делу №А40-58526/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.04.2022 г. по делу № А14-2747/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ В силу п. 1 ст. 20.4 в случае отмены определения суда об отстранении управляющего от исполнения обязанностей, он не подлежит восстановлению для исполнения данных обязанностей.

⁵ Некоторые относят ее к следствию распределения рисков, а не наказанию за правонарушение (см.: Шайдуллин А.И. Модель понижения в очередности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 10. С. 24 – 46). Другие считают субординацию именно ответственностью, возлагаемую на аффилированное лицо, допустившее смешение своей хозяйственной сферы со сферой должника (Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 221 – 240).

условиях же неплатежеспособности должника это по существу нивелирует такое право требования. Такой подход подтверждается судебной практикой¹.

Полагаем, что законодатель, используя указанный подход исключительно при недействительности сделок, предусмотренных п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона, обращает внимание на недобросовестность контрагента².

4. *Административная ответственность.* Составы этой ответственности в сфере несостоятельности предусмотрены несколькими статьями КоАП РФ³. Основными видами наказания по указанным статьям является штраф или дисквалификация.

5. *Уголовная ответственность.* Нарушения законодательства о банкротстве преследуются по статьям УК РФ⁴. Признаком, который позволяет отграничить данную ответственность от административной, является причинение крупного ущерба⁵. Законодатель применяет за данные преступления штраф, арест, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение свободы.

---

¹ Так, удовлетворение реституционных требований виновного в неправомерном заключении недействительной сделки контрагента производится только после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди (п. 2 ст. 61.6). При этом в п. 27 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» указано, что понижение очередности восстановленного требования является *ответственностью особой природы*; в связи с этим при отсутствии неправомерного поведения или вины кредитора в совершении оспоренной сделки такая ответственность к этому кредитору не применяется и его восстановленное требование удовлетворяется в обычном порядке (Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 30.07.2013 г. № 59) // Вестник ВАС РФ. № 3. 2011; Солидарность. № 31. 28.08-04.09.2013. СПС «КонсультантПлюс».

² В частности, на *заведомое знание* контрагента о, соответственно, причинении вреда кредиторам (подозрительная сделка) или неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника (сделка с предпочтением).

³ См.: ст. 14.12 (фиктивное или преднамеренное банкротство); ст. 14.13 (неправомерные действия при банкротстве); ст. 14.52.1 (нарушение саморегулируемой организацией арбитражных управляющих и ее должностными лицами требований нормативных правовых актов РФ, федеральных стандартов, стандартов и правил профессиональной деятельности арбитражных управляющих) КоАП РФ.

⁴ См.: ст. 195 (неправомерные действия при банкротстве), ст. 196 (преднамеренное банкротство), ст. 197 (фиктивное банкротство) УК РФ.

⁵ Под крупным ущербом уголовный закон в данном случае понимает стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (примечание к ст. 170.2 УК РФ).

б. *Дисциплинарная ответственность* арбитражных управляющих, устанавливаемая внутренними документами саморегулируемой организации (п. 13 ст. 21.1 Закона)¹.

Итак, рассмотрев непосредственно правоотношения в сфере несостоятельности и институциональную принадлежность конкурсного права, мы определили природу соответствующих охранительных отношений и обозначили виды ответственности в данной сфере, включая специальную ответственность (санкция предусмотрена исключительно Законом).

Отношения несостоятельности обеспечиваются следующими охранительными отношениями ответственности: а) *имущественная* (частноправовой природы; предусмотрена ГК РФ или особо указана и урегулирована в Законе); б) *специальная ответственность* (санкция предусмотрена исключительно Законом); в) иная ответственность (*публично-правовая* в виде уголовной и административной, а также дисциплинарная ответственность арбитражных управляющих).

§ 1.3 ПОНЯТИЕ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БАНКРОТНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ. ВИДЫ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Наш следующий шаг в целях максимизации уровня научного обобщения – формулирование определения *банкротной ответственности* – представляется ограниченным при анализе *специальной ответственности* (санкция предусмотрена исключительно Законом), поскольку ее сущностные признаки сходны с признаками *имущественной ответственности, урегулированной нормами Закона*.

Для защиты этого утверждения мы воспользуемся признанными традиционной доктриной пятью критериями дифференциации юридической

---

¹ Например, вынесение предписания, обязывающего управляющего устранить нарушение; вынесение предупреждения; наложение штрафа в размере, установленном внутренними документами саморегулируемой организации.

ответственности, совпадение которых и будет свидетельствовать о сходимости обозначенных двух категорий ответственности.

Главный критерий – наличие специфического метода правового регулирования, который, по утверждению В.А. Ефанова, позволяет определить отраслевую принадлежность вида ответственности¹ и «определяющим элементом которого является общее юридическое положение субъектов, их правовой статус»².

Второй критерий – это особенный, как отмечает Д.А. Липинский, предмет правового регулирования, которыми являются общественные отношения, связанные с реакцией уполномоченного лица на совершенное правонарушение³.

Третий – наличие самостоятельного правонарушения и особенности процессуального осуществления⁴.

Следующий критерий – это кодифицированный нормативно-правовой акт, предусматривающий юридическую ответственность⁵. В этом контексте Е.А. Суханов также обращает внимание на соответствие применяемых специальных терминов требованиям юридической однородности и наличие общей нормы как основы института ответственности⁶.

В качестве пятого критерия обозначим специализированные, как отмечают И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин, цели и функции ответственности⁷.

Итак, субъектами правоотношений ответственности в первом и втором случае – правонарушителем и потерпевшим – являются участники отношений несостоятельности: лица, контролирующие должника, а также лица,

---

¹ Ефанов В.А. Дифференциация юридической ответственности как объективный процесс модернизации современного российского права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 1 (57). С. 334.

² Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 134.

³ См.: Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12. С. 45-51.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Суханов Е.А. Российское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Том 1: Общая часть. М.: Статут, 2014. С. 432-433.

⁷ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Указ. соч. С. 185 – 187.

участвующие в деле о банкротстве, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов.

Статусы указанных лиц императивно определены в правовом акте – Законе¹. Изложенное, а также строгий нормативный перечень юридических фактов², служащих основаниями для возникновения, изменения и прекращения отношений ответственности, свидетельствует о публично-правовой природе метода правового регулирования.

Как уникальные меры ответственности, предусмотренные только Законом, так и меры ответственности, хотя и предусмотренные гражданским законодательством, но имеющие специальные основания их применения согласно указанному Закону, направлены в конечном итоге на реализацию целей процедур банкротства и защиту имущественных интересов лиц, участвующих в процессе или в деле о банкротстве в условиях легальной неплатежеспособности должника.

Характеризующие предмет правового регулирования отношения ответственности (и в первом, и во втором случае) возникают, конкретизируются и реализуются в связи с совершением *банкротного правонарушения*, которым признается виновное и противоправное поведение, нарушающее имущественные права кредиторов и иных лиц, участвующих в деле или в процессе по делу о банкротстве, санкция за которое указана в Законе³.

Наконец, в обоих случаях ответственность правонарушителя реализуется в особой юрисдикционной процессуальной форме, обусловленной стадией реализации ответственности самого должника.

Выявленные общие признаки (правонарушитель – субъект отношений несостоятельности; основание возникновения – банкротное правонарушение;

---

¹ По существу созданы условия для соответствия применяемых специальных терминов требованиям юридической однородности. Например, понятийный ряд, изложенный в ст. 2, отражает однородность регулируемых общественных отношений.

² В частности, признаки составов правонарушений, материальные и процессуальные основания для фиксации изменений статуса участников правоотношений и т.д.

³ Признаки банкротного правонарушения подробнее освещаются в параграфе 4 главы 2 диссертации.

последствия предусмотрены Законом) позволяют сформировать в полном смысле категорию собственно *банкротной ответственности*¹, под которой понимаются реализующиеся в предусмотренной Законом процессуальной форме охранительные правоотношения, обусловленные неплатежеспособностью должника и возникающее вследствие *банкротного правонарушения*.

В таком подходе различаются понятия «*ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности*» (за правонарушение в сфере несостоятельности») и «*банкротная ответственность*» (за банкротное правонарушение) как категории общего и частного; вторая является разновидностью первой. Так, в первом случае – это уголовная и административная ответственность, реализующаяся в отличном юрисдикционном режиме в рамках особого публичного карательного производства². Сюда же можно отнести и частнопроводимую ответственность, где один из участников правоотношения *не является непосредственным субъектом отношений несостоятельности*³; маркером данных отношений обычной частнопроводимой ответственности является то, что их участником

---

¹ Включающей в себя имущественную ответственность, специально указанную в Законе, и специальную ответственность, при которой санкция предусмотрена только Законом.

² Считаем неоправданными опасения терминологической путаницы вследствие исключения из числа банкротных правонарушений деяний, ответственность за которые предусмотрена УК РФ и КоАП РФ. Действительно, многие ученые предлагают разграничивать понятия «банкротство» и «несостоятельность» с учетом того, что первое означает «случай неправомерного поведения должника, причинившего ущерб кредиторам» (Телюкина М.В. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в дореволюционном и современном праве // Юрист. 1997. № 12. С. 42); «банкротство рассматривается как уголовно наказуемое деяние, в то время как несостоятельность считается институтом частного права» (Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997. С. 172). Однако, в предлагаемом авторском определении банкротного правонарушения, не только поддерживается, но и усиливается обозначенная традиция: само по себе *банкротство* – деяние, имеющее повышенную степень опасности, за которое наступает уголовная или административная ответственность. В таком подходе *банкротное правонарушение* – правонарушение *банкротного* характера, ответственность за которое предусмотрена Законом о банкротстве.

³ Например, противоправное причинение убытков: *должником* – покупателю имущества в случае расторжения должником договора купли-продажи, заключенного в конкурсном производстве (ст. 139 Закона); *должнику* – при уменьшении стоимости имущества, возвращенного в конкурсную массу в порядке реституции в случае признания сделки должника недействительной (п. 1 ст. 61.6 Закона).

(правонарушителем либо потерпевшим) всегда является *непосредственно должник*, а другое лицо не является лицом, участвующим в деле¹.

Заметим, что следует различать категории «банкротная ответственность» и «ответственность должника» в деле о банкротстве, поскольку, последняя проявляет себя исключительно как *стадия реализации* его ответственности в рамках охранительного правоотношения с его участием².

От банкротной ответственности предлагаем также отличать предусмотренные Законом такие меры негативного характера, как признание сделок должника недействительными по основаниям подозрительности или предпочтения (ст.ст. 61.2 и 61.3 Закона) и применение последствий такой недействительности. В данном случае отсутствует основной экономический признак ответственности – возложение на правонарушителя дополнительного обременения³.

Рассмотрим виды банкротной ответственности. Всякая видовая классификация зависит от своего основания (критерия).

Поскольку феномен юридической ответственности рассматривается в настоящей работе в качестве правоотношения, постольку полагаем наиболее значимым критерий вида правоотношения. Обозначенные нами выше природа и структура правоотношений несостоятельности *определяют* природу и структуру соответствующих охранительных отношений ответственности.

---

¹ Предложенное соотношение в структуре ответственности корреспондирует выявленной нами выше комплексности нормативной природы несостоятельности как отрасли законодательства и как межотраслевого института.

² Некоторые ученые отрицают саму возможность постановки вопроса об ответственности должника в правоотношении несостоятельности со ссылкой на цель института банкротства, заключающуюся в «освобождении должника от ответственности перед кредиторами, устанавливая вместо этого механизм соразмерного распределения оставшейся части имущества между кредиторами» (см., например, Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019. 488 с. Абз. 4354).

³ См. подробнее: Витрянский В.В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. М., 1998. С. 131. Напротив, именно отход от восстановления сторон в первоначальное положение в сторону неприменения двусторонней реституции в пользу контрагента должника будет свидетельствовать о карательной природе данной меры. Например, Б.С. Бруско предлагает в случае недобросовестности участника сделки с должником применять в качестве последствия ее недействительности лишь возвращение имущества к конкурсную массу (Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 168-169).

В частности, как правоотношения несостоятельности состоят из имущественных охранительных отношений на *стадии реализации ответственности* должника, а также из регулятивных имущественных и управленческих отношений в связи с реализацией его процедур, так и отношения *банкротной ответственности* характеризуются также двойко: соответственно, субохранительные «за банкротство» и охранительные «в банкротстве». Изложенное определяет существование двух видов правоотношений банкротной ответственности: «за банкротство» и «в банкротстве», которые отличаются по своей охранительной природе, по основаниям возникновения и по содержанию.

Первый вид (ответственность «за банкротство»), по сути обеспечивающий ответственность (точнее, *квазиответственность*¹) самого должника в условиях непротивоправного *квазиделикта*², проявляется в качестве ответственности именно по отношению к контролирующему лицу. Это касается и случаев несостоятельности должника в связи с виновными действиями контролирующего лица, поскольку оно, совершая правонарушение, «вбирает» в себя эту виновность от должника; именно контролирующее лицо является субъектом банкротного правонарушения, отвечая за свои действия.

Теоретической основой для определения природы этого отношения ответственности являются взгляды Д.Н. Кархалева на вторичные охранительные обязательства, которые возникают при нарушении уже имеющегося охранительного правоотношения. Ученый считает, что участники такого

---

¹ Заметим, что теоретическим основанием постановки вопроса именно об ответственности должника в банкротстве является риск как субъективное основание безвиновной ответственности (см.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001. С. 168). При этом, как отмечал В.А. Ойгензихт, противоправность во всяком случае должна присутствовать при постановке вопроса об ответственности (Ойгензихт В.А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 67 – 68); в контексте нашего исследования мы отмечаем не противоправность несостоятельности, но противоправность нарушения первоначального регулятивного обязательства.

² Имеется ввиду квазиделикт должника, заключающийся в самом по себе допущении состояния объективной неплатежеспособности в условиях принятия на себя риска как естественного экономического феномена в предпринимательских отношениях. На наш взгляд, сама по себе несостоятельность как экономическое явление, не имеет противоправности как обязательного условия наступления юридической ответственности. Сам должник в несостоятельности находится лишь в *стадии реализации* его ответственности, указанной в исполнительном документе (гражданско-правовой, налоговой и т.д.). *Банкротная же ответственность*, в частности, в отношении контролирующего лица, наступает за его виновные действия.

обязательства связаны субохранительной правовой связью, а отношения он предлагает именовать субохранительными¹.

Данное субохранительное отношение возникает вследствие совершения контролирующим лицом банкротного правонарушения, приведшего к невозможности полного погашения требований кредиторов. Поэтому его можно признать обеспечивающим реализацию основного охранительного отношения с участием должника в новом субохранительном правоотношении (в случае невозможности полного погашения требований кредиторов).

Содержание данного субохранительного обязательства может быть двоякое: субсидиарная ответственность контролирующего лица по долгам должника (ст. 61.11 Закона); обязанность такого лица по возмещению убытков, причиненных должнику, в частности, в период осуществления своего контроля (ст. 61.20 Закона).

Субохранительный (производный) характер ответственности контролирующего лица, обеспечивающий реализацию имущественной ответственности должника, обуславливает *исключительно имущественный* характер данной ответственности в субохранительном обязательстве.

Второй вид – ответственность «в банкротстве» – имеет первичную охранительную природу, поскольку возникает в случае совершения банкротного правонарушения участником *регулятивных* имущественных и неимущественных отношений, существующих уже в условиях объективной неплатежеспособности в рамках дела о банкротстве.

Характер нарушенного регулятивного обязательства определяет круг участников данного правоотношения ответственности: лица, участвующие в деле (помимо должника²), включая арбитражного управляющего, конкурсных кредиторов, а также контролирующих должника лиц.

---

¹ Кархалев Д.Н. Ответственность за нарушение охранительных обязательств // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 88 - 92.

² Должник в данном виде банкротной ответственности ни субъектом ответственности (правонарушителем), ни управомоченным лицом (потерпевшим) непосредственно не является, поскольку элементы его правосубъектности реализуют указанные лица, участвующие в деле. Изложенное, конечно не исключает

Ответственность этих лиц возникает вследствие нарушения субъективных прав иных участников отношений несостоятельности.

Содержание данного охранительного обязательства может быть различное: возмещение убытков за нарушение законодательства о банкротстве (ст. 61.13 Закона); возмещение убытков арбитражным управляющим, которые он причинил должнику, кредиторам и иным лицам в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве (п. 4 ст. 20.4 Закона); субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.12 Закона); отстранение арбитражного управляющего за неисполнение своих обязанностей, предусмотренных Законом или федеральными стандартами (п. 1 ст. 20.4 Закона); субординация.

Не только имущественный, но и неимущественный (управленческий) характер регулятивных отношений определяет характер охранительного обязательства: санкция может быть как имущественная, так и неимущественная.

При этом «технически» правильное указание на *охранительный* характер правоотношений ответственности «*в банкротстве*», будучи соотнесенным с *субохранительным* отношением ответственности «*за банкротство*», все же не отражает ни диалектической взаимосвязи этих категорий, ни их объективной временной периодичности, ни их обусловленности одной и той же экономико-юридической категорией – объективной неплатежеспособностью.

Поэтому, учитывая, что правовое понятие «представляет собой содержательную научную абстракцию, выражающую... знание... об *определенном фрагменте* государственно-правовой реальности»¹, предлагаем для формирования логичной понятийной структуры обозначения природы данных

возможности должника, вплоть до своей ликвидации, участвовать в иных правоотношениях ответственности, где вторым субъектом является лицо – *не участник отношений несостоятельности*.

¹ Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М., 2006. С. 46.

видов банкротной ответственности ввести новое понятие *постохранительного*¹ правоотношения применительно к ответственности «в банкротстве». Единый понятийный ряд правоотношений – *охранительное, субохранительное, постохранительное* – снимет обозначенные выше недостатки и, более того, выразит производный (обслуживающий) характер постохранительных отношений как применительно как к *стадии реализации* ответственности должника, так и к субохранительным отношениям ответственности контролирующих должника лиц «за банкротство».

Обозначенные нами два вида ответственности, составляющие *банкротную ответственность*, распределяются по критерию имущественного либо неимущественного характера охранительной обязанности правонарушителя (имущественные либо неимущественные санкции).

Возмещение вреда по правилам о возмещении убытков: а) за вред, причиненный контролирующим лицом в связи с нарушением законодательства о банкротстве (ст. 61.13 Закона); б) за причинение контролирующим лицом вреда должнику, в частности, в период осуществления своего контроля (ст. 61.20 Закона); в) за вред, причиненный арбитражным управляющим должнику, кредиторам и иным лицам в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве (п. 4 ст. 20.4 Закона).

Возмещение вреда по правилам о субсидиарной ответственности в отношении контролирующих лиц: а) за невозможность полного погашения требований кредиторов, то есть за доведение до банкротства (ст. 61.11 Закона); б) за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.12 Закона).

Неимущественные санкции: а) отстранение арбитражного управляющего за неисполнение своих обязанностей, предусмотренных Законом или

---

¹ Пост – приставка, образующее прилагательные и существительные со значением наступления, следования после чего-нибудь, вслед за чем-то (см.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>; (дата обращения 10.06.2023)).

федеральными стандартами (п. 1 ст. 20.4 Закона); б) субординация (понижение очередности) требований.

На вопрос о том, возможно ли признать банкротную ответственность *единым сложным правоотношением*, мы отвечаем отрицательно.

Как отмечала Р.О. Халфина, в таком правоотношении поведение участников должно регулироваться различными отраслями права, а права и обязанности образовывать единую модель поведения¹. Д.В. Ломакин, к примеру, исследуя корпоративное правоотношение участия (членства), определяет его как единое сложное отношение по критерию постоянства одного из субъектов (корпорации)².

Однако в *суб-* и *пост-* охранительных отношениях неплатежеспособность должника обуславливает поведение правонарушителя (банкротное правонарушение) по-разному. При ответственности «за банкротство» неплатежеспособность является его результатом, а при ответственности «в банкротстве» – относится к обстановке его совершения. Возникая из различных банкротных правонарушений, *суб-* и *пост-* охранительные отношения могут существовать как вместе, так и порознь.

Заметим также, что проведенный нами содержательный и структурный анализ *банкротной ответственности* не позволяет утверждать о ее видовой *самостоятельности*³, поскольку указанных выше пяти критериев-инструментов для такого вывода недостаточно в условиях *многократно усложнившихся* последние три десятка лет экономико-социальных связей и «отражающей» их регулятивно-охранительной юридической надстройки. С другой стороны, уже на основе проанализированных пяти «традиционных» критериев, мы считаем научно корректным признать обоснованность *постановки вопроса* о самостоятельности (особенности) порядка регулирования банкротной ответственности. Способ проверки

---

¹ См.: Халфина Р.О. Указ. соч. С. 266 – 267. Халфина Р.О. приводила в пример плановый договор поставки.

² См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. 511 с. Абз. 1141 – 1142.

³ По отношению к ответственности гражданско-правовой, административной либо иной.

обоснованности этого тезиса через теоретическую конструкцию *правового режима* регулирования ответственности будет предложен в следующей главе диссертации.

По итогам проведенного в данной главе исследования, отмечаем, что рассмотрение юридической ответственности в качестве охранительного правоотношения позволяет проанализировать как элементы его состава (субъекты, объект, содержание), так и динамику (возникновение, конкретизация, реализация).

Классифицировать ответственность в праве возможно по отраслям права; по функциональному критерию; по субъективному критерию (форма вины); по объекту правового регулирования; по характеру санкции; с позиции деления права на публичное и частное – на публично-правовую и частноправовую. Последнюю следует признать методологически и предметно оправданной, поскольку она универсальна для анализа комплексных (межотраслевых) институтов ответственности¹, каковым является ответственность в сфере несостоятельности.

В содержании ответственности за нарушения законодательства о несостоятельности² выделяется ее часть – *банкротная ответственность*, с учетом традиционных критериев дифференциации ответственности в праве.

Ответственность должника в правоотношении несостоятельности выражается *лишь в своей стадии реализации* в рамках охранительного правоотношения. Собственно банкротная ответственность выражается в *субохранительном* отношении с участием контролирующих лиц и *охранительном* отношении с участием контролирующих лиц, а также лиц, участвующих в деле о банкротстве, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов. Наглядно соотношение правоотношений

---

¹ Позволяя, при этом, рассмотреть особенности целей ответственности, защищаемого интереса, предмета и метода правового регулирования.

² То есть в ответственности сфере несостоятельности, включающей в себя уголовную, административную ответственность, частноправовую ответственность, в том числе имущественную, урегулированную нормами Закона, а также специальную ответственность, предусмотренную исключительно Законом.

несостоятельности и обеспечивающих их отношений банкротной ответственности представлено на рисунке 1 (см. Приложение 1).

Предложены авторские определения правоотношений в сфере несостоятельности, банкротной ответственности, банкротного правонарушения, а также универсальная классификация видов ответственности: «за банкротство»¹ и «в банкротстве»². Обоснована различная охранительная природа указанных видов ответственности.

Предложено новое понятие *постохранительных* отношений (применительно к ответственности «в банкротстве»), которое позволяет выстроить стройный логический понятийный ряд охранительных отношений в сфере несостоятельности:

а) охранительное (одно из проявлений ответственности в сфере несостоятельности³; в отношении самого должника, как стадия реализации его ответственности);

б) субохранительное (банкротная ответственность «за банкротство»; в отношении контролирующих должника лиц; ст.ст. 61.11, 61.20 Закона);

в) постохранительное (банкротная ответственность «в банкротстве»; в отношении контролирующих лиц, а также лиц, участвующих в деле о банкротстве, в том числе арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов (ст.ст. 61.12, 61.13, п.п. 1 и 4 ст. 20.4; абз. 8 ст. 2 Закона).

---

¹ Имущественная ответственность контролирующих должника лиц.

² Имущественная и неимущественная; контролирующих должника лиц и лиц, участвующих в деле, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов.

³ Подытожим, что к иным проявлениям ответственности в сфере несостоятельности мы относим, во-первых, уголовную и административную виды ответственности, которые реализуются в особом юрисдикционном режиме в рамках публичных карательных производств; во-вторых, частноправовую ответственность, где один из участников правоотношения – сам должник, другой не является субъектом отношений несостоятельности.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Направленность настоящего исследования требует обоснования применения нами *системно-структурного* и *инструментального* методов познания.

Первый рассматривает объект одновременно в двух ипостасях: как целостную систему, имеющую внутреннюю структуру, составные элементы, и как составной элемент в более общей «суперструктуре»¹. Задача исследователя в данном случае – изучить связи всех элементов, порядок их организации и взаимодействия, провести анализ «устойчивости и равновесности развития систем»². Достоинства этого метода отмечаются в судебно-конституционном подходе³.

Второй метод исследования – инструментальный (функциональный) – предполагает, по выражению С.Ю. Филипповой, исследование правовых явлений с точки зрения их назначения, в качестве правовых средств, которые должны быть пригодны для достижения целей субъекта⁴. Как пишут Б.И. Пугинский и Д.Н. Сафиуллин, в данном случае право рассматривается как вид деятельности, «направленной на урегулирование производственной, обменной и иной взаимосвязанной деятельности людей для достижения необходимого результата» и выражаемой «в создании и применении обязательных норм и индивидуальных правовых средств, обеспеченных государственным принуждением»⁵.

---

¹ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др. М.: Городец, 2003. С. 26 - 27. Автор 4 параграфа 1 главы - А.С. Пиголкин.

² Шундилов К.В. Синергетический подход в правоведеии. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 66 - 67.

³ Указывается на возможность не только комплексно оценивать правовые явления, но и выявлять пробелы в правовом регулировании, исключение межотраслевой рассогласованности в целях обеспечения его системности, сбалансированности и целостности (см.: Информация Конституционного суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию КС РФ)» (одобрено решением КС РФ от 19.10.2021 г.) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с. Абз. 210.

⁵ Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991. С. 22. Отмечая важность инструментального подхода и обозначая его суть в виде «исследования права и его элементов в качестве инструмента для достижения определенных целей в человеческой практике», некоторые авторы отмечают его недостаток в виде акцента на государственном нормировании общественного поведения (см.: Попондопуло В.Ф. Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 15 – 29)

Причины выбора именно этих методов обусловлены функционально-системным и формально-структурным аспектами исследуемого феномена.

Первый аспект – *экономическая сущность* предложенной нами конструкции банкротной ответственности, являющейся охранительным правоотношением, обусловленным неплатежеспособностью должника. Действительно, последняя является сущностной характеристикой несостоятельности, которая, по выражению С.А. Карелиной, основываясь на фактах наличия неисполненного долга, неспособности его исполнить в будущем, а также на отсутствии оснований для восстановления платежеспособности должника, обладает экономическим содержанием¹. Заметим, что экономико-правовая категория ответственности в сфере несостоятельности обусловлена экономическими отношениями и реализуется в связи с экономической деятельностью, определение которой дано ВС РФ².

Изложенное подтверждает не только *деятельностную* природу объекта исследования, но и особую обусловленность целей банкротной ответственности защитой частноправовых и публично-правовых интересов³.

Вторым аспектом является уже обозначенная в главе 1 *комплексность*, пронизывающая, с одной стороны, несостоятельность как отрасль законодательства, а также как межотраслевой институт и, с другой стороны, межотраслевой институт ответственности в сфере несостоятельности, включая банкротную ответственность⁴.

---

¹ Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24 - 30.

² Здесь и далее – Верховный Суд Российской Федерации. Под экономической деятельностью принято считать взаимосвязанную совокупность процессов (в число которых входит и предпринимательская деятельность), возникающих в результате указанной выше деятельности общества, целью которой является получение максимального положительного результата при потреблении ресурсов и благ при одновременном стремлении минимизировать влияние факторов, которые могут оказать негативный эффект (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.09.2020 г. № 305-ЭС20-4513 по делу № А40-240512/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

³ При этом выявленный нами в главе 1 настоящей работы преимущественно публично-правовой метод регулирования отношений делает указанный выше недостаток инструментального метода (акцент на государственном нормировании общественного поведения) его достоинством.

⁴ Заметим, что Е.П. Губин, отмечая исследовательский потенциал именно доктрины предпринимательского права и справедливо указывая, что «экономика представляет собой сложную систему отношений, предполагающую комплексное регулирование с использованием правовых средств разных отраслей в их единстве», по существу рассмотрел указанные аспекты формы и содержания как единое полезное знание

Приведенные системно-структурный и инструментальный методы, принимая во внимание обозначенные выше функциональность и двуединость¹ объекта исследования, используем для дальнейшего анализа феномена юридической ответственности в сфере несостоятельности.

§ 2.1 ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Концепция *механизма*² *правового регулирования*³ предлагается нами в качестве теоретической основы для такого анализа, поскольку, как писал С.С. Алексеев, правовое регулирование отличается от других форм правового воздействия тем, что оно осуществляется «посредством особого, свойственного только праву механизма, призванного юридически гарантировать достижение целей, которые ставил законодатель, издавая юридические нормы»⁴.

Поэтому нами не поддерживаются слишком широкие трактовки механизма правового регулирования, например, как «вся системная совокупность явлений, рассмотренная в ее функциональном аспекте»⁵.

Указать четкую границу понятия (сущности) *механизма* правового регулирования, возможно через обозначение сущности *элементов* этого механизма, а именно категории «правовое средство»⁶.

Сложно согласиться с некоторыми исследователями, определяющими правовые средства в качестве, например, «деятельностно-институциональных образований,

(Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Отв. ред. Е.П. Губин. М., Юстицинформ, 2019. 664 с. Абз. 549).

¹ Одновременно «в своей» структуре и «в суперструктуре»

² Механизм обозначает внутреннее устройство, систему, которые определяют порядок какого-либо процесса, вида деятельности (См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1993. С. 300).

³ Под «правовым регулированием» обычно понимается специфическое воздействие, осуществляемое правом как особым нормативным институциональным регулятором (См.: Алексеев С.С. Теория права. Харьков: БЕК, 1994. С. 145).

⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 146.

⁵ Сырых В.М. Теория государства и права / Под ред. С.А. Чибиряева. М., 1998. С. 146. Как отмечает С.А. Карелина, такое расширительное понимание «размывает» сущность этого явления и не позволяет определить его назначение (см.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 568 с. Абз. 3297).

⁶ Средство – это прием, способ действий, инструмент для достижения поставленной цели и результата (См.: Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovar-ozhegova> (дата обращения: 18.09.2023)).

показывающих функционально-динамическую сторону правовых явлений»¹, т.п., поскольку налицо логическая ошибка «ignotum per ignotum»².

Полагаем, что категория «правовое средство» генетически существует «для» чего-либо (во имя), то есть лишь постольку, поскольку рассматривается в функциональном смысле и в контексте достижения цели. Как писал С.С. Алексеев, исследование правовых средств означает особое видение правовых явлений в ракурсе функционального предназначения и как инструмента правового регулирования и решения социальных задач³.

Как отмечает А.В. Малько, все правовые явления, с помощью которых обеспечиваются интересы субъектов права и достижение социальных целей, называются правовыми средствами; они делятся на две группы: инструменты-установления (статические средства, выражаемые в предписаниях: запреты, льготы, субъективные права и обязанности) и деяния-технологии (акты реализации прав и обязанностей)⁴.

Обозначенные правовые средства (средства-понятия и средства-деяния), являясь по существу сердцевинной-проводником в триаде между пределами *идеального* (цель) и *реального* (результат), отражают регулятивную и системную сущность права, индикатором эффективности которого является степень эквивалентности между этими пределами.

Комплексный, как указано выше, и имеющий экономическую сущность феномен несостоятельности, закрепляет свои *цели* в ст. 2 применительно к базовым институтам банкротства должника⁵. Например, в процедуре наблюдения – это обеспечение сохранности имущества, проведения анализа финансового

---

¹ Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 120.

² Так называемое метафорическое определение, заключающееся в определении «неизвестного через неизвестное» (См.: Михайлов К.А. Логика. URL: <https://studme.org/294480/logika/logika> (дата обращения: 18.09.2022)).

³ См.: Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия. М.: Статут. 1999. С. 349.

⁴ Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 9. Ученый считает, что правовые средства обладают признаками: обобщают способы реализации целей и интересов субъектов права, направлены на преодоление препятствий и отражают функциональную сторону права, ведут к конкретным юридическим последствиям и обеспечены государством (там же).

⁵ Наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, реструктуризация долгов гражданина и реализация его имущества, мировое соглашение

состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов; в конкурсном производстве – это соразмерное удовлетворение требований кредиторов и т.д.

Следует согласиться с общим выводом С.А. Карелиной о том, что регулирование отношений несостоятельности, содержащее *предупредительную, восстановительную и ликвидационную подсистемы*, имеет своей основной целью как справедливое удовлетворение требований кредиторов, так и создание эффективного механизма обеспечения стабильности и устойчивости рыночных отношений, роста национальной экономики¹. При этом, ученый выделяет пять признаков правовых средств (сердцевины-проводника указанной выше триады), два из которых носят выраженный функционально-целевой характер: детерминированность с целями правового регулирования и направленность на достижение намеченных целей².

Является ли правовым средством сама юридическая ответственность?

Судебно-конституционная практика исходит из того, что предъявляемые к правовым средствам требования справедливости, адекватности и пропорциональности полностью распространяются, в частности, на публично-правовую ответственность как средство обеспечения исполнения публичных обязанностей³.

В доктрине к положительному ответу на данный вопрос приходят Б.И. Пугинский, понимающий под правовым средством комбинацию юридически значимых действий, совершаемых субъектами для достижения целей (интересов), не противоречащих закону⁴, С.А. Карелина, считающая, что ответственность – это

¹ См.: Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 4302.

² Там же. Абз. 5677. К остальным трем С.А. Карелина относит субстанциональность, многоуровневый характер и относимость к элементам механизма правового регулирования, правовых режимов.

³ См.: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 28.11.2017 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности п. 8 ст. 75, пп. 3 п. 1 ст. 111 и пп. 23 п. 2 ст. 149 НК РФ» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7532. СПС «КонсультантПлюс». Природу, например, уголовной ответственности, КС РФ рассматривает как особое правовое средство, подлежащее применению для восстановления нарушенных общественных отношений деянием с таким высоким уровнем общественной опасности, что применение иных правовых средств уже недостаточно (см.: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27.06.2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2 и 4 ст. 20, ч.6 ст. 144, ч. 1 ст. 145 УПК РФ» // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ См.: Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 87, 196.

не нормативное, а индивидуальное правовое средство, которое используется для достижения конкретных целей¹.

Следует согласиться с таким подходом: в главе 1 диссертации мы, разграничив меры защиты и меры ответственности, указали на специфические признаки, цели и функции юридической ответственности. Поэтому учитывая, что именно юридическая ответственность, выполняющая также регулятивную функцию, стимулирует управомоченных и обязанных лиц к правомерному поведению, ее следует признать правовым средством.

Итак, по существу отражением описанной выше триады (цель – правовое средство – результат) в ее системно-структурном, функционально-инструментальном смыслах и является *механизм правового регулирования*, под которым понимается система правовых средств, обеспечивающих результативное правовое воздействие на общественные отношения². Этот ставший классическим подход С.С. Алексеева к даче понятия через категорию системы правовых средств, в основном поддержан в науке.

Поскольку же юридическая ответственность является правовым средством, мы относим ее к *элементам* механизма правового регулирования в его общетеоретическом понимании.

Основатель концепции *механизма правового регулирования отношений несостоятельности* – С.А. Карелина – определяет его как «систему средств правового регулирования (собственно правовых и иных средств, приобретающих в процессе реализации норм права правовую форму), при помощи которых осуществляется эффективное правовое воздействие на общественные отношения и достижение социально значимых целей»³.

Исходя из наличия указанных выше трех подсистем этих отношений, ученый выделяет следующие особенности этого механизма:

---

¹ Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 3266.

² Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 9.

³ Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 3368.

во-первых, интегративная природа его элементов, образующих систему, где связка «"элемент системы"- "система элементов"» обретает общие и уникальные свойства;

во-вторых, его имеющие правовую форму элементы состоят не только из правовых, но и иных средств (экономических, организационных и др.), обретающих эту форму в процессе реализации;

в-третьих, набор этих средств, применяемых к должнику, предопределен как его финансово-организационным состоянием и потребностями рынка, так и характером одной из трех подсистем, где они используются;

в-четвертых, средства правового регулирования (как элементы механизма) рассматриваются и при исследовании отдельных групп правоотношений в их поступательном развитии, в динамике;

в-пятых, особым элементом рассматриваемого механизма выступает сам институт несостоятельности, призванный урегулировать противоречия между субъектами отношений несостоятельности в условиях недостаточности имущества должника: одновременно противостоять интересам отдельных лиц, обеспечивать баланс их интересов, а также стабильность рынка в целом¹.

В доктрине еще одним элементом механизма правового регулирования признается *правовая форма*, понимание которой двояко: 1) как способ организации, каркас, упорядочивающий само право как цельное явление; 2) как категория, связывающая право и неправовые явления, нуждающиеся в правовой регламентации². Интересна позиция С.А. Карелиной: отмечая различие понятий «форма права» и «правовая форма», относит к последним информационные, организационные и др. неправовые средства в механизме правового регулирования отношений несостоятельности, которые обретают правовую форму только в процессе реализации норм права³.

---

¹ Там же.

² См. подробнее: Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2005. С. 164 – 165; Право: проблемы теории: Учебное пособие (автор - Батурина Ю.Б. Правовые формы и правовые средства). Смоленск, 2003. С. 105.

³ См.: Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 3755.

Поддерживаем первый подход¹, который был уточнен Р.О. Халфиной: под правовой формой понимается «совокупность норм или правовых институтов, опосредствующих определенный вид экономических отношений»². Вместе с тем, рассматривая эту категорию в деятельностном и функционально-целевом контексте, а также стремясь к максимальному научному обобщению, определяем *правовую форму* как определенный порядок организации правовых норм или институтов, опосредствующих развитие конкретных общественных отношений.

Выделяем также *правовые способы* как элемент механизма правового регулирования, под которыми в доктрине понимают методы решения социальных проблем, разделяя способы на уголовно-правовые (наказание правонарушителя) и гражданско-правовые (обращение взыскания на имущество должника)³. Заметим, что А.Б. Венгеров рассматривает именно правовые способы в качестве элементов механизма правового регулирования⁴. Конституционная практика рассматривает правовые способы в качестве правовых мер, направленных на обеспечение конституционных ценностей, в частности по предотвращению или минимизации последствий противоправных посягательств на права личности⁵.

Правовыми способами, применительно к механизму как функционально-целевой категории, следует признать приемы, методы, с помощью которых реализуются конкретные цели правового регулирования.

Мы установили, что элементам любого механизма правового регулирования, все же генетически присущ уникальный функционально-целевой характер, определяемый сферой регулирования. Поэтому предлагаем понимать под механизмом правового регулирования систему правовых средств, правовых форм

---

¹ Представляется, что в рамках второго подхода содержание правовых форм и правовых средств по существу совпадает, что приводит к смещению понятий.

² Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 80–81.

³ См.: Козлачков А.А., Клименко С.А., Харитонов Ю.С., Лаутс Е.Б. // Предпринимательское право. 2022. № 3. Абз. 55 – 56.

⁴ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. М., 1998. С. 465 - 466.

⁵ См.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24.11.2023 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97, статей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СЗ РФ. 2023. № 49 (Ч. 4). Ст. 8878.

и правовых способов, обеспечивающих эффективное¹ правовое воздействие на общественные отношения *определенного вида*.

Вопрос об *уровнях*² механизма правового регулирования в доктрине неоднозначно. По мнению О.А. Красавчикова, это уровень правовых норм (высший уровень), правосубъектность (средний уровень), правоотношение (базовый уровень)³. Н.И. Матузов и В.Н. Хропанюк выделяют следующие звенья в структуре механизма: юридические нормы, правовые отношения и акты реализации прав и обязанностей⁴.

С одной стороны, нами не поддерживается включение правосубъектности в состав элементов, поскольку таковая является характеристикой субъекта; юридических фактов, поскольку они, являясь основаниями для динамики правоотношений, говорят не о механизме, а о его действии. С другой стороны, «акты реализации прав и обязанностей» подлежат включению в правовую материю механизма. Они характеризуют фактическое поведение субъектов правоотношений, являясь, по А.В. Малько, деяниями-технологиями, без которых невозможна даже постановка вопроса об эффективности юридической ответственности⁵.

Итак, дав общее определение механизма правового регулирования и выделив его уровни (нормы права, правоотношение, акты реализации прав и обязанностей), переходим к определению специальному.

---

¹ Нами поддерживается мнение С.А. Карелиной, о том, что, во-первых, под эффективным воздействием следует понимать наиболее оптимальный способ достижения соответствующей цели, и, во-вторых, правовое воздействие должно быть прежде всего *эффективным*, а не *результативным*, как считает С.А. Алексеев (Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 3397).

² Именно об «взаимосвязанных и взаимоопределяющих *уровнях*» (а не о «звеньях», «структурных элементах» и т.д.) механизма правового регулирования писал О.А. Красавчиков, что, по нашему мнению, удачно отражает исходную точку движения «правовой материи по соответствующим структурным группам» (См. подробно: Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т. 2. М.: Статут. 2005. С. 263 – 264).

³ Там же.

⁴ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 627; Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие. М., 1995. С. 341 - 343. Как полагал С.С. Алексеев, к элементам механизма правового регулирования относятся правовые нормы, правоотношения и акты применения права, а также юридические факты как самостоятельные элементы (см.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. С. 30).

⁵ То есть о достижении эквивалентности цели правового регулирования и фактического результата.

§ 2.2 МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Содержание понятия «*механизм правового регулирования юридической ответственности*» и сама научная корректность такого понятия доктринальному анализу не подвергались. При этом авторами указанный термин широко используется. Так, И.Ю. Рыков, анализируя изменения в Закон, говорит об одновременном изменении и «механизма правового регулирования субсидиарной ответственности в делах о банкротстве»¹; Е.В. Кравчук отмечает, что с появлением в КоАП РФ ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротстве «можно говорить о новом механизме правового регулирования юридической ответственности»² и пр.³

Другие исследователи избегают такого подхода, высказываясь о *механизме ответственности*. Например, С.А. Карелина, О.В. Гутников пишут, соответственно, о «механизме привлечения к ответственности в деле о банкротстве»⁴, о необходимости «настройки механизмов ответственности, учитывающей все позитивные и негативные факторы»⁵.

Исторически первым возник второй подход⁶. Так, в середине 70-х годов прошлого века, И.Н. Петров, разрабатывая вопросы повышения эффективности законодательства об ответственности, впервые поставил проблему *механизма предусмотренной законом ответственности*⁷. Схема механизма ответственности

¹ См. подробнее: Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017. 192 с. Абз. 205.

² Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013. 160 с. Абз. 451.

³ Некоторые пишут о «механизме правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующего лица к ответственности при банкротстве» (см.: Середа И.М., Середа А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. М.: Статут, 2020. С. 21). К сожалению, эти авторы так и не предложили определения механизма правового регулирования юридической ответственности.

⁴ Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 3 - 17.

⁵ Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48 - 60.

⁶ Это связано, по-видимому, с доктринальной традицией рассмотрения понятия механизма правового регулирования преимущественно в общеправовом смысле.

⁷ Используя статистический метод, ученый установил, что увеличение размера санкций может как влечь изменение поведения лиц в желательном направлении, так и не влечь этого, в связи с чем не размер санкции а

была определена в качестве «принципов ответственности и ее характерных черт, обусловленных предметом и методом правового регулирования исследуемой группы общественных отношений»¹.

Следующий шаг сделал А.А. Собчак, выделив уровни (стадии) механизма ответственности: 1) законодательный уровень, включающий механизм формирования санкций, воплощающих меры ответственности; 2) правоприменительный уровень, состоящий в применении мер ответственности; 3) функциональный уровень, заключающийся во влиянии санкции на реальное поведение правонарушителя, которое ожидает от него законодатель (показатель социальной эффективности)². Несмотря на то, что *механизм действия* юридической ответственности ученый рассматривал «как определенную подсистему в структуре механизма правового регулирования»³, нетрудно заметить, что при таком широком подходе структуры механизма ответственности и механизма правового регулирования в основном совпадают: право – правоотношение – акты реализации.

Другие советские ученые сужали понятие механизма ответственности. Так, не изменяя своему *нормативно-обязывательному* подходу к концепции юридической ответственности, С.Н. Братусь рассматривал ее механизм как «принуждение через соответствующий государственный аппарат (прежде всего через арбитраж⁴) к исполнению»⁵. Следует признать, что термин «механизм правового регулирования ответственности», не имея теоретического обоснования, используется авторами больше интуитивно, причем наряду с соответствующим

сам механизм гражданско-правовой, административной либо уголовной ответственности неэффективен (см.: Петров И.Н. Проблемы повышения эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушения обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975. С. 9).

¹ Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 131-133.

² См.: Собчак А.А. О механизме гражданско-правовой ответственности // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. № 765. С. 56.

³ Там же. С. 55.

⁴ Речь идет именно о гражданско-правовой ответственности.

⁵ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 92. В духе С.С. Алексеева, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшина, отождествляющих ответственность и применение наказания, В.М. Шумилов пишет, что «механизм юридической ответственности служит защитой праву, «включает» наказание, меры принуждения и тем самым обеспечивает порядок» (Шумилов В.М. Правоведение: учебник. М.: Проспект, 2009. 272 с. Абз. 1432).

традиции термином «механизм ответственности». Для внесения ясности позволим себе высказать несколько замечаний.

Первое замечание общеметодологическое. Любые правовые конструкции являются не только идеальными моделями абстрактного юридического мышления, но и «должны отражать сложное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов и их элементов..., выступать как гносеологические модели правовой науки, и как средство построения нормативного правового материала»¹. Поэтому выбор правовой конструкции – это вопрос метода исследования.

Второе замечание специально-методологическое. Применение к феномену ответственности в сфере несостоятельности именно системно-структурного и инструментального методов обусловлено, как доказано выше, экономической сущностью этой ответственности в контексте экономической деятельности, а также комплексностью этого межотраслевого института ответственности.

Нами поставлена научная задача выяснить, каким образом функционирует ответственность в сфере несостоятельности, как она возникает, конкретизируется и реализуется, как она влияет на данную сферу. Успешное же решение научной задачи обусловлено правильностью выбора метода исследования.

Третье замечание аналитическое. Несмотря на то, что некоторые исследователи настаивают на равнозначности понятий «механизм правового регулирования» и «правовой механизм»², наука теории права все же предлагает «развести» их как, соответственно: динамику и статику³; этапы воздействия средствами и систему

---

¹ Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12. - 19. Являясь ядром правового знания, структурой позитивного права в формально-логическом смысле, юридические конструкции - «это логические феномены профессионального сознания, единицы юридического мышления» (Тарасов Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (Методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 27).

² См., например, Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография. М.: Контракт, 2016. 344 с. Абз. 419. Автор пишет, что в обоих случаях – это система юридических средств.

³ По мнению С.Я. Боженок, если механизм правового регулирования это *процесс* правового воздействия на общественные отношения, то правовой механизм - *система элементов*, позволяющих осуществлять такое воздействие (См.: Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / Отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. Автор главы 2 С.Я. Боженок. М.: Норма, 2018. 304 с. Абз. 498).

средств¹; понятие более широкое, чем второе². В предложенное доктринальное «разведение» вполне укладывается понятие *механизма ответственности*, данное Е.В. Назаровой: это конкретный организационный порядок, являющийся системой стабильных связей, норм, целей, задач, функций, принципов, определяющих порядок и основания ее возложения³.

При таком подходе понятие *механизма ответственности* соответствует пониманию *ответственности в объективном смысле*, то есть в качестве правового института, являющегося совокупностью материальных и процессуальных норм, регулирующих отношения, возникающие при привлечении к юридической ответственности⁴.

Очевидно, что такое понимание ответственности⁵ однобоко. Поэтому наряду с выводом о самостоятельном⁶ значении категории *механизм ответственности* мы вынуждены констатировать ее недостаточность для разработки нашего объекта исследования.

В-четвертых, синтезируя, заметим, что такой же недостаточностью грешит и сама по себе категория *ответственности в субъективном смысле*, поскольку, являясь официальной итоговой правовой оценкой государством деяния как правонарушения, выражаясь в неблагоприятных последствиях, возлагаемых на правонарушителя, характеризует в основном лишь стадию реализации юридической ответственности.

¹ Механизм правового регулирования, писал А.В. Малько, является системой этапов регулятивного воздействия и характеризует закономерности процесса, функций правовой формы; правовой же механизм – это система нормативных юридических средств (См.: Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 57).

² Как пишет Е.В. Матвеева, первый является системой правовых средств, необходимых для воздействия на общественные отношения в целом, а второй, обладая процедурным характером, объединяет те правовые средства, которые необходимы для достижения конкретной юридической цели (Матвеева Е.В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в РФ и ФРГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010).

³ Назарова Е.В. Механизм юридической ответственности // Юридический мир. 2008. № 3. Абз. 176.

⁴ См.: Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография. И.А. Алексеев, Р.Э. Арутюнян и др. (Автор 4 главы - Цапко М.И.). М., 2017. Абз. 869. Примером материальных норм являются установленные ст. 61.11 правовые презумпции виновности контролирующего лица в невозможности полного погашения требований кредиторов; процессуальных – положения о рассмотрении жалоб кредиторов на арбитражного управляющего в судебном заседании в срок не более месяца (п. 1 ст. 60); компетенционных – правила ст. 223 АПК РФ о рассмотрении дел о банкротстве арбитражным судом, как правило, единолично.

⁵ По сути, как системы определенных норм объективного (позитивного) права.

⁶ И, в смысле нормативного обоснования ответственности, самодостаточном.

Так, правилами п. 6 Постановления № 53¹ со ссылкой на положения п. 9 ст. 61.11 было разъяснено, что размер субсидиарной ответственности номинального руководителя может быть уменьшен, если благодаря раскрытой им информации были установлены фактический руководитель и (или) имущество должника, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов. Несмотря на такое ограничительное толкование (лишь уменьшение ответственности), судебная практика допускает и полное освобождение от ответственности².

Следует согласиться с В.П. Гавриковым, который отмечает, что «в механизме правового регулирования происходит субъективация права – процесс трансформации объективного права в субъективные права и обязанности, общих правоотношений – в конкретные; запреты из санкций норм права посредством юридических фактов переводятся в правовой статус конкретных субъектов, идет правовой «ход» возникновения, изменения и прекращения правоотношений»³. Этот «ход» развития, учитывая единый понятийный ряд правоотношений в сфере несостоятельности, осуществляется в рамках одного из правоотношений:

- охранительное (в отношении самого должника, как стадия реализации его ответственности);
- субохранительное (ответственность «за банкротство»; в отношении контролирующих должника лиц);
- постохранительное (ответственность «в банкротстве»; в отношении контролирующих лиц и участвующих в деле о банкротстве лиц, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов).

Поэтому механизм правового регулирования ответственности не просто содержит в себе категории ответственности в объективном и субъективном

---

¹ Здесь и далее: Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

² См. подробнее: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.10.2019 г. № Ф03-3799/2019 по делу № А51-655/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного суда РФ от 11.02.2020 г. № 303-ЭС19-26853 по делу № А51-655/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Гавриков В.П. Субъективация объективного права в механизме правового регулирования // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2015. № 6. С. 79-81.

смысле, но отражает «*переход*» нормативно-объективного смысла юридической ответственности в ее конкретный субъективный аспект, причем «под углом зрения их практической работы, функционирования»¹, который можно обозначить через смысловые цепочки: а) цель, правовые средства, результат; б) закон, юридический факт, конкретное охранительное штрафное правоотношение.

Правовыми средствами для такого «перехода» в доктрине признаются как правовые нормы, так и субъективные обязанности и права участников правоотношений ответственности, основания и условия возникновения, конкретизации и реализации ответственности, правовые ограничения и стимулы². Этот подход, полагаем, нуждается в уточнении.

В качестве таковых следует рассматривать также правовые средства, которые относимы со средствами-установлениями и с деяниями-технологиями. Например, в первом случае – это *элементы состава правонарушения* (субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона), включая противоправность, виновность, причинную связь; *элементы структуры правоотношения* (управомоченное лицо, охранительные субъективные права и обязанности, объект охранительного правоотношения). Во втором случае – это *акты реализации прав и обязанностей* (требование устранить нарушение субъективного права, судебные акты, содержащие оценку вопросов статуса правонарушителя, акты об исполнении охранительной обязанности).

К *правовым способам* как элементам исследуемого механизма мы относим меры ответственности, благодаря которым реализуются функции ответственности.

Выделяем следующие особенности мер банкротной ответственности: а) предусмотрены только Законом³; б) бывают как имущественные, так и

---

¹ Шундилов К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2001. С. 6.

² См.: Середа И.М., Середа А.Г. Указ. соч. Абз. 181.

³ См.: ст.ст. 61.13, 61.20, п. 4 ст. 20.4, ст.ст. 61.11, 61.12, п. 1 ст. 20.4, абз. 8 ст. 2 Закона.

неимущественные¹; в) имеют генеральную имущественную природу, поскольку неимущественные виды ответственности, являясь организационными санкциями², всегда «характеризуются косвенной связью с отрицательными имущественными последствиями для правонарушителя»³, обеспечивают в общем виде состояние защищенности объекта правовой охраны – интересы конкурсной массы.

В качестве *правовых форм* исследуемого механизма нами рассматриваются стадии правоотношения ответственности⁴.

В итоге, под *механизмом правового регулирования юридической ответственности* (в частности, *банкротной* или *вообще в сфере несостоятельности*) – следует понимать систему правовых средств, правовых форм и правовых способов, обеспечивающих эффективное правовое воздействие на охранительные правоотношения⁵, возникающие в связи с совершением правонарушений (в частности, *банкротных* или *вообще в сфере несостоятельности*).

Лишь немногие ученые уделили внимание выделению специфических элементов в механизме правового регулирования ответственности. По мнению В.Т. Смирнова и А.А. Собчака, в составе механизма, в частности, гражданско-правовой ответственности, налицо семь элементов: 1) меры ответственности; 2) правонарушение как основание возникновения охранительного правоотношения; 3) охранительные правоотношения; 4) применение мер ответственности, выражающихся в индивидуальных предписаниях юрисдикционных и иных компетентных органов; 5) процессуальные правоотношения, в рамках которых

---

¹ Возмещение вреда по правилам о компенсации убытков либо о субсидиарной ответственности; отстранение управляющего либо субординация.

² Под организационными санкциями в доктрине понимают меры, создающие для нарушителя негативные организационные условия, которые пресекают противоправное поведение (см., например, Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском праве: Авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. С. 11). В этом ключе высказывается и Д.Н. Кархалев, который пишет о том, что при защите организационных прав во всяком случае «охранительное правоотношение призвано обеспечивать восстановление справедливости в общественных отношениях путем воздействия на имущественную сферу правонарушителя» (см.: Кархалев Д.Н. Способы защиты организационных гражданских прав // Юридический мир. 2016. № 1. С. 55 – 58).

³ Подузова Е.Б. Организационная ответственность: проблемы определения и толкования // Lex russica. 2017. № 5. С. 163 - 173.

⁴ Подробно этот вопрос рассматривается в параграфе 4 главы 2 диссертации.

⁵ Охранительные, субохранительные либо постохранительные.

осуществляется процесс привлечения к ответственности и возложения ее на правонарушителя; б) реальное претерпевание нарушителем мер ответственности, то есть проявление в его имущественной, личной или служебной сфере негативных последствий привлечения к ответственности; 7) принципы и функции ответственности, которые связывают названные элементы в целостную динамичную систему¹.

Попытка соотнести уровни правового регулирования и указанные специальные правовые средства выявляет следующие корреспонденции: 1) *законодательный уровень ответственности*: принципы, функции и меры ответственности; 2) *правоприменительный уровень ответственности*: правонарушение; охранительные правоотношения; применение мер ответственности; 3) *функциональный уровень ответственности*: акты реализации прав и обязанностей; реальное претерпевание нарушителем мер ответственности.

Охранительные правоотношения являются «сердцевиной» механизма правового регулирования ответственности и рассматриваются двояко: как правовое средство – запускают правоприменительный уровень ответственности; как результат действия механизма – опосредуют вывод о реализации ответственности.

Все указанные уровни механизма находят свое проявление в каждой из рассматриваемых нами общей и частной категорий: ответственности в сфере несостоятельности и банкротной («за банкротство» и «в банкротстве») ответственности, реализующихся в рамках, соответственно, охранительных или субохранительных, постохранительных правоотношений. Например, механизм правового регулирования ответственности может быть наглядно продемонстрирован применительно к составу *неправомерных действий при банкротстве* следующими правовыми средствами и способами по уровням

---

¹ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. *Общее учение о деликтных обязательствах*. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. С. 27.

механизма (соответственно, в первом случае, к *ответственности в сфере несостоятельности*¹ и, во втором случае, к *банкротной ответственности*).

На *законодательном уровне* к правовым средствам следует отнести, в первом случае, ст. 195 УК РФ² и ст. 14.12 КоАП РФ³ с аналогичными названиями «Неправомерные действия при банкротстве»⁴. Вспомогательными правовыми средствами в данном случае можно признать акты нормативного толкования КС РФ⁵ и ВС РФ⁶.

Во втором случае к специфическому правовому средству следует отнести сам Закон⁷. При банкротной ответственности санкция всегда предусмотрена Законом.

К вспомогательным правовым средствам в данном случае можно отнести Постановление № 53, Письмо ФНС от 16.08.2017¹, обзоры судебной практики².

¹ Согласно выводам главы 1 нашей работы, к ответственности в сфере несостоятельности мы относим, во-первых, уголовную и административную виды ответственности, которые реализуются в особом юрисдикционном режиме в рамках публичных карательных производств; во-вторых, гражданско-правовую ответственность, где один из участников правоотношения – сам должник, другой не является субъектом отношений несостоятельности. Банкротная ответственность – это разновидность ответственности в сфере несостоятельности.

² Санкции – лишение и ограничение свободы, принудительные работы, штраф, лишением права занимать определенные должности

³ Санкции – штраф, дисквалификация.

⁴ Одинаково характеризуя формы противоправных действий при наличии признаков банкротства (сокрытие имущества, сведений о нем, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника, а равно сокрытие учетных документов и т.д.), уголовная ответственность вводит квалифицирующий признак в виде причинения крупного ущерба.

⁵ Например, согласно правовой позиции КС РФ, высказанной в определении от 18.07.2017 г. № 1541-О, при отсутствии признаков специального состава преступления «Неправомерные действия при банкротстве» (ст. 195 УК РФ), общая норма (ст. 201 «Злоупотребление полномочиями») не подлежит применению. См.: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2017 г. № 1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ В частности, в п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2016 г. №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» высказана позиция о том, что для квалифицирующего признака «группа лиц» по ст. 195 УК РФ необходимо, что бы все соисполнители являлись специальными субъектами (например, контролирующие лица). См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Например, ч. 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о презумпции вины контролирующих лиц в случае, если обязательные к хранению учетные документы отсутствуют либо искажены (ответственность *«за банкротство»*; санкция – субсидиарная ответственность); п.п. 1, 2, 4 ст. 20.4 Закона об обязанности исполнения арбитражным управляющим своих обязанностей, установленных Законом и федеральными стандартами (ответственность *«в банкротстве»*; санкции – отстранение, исключение из СРО, компенсация убытков); п. 1 ст. 61.12 о противоправности неисполнения обязанности по подаче контролирующими лицами заявления должника в суд о своем банкротстве при наличии для этого оснований (ответственность *«в банкротстве»*; санкция – субсидиарная ответственность).

На *правоприменительном уровне* правовые средства – конкретные охранительные правоотношения ответственности – представлены своими основаниями возникновения, конкретизацией, структурой и содержанием.

В первом случае указанные аспекты характеризуются категориями:

- уголовное преступление³ или административное правонарушение⁴ (правонарушение в сфере несостоятельности), в качестве которых квалифицируются конкретные неправомерные действия при банкротстве;
- правонарушитель, то есть физическое лицо, совершившее преступление (ст. 19 «Общие условия уголовной ответственности» УК РФ) либо физическое, юридическое лицо, совершившее административное правонарушение (ст. 2.1 «Административное правонарушение» КоАП РФ);
- уполномоченный орган власти, наделенный правом инициировать уголовное преследование либо административное правонарушение⁵; уголовное преследование по ст. 195 УК РФ вправе инициировать следователь органов внутренних дел (п. 2 ст. 151 УПК РФ), административное производство по ст. 14.12 КоАП – должностные лица федерального органа исполнительной власти⁶,

¹ Здесь и далее - Письмо ФНС России от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148 «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

² См., например, п. 30 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 от 14.11.2018 г. об особенностях исчисления исковой давности кредитор объективно не имел возможности инициировать дело о банкротстве по обстоятельствам, зависящим от самого контролирующего лица (см.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 г.) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»); п. 16 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 от 10.11.2021 г. о праве заявителя по делу о банкротстве, которое прекращено, предъявить требование о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности вне дела о банкротстве (см.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. Январь. 2022 (п. 1 – 55); Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. Февраль. 2022 (п. 56 - 68). СПС «КонсультантПлюс».

³ В соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

⁴ В силу ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

⁵ В силу ст. 140 УПК РФ, ст. 28.1 КоАП РФ уполномоченное должностное лицо вправе возбудить уголовное дело или дело об административном правонарушении в случае непосредственного выявления признаков состава преступления (правонарушения).

⁶ Таковым является Росреестр в силу п. 1 Положения о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утв. Постановлением Правительства РФ от 01.06.2009 г. № 457 (см.: Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 г. № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии») (с изм. и доп. от 08.02.2024 г. № 138) // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 3052; 2024. № 7. Ст. 978.

осуществляющего функции по контролю за деятельностью СРО арбитражных управляющих (п. 2 ст. 28.3 КоАП РФ);

- уполномоченный орган власти, наделенный правом принимать решение о применении уголовных или административных санкций (за одним исключением¹, вопрос о привлечении к ответственности в, соответственно, приговоре или в постановлении решается судом на основании ст. 8 УПК РФ и п. 1 ст. 23.1 КоАП РФ).

Во втором случае охранительное правоотношение банкротной ответственности за совершение неправомерных действий при банкротстве характеризуется аспектами:

- банкротное правонарушение, объективная сторона которого, в отличие от уголовных или административных правонарушений, описывается обобщенно со ссылкой на нарушение нормативных установлений;

- субъекты правоотношения – правонарушитель и лицо, права которого нарушены, управомоченное инициировать вопрос о привлечении к ответственности – каждый из которых является участвующее в деле о банкротстве лицо, помимо должника²;

- уполномоченный орган власти, наделенный полномочиями применять санкции, предусмотренные Законом – арбитражный суд в одном из компетенций (суд в деле о банкротстве, банкротный судья)³.

На *функциональном уровне* ответственности правовые средства обеспечивают, по выражению А.А. Собчака, ее социальную эффективность⁴ и проявляются в актах реализации прав и обязанностей, соответственно, потерпевших (кредиторов) и правонарушителей (должников).

---

¹ Вопрос о привлечении к административной ответственности за неисполнение обязанности по подаче заявления о признании банкротом в арбитражный суд (ч. 5 ст. 14.13 КоАП РФ) рассматривается налоговым органом на основании ст. 23.5 КоАП РФ.

² Например, требование арбитражного управляющего (конкурсного кредитора) к контролирующему лицу за невозможность полного погашения требований кредиторов на основании ст. 61.11 Закона (ответственность «за банкротство») либо к руководителю должника – контролирующему лицу – в случае непринятия в силу п. 2 ст. 61.14 Закона мер по оспариванию необоснованных требований кредитора в деле о банкротстве (ответственность «в банкротстве»));

³ Подробнее вопрос компетентного суда рассматривается в параграфе 4 главы 2 диссертации.

⁴ См.: Собчак А.А. О механизме гражданско-правовой ответственности. С. 56.

В первом случае выполнение нарушителем своей охранительной обязанности «выражается в реальном претерпевании правонарушителем ограничений (лишений) его личных, имущественных и иных прав и свобод»¹ в порядке, установленном УИК РФ² либо КоАП РФ³.

Во втором случае выполнение охранительной обязанности выражается как в претерпевании нарушителем неблагоприятных последствий правонарушения, так и в реальном восстановлении нарушенного права потерпевшего (кредитора). Такое одновременное осуществление карательной и восстановительной функций банкротной ответственности констатируется, например:

- при ответственности *«за банкротство»* – в постановлении судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства в связи с исполнением требований исполнительного листа⁴, выданного во исполнение определения суда о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности⁵;

- при ответственности *«в банкротстве»* – в самом по себе определении арбитражного суда об отстранении арбитражного управляющего от исполнения своих обязанностей⁶.

---

¹ Витрук Н.В. Указ. соч. С. 210. Собственно, Н.В. Витрук полагает, что такое реальное претерпевание и является выражением юридической ответственности (там же).

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 24.06.2023 г. № 285-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2023. № 26. Ст. 4693. Здесь и далее – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

³ Применительно, например, к исполнению административной санкции в виде штрафа, исполнение осуществляется в порядке Федерального закона об исполнительном производстве (здесь и далее – ФЗ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (См.: Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849; 2024. № 15. Ст. 1967). Постановление, по которому исполнение произведено полностью, с отметкой об исполненном административном наказании возвращается исполняющим должностным лицом органу, вынесшему наказание (п. 1 ст. 31.10 КоАП РФ). Исполнение наказания в отношении арбитражного управляющего в виде дисквалификации осуществляется органом Росреестра, арбитражным судом и выражается в отстранении управляющего от исполнения обязанностей в деле о банкротстве и невозможности привлечения его к участию в других таких делах (п. 3 ст. 20.4 Закона).

⁴ В силу п. 1 ст. 47 Закона об исполнительном производстве оно подлежит окончанию в случае исполнения требований исполнительного документа.

⁵ См.: п. 10 ст. 61.16, п. 4 ст. 61.17 Закона.

⁶ Поскольку со дня принятия такого судебного акта в порядке п. 1 ст. 20.4 Закона для управляющего наступают негативные последствия (лишение статуса управляющего по делу, прекращение начисления вознаграждения). Так, согласно п. 4 ст. 20.6 Закона вознаграждение управляющему не выплачивается с даты его отстранения.

Структурный и инструментальный анализ этой трехуровневой многовариантной модели механизма правового регулирования ответственности применительно к соотношению общего (ответственности в сфере несостоятельности) и частного (банкротной ответственности) позволяет указать как на *преобладающие виды* применяемых средств правового регулирования, так и на *сущностные признаки* самого механизма.

Доминируют процессуально-правовые¹ средства, применяемые специальными государственными институтами по заявлениям уполномоченных лиц; неюрисдикционные средства не выражены. При этом налицо сочетание частноправовых и публично-правовых средств, причем с необратимым приобретением первыми характера вторых (например, диспозитивное волеизъявление кредитора по обращению в суд, будучи санкционированным судебным актом о его принятии, формирует разрешительную процедуру в рамках дела о банкротстве). Это подтверждается точкой зрения Е.П. Губина о том, что «в целом вся процедура банкротства в широком понимании этого правового института – публично-правовое средство регулирования отношений в сфере экономики»².

Выделяя сущностные признаки механизма, отмечаем, во-первых, *системность* его элементов, которые объединяясь, приобретают общие особые свойства в целях эффективного регулятивного воздействия на охранительные отношения в сфере несостоятельности. Проявлением этого признака является единый понятийный аппарат, являющийся своеобразной «смазкой» механизма правового регулирования этих охранительных отношений³.

---

¹ Под таковыми в доктрине понимаются «правовые инструменты и деяния, при помощи которых обеспечиваются интересы субъектов юридического процесса» (Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 28).

² Губин Е.П. Правовое регулирование предпринимательской деятельности - сфера взаимодействия частноправовых и публично-правовых средств // Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник. М., 2017. Абз. 680.

³ В частности, КС РФ указал, что невозможно дать публично-правую оценку правомерности действий руководителя должника или индивидуального предпринимателя по удовлетворению требований отдельных кредиторов в ущерб другим (при наличии признаков банкротства, то есть квалифицировать содеянное по ч. 2 ст. 195 УК РФ) без учета правил Закона об основаниях для признания должника несостоятельным, об условиях осуществления мер по предупреждению банкротства, порядке и условиях проведения банкротных процедур, о последствиях вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения и

Во-вторых, это *комплексность* регулирования исследуемых охранительных штрафных отношений, обеспечивающих функционирование предупредительной, восстановительной и ликвидационной подсистем отношений несостоятельности. Так, в главе 1 диссертации мы обозначили как самостоятельность, так и специфичность регулятивных и охранительных отношений в сфере несостоятельности, базирующихся на их корреспондирующем друг другу межотраслевом характере. Поэтому данный признак характеризуется не столько применяемым *комплексом* правовых средств юридической ответственности на отраслевом уровне, сколько на уровне ее родовой классификации: частноправовой и публично-правовой.

Комплексность механизма правового регулирования ответственности проявляет себя в реализации принципа «non bis in idem»¹, который в судебно-конституционной практике толкуется в широком смысле: недопустимо применять одновременно несколько однотипных (карательных) видов ответственности, но возможно применения к лицу, подвергнутому карательной санкции, также восстановительной меры ответственности (в случае причинения его деянием вреда)².

Например, с одной стороны, возможно одновременное взыскание с арбитражного управляющего убытков, причиненных конкурсным кредиторам (п. 4 ст. 20.4) и привлечение этого управляющего к уголовной ответственности по ч. 2.1 ст. 195 УК РФ³ за причинение этих же убытков. С другой стороны,

---

конкретизации ограничений и обязанностей должника в ходе наблюдения (см.: определение Конституционного суда Российской Федерации от 18.07.2017 г. № 1541-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

¹ Буквальный перевод «не дважды за одно и то же» (см.: Словарь латинских терминов, используемых Европейским судом // Афанасьев Д.В. Подача жалобы в Европейский суд по правам человека. М., Статут, 2012. 606 с.); в узком смысле означает, что никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства (п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР.1976. № 17. Ст. 291. СПС «КонсультантПлюс»).

² Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 04.02.2019 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» // СЗ РФ. 2019. № 7 (Ч. 2). Ст. 711. СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовная ответственность наступает за неправомерное удовлетворение требований кредиторов за счет имущества должника в ущерб другим кредиторам, если это действие причинило крупный ущерб.

недопустимо привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ¹ в случае, если за это же деяние на управляющего ранее был наложен судебный штраф в порядке ст. 332 АПК РФ² за невыполнение законных требований суда³.

Более того, арбитражная практика допускает применение принципа «non bis in idem» также «внутри» *восстановительных* мер ответственности⁴.

В-третьих, это *экономическая* природа применяемых средств правового регулирования исследуемого механизма, что всегда обусловлено уникальным финансово-организационным состоянием конкретного должника.

Так, в отсутствие признаков противоправного поведения контролирующего лица, очевидно, что ответственность «за банкротство» в рамках *субохранительного* отношения со всем комплексом негативных мер имущественного характера в виде субсидиарной ответственности, компенсации убытков – не возникает. При этом «включаются» как *охранительные* отношения по реализации ответственности самого несостоятельного должника как стадия реализации его ответственности⁵, так и *постохранительные* отношения в связи с

---

¹ Административная ответственность наступает за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности, если деяние не содержит уголовно наказуемого деяния.

² Здесь и далее – Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2024. № 15. Ст. 1967.

³ Например, при невыполнении определения арбитражного суда о введении наблюдения в части обязанности предоставить временному управляющему бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года до введения наблюдения. Согласно правовой позиции КС РФ, такой судебный штраф представляет собой самостоятельную меру ответственности, обладающую публично-правовой природой, проявляющейся в карательном характере присущих ей санкций (см.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.04.2021 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова» // СЗ РФ. 2021. № 16 (Ч. №). Ст. 2873. СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Так, отказывая в удовлетворении исковых требований кредитора-продавца о расторжении договора купли-продажи земельного участка покупателем-банкротом, суд указал, что в условиях наличия вступившего в законную силу решения суда о взыскании задолженности и включения этой суммы в реестр требований кредиторов, расторжение договора означало бы двойную ответственность покупателя и нарушение прав конкурсных кредиторов (см. подробнее: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.02.2014 г. по делу № А43-2126/2013 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс», поддержанное судом надзорной инстанцией).

⁵ Со своим набором правовых средств, например, торги по реализации части имущества должника (ст. 111 Закона).

ответственностью «в банкротстве», с соответствующим набором правовых средств¹.

Напротив, в условиях презюмируемой несостоятельности, в отсутствие дела о банкротстве, не возникает вопроса ни об ответственности самого должника в рамках *охранительного* отношения как стадии реализации этой ответственности, ни об ответственности «в банкротстве» в рамках *постохранительного* отношения. Такая презумпция допускается Законом о банкротстве при рассмотрении требований о привлечении к субсидиарной ответственности или о взыскании убытков в отсутствие дела о банкротстве (п. 4 ст. 61.14, п. 4 ст. 61.20)² либо Законом об ООО³ в случае привлечения по требованию кредитора-потребителя к субсидиарной ответственности недобросовестного контролирующего лица должника, исключенного из государственного реестра юридических лиц в качестве недействующего лица (п. 3.1 ст. 3)⁴. В указанных случаях применение имущественной ответственности «за банкротство» обусловлено исключительно финансово-организационным состоянием должника.

Итак, особенностями элементов механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности являются *системность* его элементов, *комплексность* обеспечивающих предупредительную, восстановительную и ликвидационную подсистемы несостоятельности охранительных отношений, а также обусловленная финансово-организационным состоянием должника *экономическая природа* применяемых средств правового регулирования. Закрепляет же структуру ее *инструментальная* (функциональная)

---

¹ В частности, предусмотренные Законом негативные меры имущественного и неимущественного характера по отношению к лицам, участвующим в деле, включая арбитражного управляющего, что обусловлено соответствующей природой нарушенных регулятивных отношений «в банкротстве».

² Указанные нормы права предусматривают возможность обращения с такими требованиями в условиях отсутствия средств, достаточных для проведения процедур банкротства. Из этого выводится презумпция несостоятельности.

³ Здесь и далее – Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп. от 13.06.2023 г. № 249-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785; 2023. № 25. Ст. 4438 (далее – Закон об ООО).

⁴ См. подробнее: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» (далее – постановление КС РФ от 21.05.2021 г. № 20-П) // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913. СПС «КонсультантПлюс».

«настройка» – правовой режим регулирования ответственности, характеризующийся уникальным набором юридического инструментария.

§ 2.3 ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Ответ на вопрос «как и в какой последовательности» осуществлять правовое регулирование может быть методически решен через обозначение уровней этого механизма. Однако ответ на другой вопрос «зачем, для кого и как достичь цели» уже не так очевиден. Этот инструментально-функциональный аспект, являющийся «содержательной характеристикой конкретных нормативных средств, призванных организовать, ввести в рамки определенный «участок» жизнедеятельности людей»¹ именуется в доктрине *правовым режимом*.

Единодушие в выработке понятия правового *режима*² в среде ученых отсутствует. Основную палитру подходов к пониманию правового режима представляет эволюция взглядов С.С. Алексеева на эту категорию.

Первоначально ученый рассматривал его в ключе правовых преимуществ и ограничений, как специфический вид правового регулирования, отмечая, что правовой режим несет в себе смысловые оттенки слова «режим», то есть «выражает степень жесткости юридического регулирования, наличие известных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности»³.

Этот подход представляется излишне эклектичным, поскольку используемые в нем понятийные ряды – степени *жесткости*, уровни *активности* – не позволяют

---

¹ Малько А.В. Правовой режим как общеправовая категория: проблемы теории и практики // Правовые режимы: актуальные общетеоретические и конституционно-правовые проблемы. Монография; отв. ред. Н.А. Фролова. Сибирский федеральный университет. Красноярск. 2016. 272 с. URL: <https://bik.sfu-kras.ru> (дата обращения 01.11.2022).

² Буквально «режим» – это способ управления; установленный порядок жизни; совокупность административных мероприятий (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 3. С. 1670; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 586.).

³ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 186.

в силу своей различной природы постичь правовое явление ввиду нарушения этим «реальных связей отражаемого момента правовой действительности»¹.

В более поздней работе С.С. Алексеев определял правовой режим как способ выяснения специфики юридического регулирования определенного участка деятельности, имеющей свой строго определенный объект².

Данное определение правового режима через объект было подвергнуто обоснованной, на наш взгляд, критике: как отмечает Л.А. Чеговадзе, вне связи с субъектом, правовая характеристика вещи невозможна, поскольку такая характеристика всегда является совокупностью правомочий обладателя данным благом³.

В итоге С.С. Алексеев определил правовой режим как порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов (а также позитивных обязываний) и создающих особую направленность регулирования⁴. Такой подход поддержан в доктрине: как отмечал М.Н. Марченко, правовой режим – это специфический вид правового регулирования, являющийся своеобразной совокупностью правовых средств - стимулов и ограничений⁵.

Заслуживает внимания позиция А.В. Малько и Н.И. Матузова, которые констатируют, что правовой режим, выражая *содержательную* характеристику правовых средств и реализуясь через механизм правового регулирования, выражающий *юридическую* характеристику этих средств, является «особым порядком правового регулирования, выражающимся в определенном сочетании юридических средств и создающим желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для

---

¹ См.: Мильков А.В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности. С. 20.

² См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 242.

³ См.: Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004. С. 119. Заметим, что этот подход не позволяет разграничить категории «правового режима» и «механизма правового регулирования», в частности, в предложенном нами выше авторском варианте: как системы правовых средств, обеспечивающих эффективное правовое воздействие на общественные отношения *определенного вида*.

⁴ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 334.

⁵ См.: Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 3. С. 240 – 241, 250.

удовлетворения интересов субъектов права»¹. Уточняя этот подход, А.В. Малько называет его *информационно-психологическим*, характеризующим правовой режим в качестве «темперамента» юридического воздействия, который представлен правовыми средствами двух видов: 1) стимулирующими, создающими благоприятные условия для удовлетворения конкретных интересов (дозволения, рекомендации, льготы, поощрения) – стимулирующий правовой режим; 2) ограничительными, сдерживающими удовлетворение интересов (обязывания, запрещения, наказания) – правовой режим ограничения².

Из данных подходов видно, предмет правового режима признается определенный *порядок правового регулирования*, направленный на достижение конкретных целей, а объектом являются конкретные общественные отношения. Заметим, что в доктрине именно такой подход воспринят применительно к юридической ответственности: например, В.А. Хохлов отмечает, что выражение «режим ответственности» употребляется при необходимости отразить особенности регулирования мер ответственности и порядка их применения³; М.А. Егорова вводит в научный оборот понятие «правовой режим антимонопольного регулирования», «правовой режим регулирования антиконкурентных действий»⁴.

При этом, с одной стороны, «позитивные обязывания, запрещения и дозволения являются не только первичными, но и основными, фундаментальными юридическими средствами»⁵. Предложенный С.С. Алексеевым концепт дозволений и запретов, которые представляют собой «две крепко сцепленные пары, одна из которых возглавляется общим запретом, а другая общим дозволением»⁶ и внутри которых есть исключения, соответственно, частные

---

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы. Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 17 - 19;

² Малько А.В. Указ. соч.

³ См.: Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. Абз. 2097.

⁴ См.: Егорова М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий: монография. М., 2021. 244 с. Абз. 38, 2217, 2371.

⁵ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 263 - 268.

⁶ См. подробнее: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 82-103. Внутри этих сцепленных пар есть исключения, соответственно, частные дозволения и частные запреты (там же).

дозволения и запреты, обладает большим исследовательским потенциалом¹, образуя, на общей дозволенности поведения – *общедозволительное* регулирование («разрешено все, что не запрещено»), или, на общей запрещенности с наличием конкретных дозволений – *разрешительное* регулирование («запрещено все, что не разрешено»)².

С другой стороны, стимулы и ограничения, относящиеся скорее к средствам политики права³, больше соответствуют инструментальной природе категории «правовой режим». Заметим, что именно такой подход использован С.А.Карелиной, при определении правового режима института несостоятельности⁴.

Итак, нами определен предмет правового режима – порядок правового регулирования, его объект – конкретные отношения, в частности, юридической ответственности, а также виды характеризующих его правовых средств. Однако необходимо также указать на природу указанных средств регулирования.

Ранее в тексте диссертации мы неоднократно апеллировали к категориям частноправового и публично-правового *в контекстах*: 1) исследования именно этих форм юридической ответственности с учетом ее межотраслевого характера в сфере несостоятельности; 2) смешанного метода⁵ правового регулирования самих отношений несостоятельности; 3) необходимости защиты как частного, так и

---

¹ Имеется ввиду широчайшая вариативность правовых квалификаций вследствие детальной разработки С.С. Алексеевым природы «гибких запретов», зон интенсивного и неинтенсивного правового регулирования, являющихся индикаторами презумпций наличия (отсутствия) запретов (дозволений); соотношений категорий «запретов» и «отсутствия дозволений»; «отсутствия юридической ответственности» и «присутствия дозволений» (см. подробнее: Алексеев С.С. Указ соч. С. 53-56, 66).

² См.: Алексеев С.С. Указ соч. С. 104.

³ Нам близко понимание политики права Л.И. Петражицким в качестве деятельности, дисциплины по выработке способов сочетания позитивного права с интуитивно-правовыми переживаниями людей; Цель здесь - устранение вредных проявлений как первого, так и второго; задача политики права в рационализации индивидуального и массового через правовую мотивацию; в очищении психики от антисоциальных склонностей (см. подробнее: Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. М., 2011. С. 3).

⁴ Ученый понимает под таковым порядок регулирования общественных отношений, характеризующийся определенным набором средств правового регулирования, сочетанием стимулов и ограничений и выражающегося в особом состоянии субъектов, а также их прав и обязанностей (Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 3401).

⁵ С преобладанием публично-правового метода правового регулирования.

публичного интересов в процедурах банкротства; 4) преобладания публично-правового характера элементов исследуемого механизма.

Поэтому для раскрытия сущности правового режима регулирования ответственности в сфере несостоятельности мы обращаемся в методическом смысле к категориям публично-правового и частноправового применительно к разработанным в доктрине научным абстракциям: режим, средства, формы ответственности.

Под *публично-правовым* режимом в доктрине в основном понимается средство выражения публичных интересов, то есть интересов государства как публичного института, охрана прав и законных интересов граждан, вопросы безопасности государства и пр.¹ Как пишет С.С. Алексеев, *частноправовой* режим действует в сфере имущественных и личных неимущественных отношений между частными лицами, основанных на координации воли сторон и их равенстве, которые используют особые правовые средства для регулирования отношений, преимущественно договор².

Различие между указанными режимами А.В. Малько проводит по функциональному и целевому признаку: *публично-правовой* направлен на обеспечение законности и правопорядка, основан на запретах и обязываниях, императивен; управомоченное лицо имеет особые полномочия; налицо неравенство участников; *частноправовой* направлен на конкретные частные казусы, в связи с чем он имеет более широкий круг источников³.

Различие между публичными и частными средствами регулирования в том, что первые направлены на удовлетворение прежде всего целей субъектов правореализационной деятельности, а цели права удовлетворяют вторично;

---

¹ См. подробнее: Беляева Г.С. Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление // *Lex russica*, 2015. № 7. С. 21 – 23.

² См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 182.

³ См.: Малько А.В., Лиманская А.П. Виды правовых режимов в юридической науке и российском законодательстве // *Современное право*. 2014. №8. С. 14-17.

публичные же средства направлены на социально значимые цели, закрепленные в праве¹.

В доктрине также определены критерии дифференциации публично-правовой и частноправовой ответственности: цели и функции, порядок реализации ответственности². Отмечая, что цели ответственности реализуются через ее функции, И.А. Кузьмин отмечает, что функции и цель установления и применения ответственности является ключевым критерием определения специфики публично-правовой и частноправовой ответственности³. Этой же позиции придерживается Н.В. Витрук, который указывает на праввосстановительную функцию в частном праве и репрессивно-карательную функцию в публичном праве⁴. Из советских классиков теории права О.Э. Лейст считал функциональный критерий разграничения видов юридической ответственности основным⁵.

Мы видим, что в доктрине главным критерием разграничения публично-правового и частноправового аспектов является *функционально-инструментальный* критерий – *функции и цели*, на реализацию (достижение) которых и направлены средства правового регулирования. Рассмотрим указанные категории применительно к юридической ответственности.

Заметим, что категории «функция» и «цель» характеризуются, соответственно, как «направленное избирательное воздействие системы на определенные стороны

---

¹ См.: Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М, 2011. С.76.

² Шубников Ю.Б., Андреева И.В. Указ. соч. С. 133 - 134. Прокопович Г.А. также указывает на критерии дифференциации публично-правовой и частноправовой ответственности: а) цели ответственности; б) статус субъектов правоотношения; в) характер и содержание мер; г) процедура применения мер; д) форма и способы правового закрепления; е) объекты и методы воздействия; ж) уровни принятия правовых решений в рамках правоотношения ответственности (см.: Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. С. 9 - 11, 16 – 18).

³ Помимо этого критерия, ученый также выделяет критерии сферы применения, формы проявления, способ юридического закрепления, фактическое основание, субъектный состав, форму и механизм реализации (см. подробнее: Кузьмин И.А. Специфика частноправовой ответственности // Lex russica. 2018. № 4. С. 37 – 52).

⁴ Витрук Н.В. Указ. соч. С. 380-381. Аналогично о значении функций и целей юридической ответственности высказываются другие авторы (см., например, Ягудина В.М. Система юридической ответственности // Юридический мир. 2009. № 10. С. 74 – 77).

⁵ Лейст О.Э. Виды юридической ответственности // Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 602

внешней среды»¹ и «идеальное, мысленное представление результатов отдельного действия или системы действий (поведения, деятельности) субъекта»². Достижение же «глобальной цели ответственности – укрепление законности и правопорядка»³, может быть достигнуто только через реализацию функций ответственности, природа которых и является, по выражению Д.А. Липинского, *целевой*⁴.

В доктрине выделяются следующие функции юридической ответственности: штрафная (карательная), компенсационная (правовосстановительная), предупредительная (общая и частная), воспитательная, и регулятивная⁵. Учитывая рамки диссертации, кратко рассмотрим реализацию этих функций в *охранительных, суб- и пост- охранительных* отношениях в ракурсе того, что, как отмечают П.А. Кабанов и Д.А. Липинский, функции ответственности осуществляются при помощи таких правовых средств как предписания, дозволения, запреты, ограничения, поощрения⁶.

В *охранительном* правоотношении дозволением, применительно к восстановительной функции (в стадии реализации ответственности самого несостоятельного должника), является, к примеру, правило п. 1 ст. 73 о возможности конкурсных кредиторов выбрать процедуру банкротства и

---

¹ Радько Т.Н., Толстик В.А. Категория «Функция права в юридической науке» // Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия. Учебное пособие. М., 1998. 944 с. // <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 06.11.2023 г.).

² Базылев Б.Т. Цели и функции юридической ответственности // Вопросы теории права и государственного строительства. Томск, 1978. С. 29.

³ Белова А.В. Соотношение целей и функций юридической ответственности // Юридический вестник Самарского университета, 2016. Т. 2. № 2. С. 120.

⁴ Липинский Д.А. К вопросу о содержании функций юридической ответственности // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 19.

⁵ См. подробнее: Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. М.: Норма, 2003. С. 360. Некоторые авторы выделяют еще *обеспечительную* функцию юридической ответственности, говоря, например, об «обеспечительной функции субсидиарной ответственности в банкротстве» (см., например Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019. 488 с. Абз. 3087).

⁶ См.: Кабанов П.А., Липинский Д.А. Соотношение запретов, обязанностей и дозволений в функционировании юридической ответственности // Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / под ред. А.В. Малько. М.: ИНФРА-М, 2020. 377с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1039319> (дата обращения: 06.11.2022 г.); Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12. С. 3 - 7. При этом, отмечают авторы, набор перечисленных правовых средств для многих функций остается неизменным, однако их соотношение может меняться: в реализации некоторых функций преобладают запреты и ограничения, в других – дозволения.

обратиться с соответствующим ходатайством¹. Позитивным обязыванием в этом же *охранительном* правоотношении будет являться требование Закона к конкурсному управляющему представить отчет² о результатах проведения конкурсного производства (ст. 147 Закона) для реализации карательной функции – ликвидации (исключение из реестра юридических лиц) банкрота на основании определения суда (п. 3 ст. 149 Закона).

Эта же функция будет реализована уже в *постохранительном* правоотношении при ответственности «в банкротстве» в случае нарушения управляющим запрета неполного оформления такого отчета³.

В рамках *субохранительного* правоотношения при реализации штрафной функции ответственности контролирующего лица «за банкротство» (и одновременно восстановительной для кредиторов) проявлением, к примеру, дозволения, является установленные Законом о банкротстве возможности: для конкурсного кредитора – заявлять или не заявлять требования привлечения к субсидиарной ответственности (ст. 61.14); для контролирующего лица – участвовать либо не участвовать в заключении соглашения (ст. 61.21)⁴.

Выполнение перечисленных функций ответственности направлено на достижение ее целей (предмета стремления), которые имеют нормативную природу в силу указания в Законе (ст. 2) применительно к базовым институтам банкротства должника⁵: 1) обеспечение сохранности имущества, проведения

---

¹ Как указал ВС РФ, это означает, что определена позиция гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, относительно реабилитации или ликвидации должника (см.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.07.2017 г. № 305-ЭС17-4728 по делу № А40-55621/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

² Причем согласно строго установленной форме, в силу: Приказ Минюста РФ от 14.08.2003 г. № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего» // Российская газета от 11.09.2003. № 181.

³ Так, суд кассационной инстанции отменил определение о завершении конкурсного производства по мотиву отсутствия в соответствующем отчете конкурсного управляющего заключения о наличии оснований для оспаривания сделок должника; такая отмена дала возможность кредитору предъявить в рамках дела о банкротстве требование о взыскании убытков (см.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.10.2022 г. № Ф02-3619/2022, Ф02-3786/2022 по делу № А19-712/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Запретами же и позитивными обязываниями буквально «пестрят» нормы главы III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» Закона.

⁵ Наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, реструктуризация долгов гражданина и реализация его имущества, мировое соглашение.

анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов; 2) восстановление платежеспособности и погашение задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности; 3) восстановление его платежеспособности; 4) соразмерное удовлетворение требований кредиторов; 5) восстановления платежеспособности и погашение задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации долгов; 6) соразмерное удовлетворение требований кредиторов и освобождение гражданина от долгов; 7) прекращение производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами.

В итоге *правовой режим регулирования ответственности в сфере несостоятельности* определяется нами как особый порядок регулирования охранительных правоотношений посредством комплекса публично-правовых и частноправовых средств, выражающих степень благоприятствования участникам отношений, а также особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений и запретов, направленных на реализацию функций юридической ответственности и достижение целей процедур банкротства.

Согласно замечанию Е.П. Губина, категория правового режима характеризует «неразрывное единство» определенной совокупности приемов, методов и средств правового регулирования¹. Как отмечал С.С. Алексеев, именно правовой режим является целостной системой юридического воздействия, *формирующего специфику структурных подразделений права*; рассуждая практически, если субъект «вступает» в сферу той или иной отрасли, то приводится в действие весь комплекс процессуальных, регулятивных и охранительных средств, обеспечивающих юридическое опосредование жизненной ситуации в специфическом для нее правовом режиме².

---

¹ См.: Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2005. С. 15.

² Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 251.

Поэтому полагаем, что именно особенности правового режима регулирования ответственности позволяют сделать вывод о степени ее самостоятельности¹.

Правовой режим, по мнению Г.С. Беляевой, является специфическим механизмом правового регулирования (его разновидностью), особым образом регулирующим конкретную группу общественных отношений, направленным на конкретные виды субъектов, действующих в этих отношениях; правовой режим – это проекция механизма правового регулирования на определенную социальную ситуацию². Следовательно, правовой режим является своеобразной «настройкой» механизма правового регулирования ответственности, предопределяющей набор уникального правового инструментария для достижения цели.

Приведенным выше определением охватывается и сущность *правового режима регулирования банкротной ответственности*³, с той лишь разницей, что раскрытие его специфики⁴ возможно только после рассмотрения особенностей реализации механизма правового регулирования банкротной ответственности применительно его правовым формам – стадиям правоотношения ответственности, которые рассматриваются нами далее.

§ 2.4 СТАДИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Исследование явлений в развитии характеризует фундаментальный диалектический метод познания. Как доктрина⁵, так и судебная практика¹

¹ В этом же ключе высказывается М.Л. Гальперин, который пишет, что признаком самостоятельности ответственности является юридический режим применения принудительных мер, обусловленный целями, задачами, принципами и основными началами соответствующих отношений (см.: Гальперин М.Л. О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 208).

² См.: Беляева Г.С. Доктринальные основания понятия и сущности правового режима // Современная теория правовых режимов: теоретический и отраслевой подходы: Монография. Красноярск, 2017. С. 6 – 39.

³ Как составной части ответственности в сфере несостоятельности.

⁴ Преобладание разрешительного либо дозволительного, частноправового либо публично-правового.

⁵ Так, традиционным стало выделение *стадий* правоприменения (см. подробнее: Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. А.В. Малько. М., 2011. С. 199 – 201), *стадий* социально-правового конфликта (см. подробнее: Рыльская М.А. Проблемы разрешения конфликтов в гражданском обществе: повторение пройденного // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 14 – 17), *стадий* реализации субъективного права (см. подробнее: Ямпольская Ц.А. О взаимодействии государственных органов и общественных организаций // Вестник МГУ. 2015. С. 51).

признают теоретическое и практическое значение познания правовых явлений в их динамике. Механизм правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности уже позволяет, как показано выше, рассмотреть динамику задействования «заточенных» инструментов, являющихся, по выражению С.А. Карелиной, совокупностью субстанциональных, многоуровневых, детерминированных общей целью правовых средств².

Однако и правоотношение, рассматриваемое в ракурсе результата действия механизма правового регулирования, также имеет свою динамику: возникновение, изменение и прекращение. Движение правоотношения осуществляется, как утверждал О.А. Красавчиков, при наличии трех оснований: 1) нормативного (регулятивная или охранительная норма); 2) правосубъектного; 3) юридико-фактического основания, с которыми связывается наступление правовых последствий в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений³.

Такой подход поддерживается и применительно к охранительным отношениям в доктринах теории права и отраслевых наук. Так, С.С. Алексеев указывает на существование ответственности исключительно в рамках охранительных правоотношений⁴; Д.Н. Кархалев считает, что самостоятельное материальное охранительное правоотношение является формой существования правоотношения по привлечению должника к ответственности⁵.

---

¹ Как указал орган конституционного правосудия, даже положения Конституции России (см. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с изм. и доп. от 06.10.2022 г.) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; <http://www.pravo.gov.ru>. СПС «КонсультантПлюс») всегда проявляют себя в изменяющемся социально-историческом контексте, а правовые позиции КС РФ могут изменяться в целях выявления смысла норм Конституции России с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования (см.: определение Конституционного суда Российской Федерации от 11.02.2021г. № 180-О-Р «По ходатайству Правительства Новгородской области о разъяснении постановления Конституционного суда РФ от 17.12.1996 г. № 20-П» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 3548.

³ Красавчиков О.А. Гражданско-правовая ответственность // Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 153 – 154. Как отмечает Д.Н. Кархалев, в охранительных отношениях нормативное основание имеет особое значение: сама возможность существования данных отношений обусловлена существованием охранительной нормы (см.: Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М., 2022. С. 207 – 208).

⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. С. 190.

⁵ См.: Кархалев Д.Н. Охранительные обязательства по защите гражданских прав // Юридический мир. 2013. № 2. С. 27 – 29.

В доктрине конкретное жизненное обстоятельство, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий (правоотношений), принято именовать *юридическим фактом*¹. Выделяются также *сложные юридические факты* (фактические обстоятельства с несколькими признаками)² и *юридические составы* (два и более юридических факта, обуславливающих наступление правовых последствий)³.

В теории права и в отраслевых науках, включая право процессуальное, общепризнано, что юридические факты, классифицируются, в зависимости от функций и последствий, на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие⁴. Следовательно, правоотношение ответственности также проявляет себя и в этапах своего развития (в динамике стадий).

Несмотря на то, что концепция стадий юридической ответственности⁵ поддерживалась учеными с 70-х годов прошлого века, включая рассмотрение отдельных стадий⁶, впервые критерий выделения указанных стадий предложила М.Д. Шиндяпина: он состоит в *соотношении* степени познания компетентными органами (уполномоченными лицами) совершенного правонарушения и изменений, происходящих в правовом статусе правонарушителя⁷; такой подход поддержан в доктрине теории права и отраслевых наук⁸. Поэтому под *стадией правоотношения ответственности* мы понимаем последовательные этапы развития охранительного правоотношения (возникновение, конкретизация,

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. II. М., 1982. С. 163.

² См.: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 27.

³ См.: Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 104.

⁴ См.: Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 45; Кархалев Д.Н. Указ. соч. С. 209.

⁵ Мы рассматриваем как аналогичные выражения стадии ответственности, стадии правоотношений ответственности, стадии развития правоотношений ответственности.

⁶ Так, утверждалось о четырех стадиях ответственности: возникновение, выявление, официальная оценка, реализация (см.: Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 296); М.В. Заднепровская выделяет две стадии: *состояния* прав и обязанностей субъектов и их *реализации* (см.: Заднепровская М.В. Осуществление юридической ответственности и социалистическая законность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 7).

⁷ См.: Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998. С. 9. Статус правонарушителя ученый считает объектом правоотношения ответственности (там же).

⁸ См. подробнее: Витрук Н.В. Указ. соч. Абз. 1988; Кузьмин И.А. Стадии юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности: Международная научно-практическая конференция (Иркутск, 13.11.2010 г.): Материалы конференции. Иркутск, 2010. С. 30 – 33.

реализация), характеризующиеся степенью познания управомоченным лицом правонарушения, корреспондирующей со статусом правонарушителя.

Рассматривая далее стадии банкротной ответственности как последовательные *ступени познания*, мы используем диалектический прием «восхождения от абстрактного к конкретному», учитывая, что изначально исследователь находится на этапе фиксации чувственно-конкретного и перехода к абстрактному определению¹, в частности, к правовой абстракции². По сути, нами фиксируются (познаются) *отдельные элементы* уже имманентно присутствующего целого (состава правонарушения, правоотношения ответственности), поскольку метод восхождения от абстрактного к конкретному «не есть процесс возникновения самого конкретного... характеризует движение, но не реального предмета, который всегда есть конкретная живая целостность, а «мыслящей головы», осваивающей для себя эту целостность единственно возможным способом»³.

Формой познания действительности признается восприятие, являющееся и осознанием, и одновременно чувственным отображением объективной картины мира⁴; чувственное познание является начальной ступенью познания, предшествующей рациональной⁵. Поэтому очевидно, что *объект правонарушения*, обусловленный, в частности, наличием *вреда* как части объективной стороны, проявляют себя первыми. Одновременно, применительно к *правоотношению ответственности*, проявляют себя *субъект-потерпевший*

---

¹ На этом этапе единый объект «испаряется», описывается при помощи множества понятий (зафиксированных мышлением абстракций, односторонних определений). На втором этапе процесса познания мы мыслим абстрактные определения объекта (абстрактное в познании) к конкретному в познании (восстанавливается исходная целостность объекта, но уже в мышлении). По существу в этом процессе познания мышление восходит от конкретного в действительности к абстрактному в мышлении и от него – к конкретному в мышлении (см. подробнее: Гольдштейн Г.Я., Катаев А.В. Методология научного творчества: Учебное пособие. Таганрог, 1999. 60 с. URL: http://www.aup.ru/books/m1501/2_3.htm?ysclid=lbxgcsugbm346177146 (дата обращения 21.12.2023).

² Как отмечал Д.А. Керимов, юридические абстракции окажутся подлинно научными лишь тогда, когда каждый из фиксируемых в них существенных признаков необходим для раскрытия специфики изучаемых правовых объектов, а их совокупность достаточна для выявления сущности этих объектов (см.: Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. 520 с. URL: <https://bibliotekar.ru/4-1-23-metodologiya-prava/12.htm?ysclid=lbxhg37dsf699157035> (дата обращения 21.12.2023).

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1958. Т. 23. С. 69.

⁴ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2009. С. 123, 226 - 227.

⁵ См.: Руденко А.М. Философия. Ростов-на-Дону, 2020. С. 273.

(управомоченное лицо), а также его *субъективное право*, которое, в отличие от субъективной обязанности правонарушителя, является уже на этой стадии конкретным, а не общим. На стадии конкретизации познаются *правонарушитель*, его *вина* и *охранительная субъективная обязанность*, а также *противоправность* и *причинная связь*. На стадии реализации – *обязанность реально претерпеть* негативные последствия как объект правоотношения ответственности.

Первая стадия правоотношения банкротной ответственности – стадия его *возникновения* – обусловлена фактом правонарушения, который «есть начало объективного бытия юридической ответственности»¹ независимо от осознания нарушителем противоправности и обнаружения этого факта уполномоченным лицом (компетентным органом).

Заметим, что различаются моменты *совершения* правонарушения и момент его *обнаружения*. Так, согласно п.п. 5 и 6 ст. 61.14 Закона установлены специальные сроки исковой давности: трехлетний – по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности; предельный объективный трехлетний и десятилетний²; в п. 62 Постановления № 53 разъяснено, что последние восстановлению не подлежат³.

Анализ института *состава правонарушения* как сложного юридического факта указывает на то, что он, во-первых, является *общим основанием* для возникновения любой ответственности и, во-вторых, характеризуется *четырьмя элементами*: «объект – нарушенное материальное или нематериальное благо, защищаемое правом, субъект – дееспособное лицо, совершившее правонарушение; объективная сторона – само противоправное деяние, наступивший вредоносный результат и причинная связь между деянием и

---

¹ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 75.

² В силу указанных норм эти сроки исчисляются со дня признания должника банкротом или завершения конкурсного производства, совершения неправомерных действий, причинивших вред кредиторам.

³ Заметим, что в отличие от давности привлечения к уголовной либо административной ответственности (ст. 78 УК РФ, ст. 4.5 КоАП РФ), исковая давность по требованиям о привлечении к *банкротной ответственности* применяется только по заявлению ответчика (лица, привлекаемого к ответственности) в силу ст. 199 ГК РФ. Однако в обоих случаях отказ в привлечении к банкротной ответственности обусловлен *субъективно-объективными* факторами: объективное течение срока и субъективный правоприменительный акт (правоохранительного органа либо правонарушителя) о ее применении.

результатом; субъективная сторона – вина, т.е. отношение правонарушителя к деянию и его результату в форме умысла и неосторожности»¹.

Сказанное применимо не только к публично-правовой, но и к *частноправовой* ответственности: КС РФ в постановлениях №14-П² и №36-П, квалифицируя обязанность должника (как гражданина, так и руководителя должника) по возмещению судебных расходов заявителю по делу о банкротстве в качестве убытков³, указал, что обязанность возместить причиненный вред – мера ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии *состава правонарушения*, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между этим поведением и наступлением вреда, а также его вину. По другому делу КС РФ обозначил, что объективное вменение не допускается. Однако законодатель вправе, при *частноправовой* ответственности, установить случаи возмещения вреда и при отсутствии вины причинителя (п. 2 ст. 1064 ГК РФ)⁴.

По существу орган конституционного контроля рассматривает состав правонарушения как *форму* для наполнения значимыми признаками, в зависимости от вида правонарушения, ибо «правонарушение – непереносимое основание для всех видов юридической ответственности, при этом содержание конкретных составов правонарушений... должно согласовываться с принципами правового государства во взаимоотношениях его с физическими и юридическими лицами»⁵.

---

¹ Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 74. См., например, Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007 С.с. 244 - 255, 265 – 292.

² Здесь и далее - постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В.А. Нужина» // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 1046. СПС «КонсультантПлюс».

³ При нарушении должником своей обязанности по инициированию своего банкротства в силу ст. 9.

⁴ См.: определение Конституционного суда Российской Федерации от 27.02.2020 г. № 491-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Звягинцева Виктора Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 108 НК РФ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: определение Конституционного суда Российской Федерации от 27.02.2020 г. № 491-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Звягинцева В.Ю. на нарушение его конституционных прав п. 6 ст. 108 НК РФ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

Заметим, что основание возникновения правоотношения юридической ответственности, мы рассматриваем преимущественно в частноправовом и материально-правовом аспекте; при этом нами формируется абстрактная модель *законного* охранительного отношения. Поэтому нам сложно поддержать позицию В.В. Витрянского, который считает основанием возникновения гражданско-правовой ответственности нарушение субъективного гражданского права, а условием ее применения – предусмотренные законом *условия*¹. Мы солидарны с С.С. Покровским, утверждающим, что категории «условия» частноправовой ответственности и «признаки элементов состава правонарушения» в целом схожи, в связи с чем отказ от общетеоретического понятия состава правонарушения неоправдан².

Признание основанием возникновения отношения ответственности именно состава правонарушения, позволяет впоследствии распределить бремя последствий от необоснованного применения *мер защиты* в отношении привлекаемого к ответственности лица. Например, в зависимости от обоснованности требований кредитора, повлекших введение наблюдения, возможно, по мнению М.В. Телюкиной, ставить вопрос о взыскании в пользу должника с такого кредитора убытков, причиненных необоснованным введением указанной процедуры³.

---

¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М., 2011. Кн. 1. С. 708 (автор главы - В.В. Витрянский). Схожей позиции придерживается В.А. Хохлов, отмечая, что правонарушение составляет основание ответственности, для возникновения которой не требуется каких-либо условий; последние необходимы лишь для применения конкретных мер ответственности (см.: Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук. Самара, 1998. С. 7).

² См.: Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 98 - 129. При этом законодатель также исходит из такого подхода, вводя ответственность за вред, причиненный правоохранительными органами: наряду с обязанностью возмещения вреда за вред, причиненный незаконным осуждением, констатирована аналогичная обязанность применительно к *незаконному привлечению* к уголовной ответственности (ст. 1070 ГК РФ).

³ См.: Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). Абз. 1290. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2003. СПС «КонсультантПлюс». Из этого же исходит судебная практика: отменяя определение о введении наблюдения ввиду отсутствия предусмотренных для этого оснований, суд указал, что последствия введения наблюдения представляют собой существенные ограничения дееспособности должника и существенно ограничивают его имущественные права; необоснованное введение наблюдения может повлечь для должника крупные убытки (Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2002 г. № Ф09-2852/02-ГК по делу № А60-14095/2002-С1 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»). Это же актуально для решения вопроса о взыскании убытков на основании ст. 98 «Убытки и компенсации в связи с обеспечением иска» АПК РФ: установив, что

Заканчивается стадия возникновения ответственности, как отмечает М.В. Шиндяпина, в момент обнаружения правонарушения уполномоченным лицом, когда в принципе возникает возможность ограничить правонарушителя «в определенных правах, свободах и обязанностях, составляющих его правовой статус», поскольку содержание этой стадии – возникшее право на применение мер ответственности за правонарушение¹.

В главе 1 настоящей работы мы выделили исчерпывающий перечень банкротных правонарушений «за банкротство» и «в банкротстве», а также соответствующие им меры ответственности. Учитывая, что все случаи *банкротной ответственности* возникают из внедоговорного причинения вреда, правонарушение *обнаружено* постольку, поскольку, во-первых, наличествует сама фигура потерпевшего, во-вторых, у потерпевшего появляется знание о нарушении своего права и его предполагаемом нарушителе.

На данный *юридический состав* прямо указано, к примеру, в п. 59 Постановления №53, согласно которому срок исковой давности по требованию о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности исчисляется с момента, когда, в частности, арбитражный управляющий узнал о наличии *совокупности оснований* для такого привлечения²:

При этом, в каждом конкретном случае «наполнить» этот состав необходимо *специфическими* фактами. Например, если причиной отсутствия у должника средств для погашения судебных расходов явились неправомерные действия арбитражного управляющего, срок исковой давности для заявителя³ исчисляется с момента, когда он *объективно* имел возможность получить информацию о

злоупотребление правом либо заведомая необоснованность предъявления конкурсным управляющим требований о привлечении к субсидиарной ответственности не доказано, суд не нашел оснований для взыскания убытков, причиненных принятыми по делу обеспечительными мерами (см. подробнее: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.03.2021 г. по делу N А47-9612/2016).

¹ См.: Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 62, 114. Аналогичного мнения придерживается Н.В. Витрук (см.: Витрук Н.В. Указ. соч. Абз. 2006).

² В частности, о контролирующем лице, его неправомерном поведении, причинившим вред кредиторам и влекущих за собой субсидиарную ответственность, о недостаточности активов должника для проведения расчетов со всеми кредиторами.

³ В частности, заявитель по делу о банкротстве, выплативший соответствующие суммы, требующий взыскания убытков с арбитражного управляющего.

совокупности фактов: о противоправном расходовании управляющим конкурсной массы, о недостаточности оставшейся конкурсной массы для погашения судебных расходов и расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему и предъявлении заявителю требования о компенсации названных расходов за его счет¹.

Особенность окончания стадии возникновения банкротной ответственности – значение не только субъективного фактора (момента осведомленности заинтересованного лица), но и фактора объективного. Так, применительно к субсидиарной ответственности «за банкротство», момент обнаружения правонарушения контролирующего лица (окончание первой стадии ответственности) не может быть ранее возникновения права на подачу заявления о привлечении к этому виду *банкротной ответственности*².

Полагаем, что присутствие таких объективных (институциональных) факторов обусловлено особенностями отношений несостоятельности должника, развивающихся в рамках специального юрисдикционного процесса, обусловленного включением в управление недобросовестного должника независимых лиц. Получается, что в силу объективного критерия знание о правонарушении не может появиться ранее, чем, например, возможность приобретения кредитором статуса конкурсного в силу введения процедуры

---

¹ См.: п. 22 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 04.07.2018 г.). См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2019 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2019 (окончание). СПС «КонсультантПлюс».

² Согласно абз. 2 п. 59 Постановления №53 срок исковой давности не может начаться ранее возникновения права на подачу в суд заявления по правилам главы III.2, то есть не ранее введения первой процедуры банкротства, либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом, либо прекращения производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого п. 1 ст. 57 (ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур) на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом. Изложенное актуально и для взыскания корпоративных убытков в порядке ст. 61.20, поскольку срок исковой давности исчисляется с момента появления независимого менеджмента (абз. 2 п. 68 Постановления № 53), а таковым, как правило, на практике и признается назначенный судом арбитражный управляющий, назначенный судом после введения процедуры банкротства. Суды обычно ссылаются на такие порочащие независимость директора признаки: номинальность, назначение цепочки директором одним мажоритарием, уклонение от получения исчерпывающей информации от бывшего директора и т.д. (см. подробнее: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.09.2020 г. № Ф04-2995/2020 по делу № А46-3813/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс», Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.12.2021 г. № Ф06-25871/2017 по делу № А72-11679/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

наблюдения (ст. 49), либо появления презумпции несостоятельности должника¹ ввиду прекращения производства по делу о банкротстве на основании абз. 8 п. 1 ст. 57 ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов².

Таким образом, правоотношение *банкротной ответственности* возникает с момента совершения *банкротного правонарушения* и заканчивается формированием субъективно-объективного *фактического состава* институционального характера, сводящегося к *познанию-обнаружению* уполномоченным лицом факта правонарушения³.

Вторая стадия банкротной ответственности – стадия ее *конкретизации* – обусловлена, как отмечает М.Д. Шиндяпина, необходимостью «трансформации общей обязанности правонарушителя в конкретную обязанность»⁴ и имеет своей *целью* «определение вида и меры ответственности, соответствующей совершенному правонарушению»⁵.

Данная цель достигается посредством установления указанных в Законе признаков состава *банкротного правонарушения*⁶. Иными словами, необходимо

¹ По существу такие *презумпции несостоятельности* должника предусмотрены в случае прекращения дела о банкротстве (или возврата заявления ввиду отсутствия финансирования) применительно к ответственности «за банкротство»: субсидиарной и корпоративные убытки (п. 3 ст. 61.14 и п. 3 ст. 61.20 Закона). Еще одним примером служат правила п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, смысл которых сводится к возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица при исключении должника из реестра юридических лиц как недействующего (см. подробнее: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913. СПС «КонсультантПлюс»).

² Так, отменяя постановления нижестоящих судов по жалобе уполномоченного органа на определение об отказе в привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по мотиву истечения срока исковой давности, суд кассационной инстанции указал, что «датой объективного понимания» следует признать дату прекращения производства по делу ввиду отсутствия средств для финансирования дела о банкротстве (см.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2021 г. № Ф04-277/2021 по делу № А45-35296/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

³ Заметим, что *состав* банкротного правонарушения уже на стадии возникновения банкротной ответственности *присутствует* полностью; однако *познанным* он является только в части своего *объекта*, а также *вреда* как грани объективной стороны, корреспондирующего к элементам правоотношения ответственности (субъект-потерпевший и его субъективное право).

⁴ Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 115.

⁵ Там же.

⁶ В этом же ключе высказывается Хохлов В.А., описывая механизм гражданско-правовой ответственности в виде алгоритма: (а) в силу правонарушения возникает (б) отношение ответственности, (в) требующее применения мер воздействия (г) при наличии установленных в договоре или законе обстоятельств (см.: Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М., 2015. 288 с. Абз. 2025).

произвести *квалификацию* банкротного правонарушения, которая, как правило¹, двухстадийная: а) *предварительная* (неофициальная), производимая управомоченным лицом при реализации своего *права на иск*² – в заявлении о привлечении к банкротной ответственности, которое направляется в банкротный суд³ либо банкротному судье⁴. Эта возможность открывается для управомоченного лица только при институализации *состояния должника* (его несостоятельности) при введении процедуры банкротства либо при презумпции банкротства, то есть в рамках охранительных отношений ответственности самого должника⁵; б) *окончательная* (официальная), заключающаяся в установлении судом соответствия деяния всем элементам состава правонарушения, в целях выбора вида и меры санкции на основе оценки собранных доказательств.

Уже предварительная квалификация приобретает значение *правоизменяющего процессуального юридического факта*: элементы специального статуса нарушителя появляются сразу при возбуждении судом на основании «вспомогательного акта»⁶ производства о привлечении к банкротной ответственности. Так, в силу п. 5 ст. 61.16 на имущество контролирующего лица и на имущество лиц, в отношении которых ответчик является контролирующим

---

¹ Исключение составляет применение субординации, поскольку квалификация содеянного осуществляется сразу банкротным судом на основании заявления о включении в реестр требований кредиторов.

² Например, о привлечении к имущественной ответственности (ст. 61.14, 61.20); к неимущественной ответственности (п. 1 ст. 20.4 Закона).

³ Здесь и далее – суд, рассматривающий дело о банкротстве.

⁴ Здесь и далее – подразумевается суд, который принимал определение о возвращении заявления о признании должника банкротом, о прекращении производства по делу о банкротстве, о завершении конкурсного производства.

⁵ Так, применительно к ответственности «за банкротство» право на иск возникает в любой процедуре банкротства либо вне дела о банкротстве (п. 1 ст. 61.14, ст. 61.19, п.п. 1 и 4 ст. 61.20 Закона); аналогичная ситуация при ответственности «в банкротстве» (п. 2 ст. 61.14, п. 5 ст. 61.19 Закона).

⁶ Этот термин предложен Д.А. Липинским, предложившим виды правоприменительных актов юридической ответственности: *основной акт* о применении норм ответственности и *вспомогательные акты*, необходимые для вынесения в будущем основного акта (см. подробнее: Липинский Д.А. Указ. соч. С. 4). К *вспомогательным актам* мы также относим определение суда, принятое в порядке п. 7 ст. 61.16: если при рассмотрении заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности невозможно определить ее размер, то суд делает вывод о доказанности наличия оснований для такой ответственности и приостанавливает рассмотрение заявления до окончания расчетов с кредиторами. Полагаем, что введение этого «промежуточного» института выполняет *двойную роль*: с одной стороны, защищает интересы конкурсной массы в виде фиксации правового положения правонарушителя в целях обеспечения будущего взыскания; с другой стороны, создает для контролирующего лица правовую определенность в деле о банкротстве для реализации своего статуса и стимулирует его для активных действий в интересах конкурсной массы.

лицом¹, с момента подачи заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности, может быть наложен арест² либо иные меры, обеспечивающие будущее взыскание. Изложенное свидетельствует о жесткости правового режима для контролирующего лица уже на стадии предварительной квалификации.

Заметим, что институциональный аспект *суб-* и *пост-* охранительных отношений банкротной ответственности, обусловленный охранительными отношениями ответственности самого должника, присутствует и на стадии конкретизации, причем как в рамках дела о банкротстве, так и вне дела о банкротстве³.

В первом случае, например, в определении о введении наблюдения уже имеется указание на признанный обоснованным размер требования к должнику (п. 2 ст. 33, ст. 48 Закона), в результате чего институционализируется как *состояние должника*, так охранительное субъективное право, формирующее охранительную обязанность правонарушителя.

Применительно ко второму случаю (вне дела о банкротстве) охранительные отношения реализации ответственности должника, отсутствующие *в силу особого правового основания*, каковым является специальный судебный акт⁴, также порождают особое юридическое *состояние должника*. Это состояние характеризуется как *презумпция несостоятельности*, поскольку принятие указанного судебного акта всегда имеет одновременно два признака: наличие требований к должнику и невозможность конкурсного процесса ввиду отсутствия его финансирования за счет должника⁵.

---

¹ При условии, если основание контроля – владение более 50% уставного капитала либо обладание правом назначения руководителя этих лиц (п. 5 ст. 61.16 Закона).

² Возможность наложения ареста не только на имущество ответчика, но и иных лиц критикуется в научной литературе со ссылкой, например, на воспрепятствование деятельности третьих лиц, обвалом курса их акций, вследствие чего кредиторам в деле о банкротстве основного должника будут причинены убытки – стоимость конкурсной массы уменьшится (см. подробнее: Гутников О.В. Указ. соч. Абз. 4325).

³ При возврате заявления уполномоченного органа или прекращении дела ввиду отсутствия финансирования, при завершении конкурсного производства.

⁴ Определения суда о возврате заявления уполномоченного органа или прекращении дела ввиду отсутствия финансирования, о завершении конкурсного производства.

⁵ Как верно отмечает Е.С. Юлова, в основе несостоятельности лежит предположение, которое не обязательно соответствует реальному состоянию должника, это «условность, избранная законодателем для решения судом вопроса о несостоятельности должника» (Юлова Е.С. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М., 2008. С. 29).

Субъективное право в этом случае вне презумпции, поскольку оно, как правило¹, уже институционализировано:

- применительно к ответственности «за банкротство» – судебный акт по делу о банкротстве о признании требований обоснованными (включение в реестр либо за реестр; п. 3 ст. 61.14, п. 2 ст. 61.20 Закона); подтверждение в порядке п. 3 ст. 6 Закона требований уполномоченного органа – при возврате ему заявления ввиду отсутствия финансирования; судебный акт о признании обоснованными требований текущего кредитора²; судебный акт об обоснованности требований заявителя по делу – при прекращении производства ввиду отсутствия финансирования³;

- применительно к ответственности «в банкротстве» – судебный акт по делу о банкротстве о признании требований обоснованными (включение в реестр либо за реестр; п. 4 ст. 61.14 Закона); подтверждение в порядке п. 3 ст. 6 Закона требований уполномоченного органа – при возврате ему заявления ввиду отсутствия финансирования; судебный акт об обоснованности требований заявителя по делу – при прекращении производства ввиду отсутствия финансирования⁴.

---

¹ Применительно к ответственности: «за банкротство» - за исключением учредителей и работников должника по требованиям о корпоративных убытках (п. 2 ст. 61.20 Закона); «в банкротстве» - за исключением работников должника (п. 4 ст. 61.14 Закона), текущих кредиторов по требованиям о взыскании убытков с арбитражного управляющего (п. 4 ст. 20.4 Закона). Заметим, что применительно к *неимущественным* видам ответственности «в банкротстве» (отстранение управляющего, субординация требований) вопрос о такой институционализации не возникает, поскольку сама природа санкции исключает вопрос о взыскании денежных средств. При этом право требования здесь, как правило, также принадлежит лицам, обладающими денежными притязаниями к должнику – конкурсным кредиторам, хотя и не только им. Так, право требовать отстранения арбитражного управляющего имеют лишь лица, участвующие в деле (см. п. 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дела о банкротстве» (Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 г. № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 8. 2012; РГ. №297. 29.12.2017). Во всех указанных случаях мы можем говорить о *презумпции права на иск*.

² Несмотря на то, что ни п. 3 ст. 61.14 Закона, корреспондирующий ему п. 28 Постановления № 53 такого требования не содержат, судебная практика идет по этому пути, констатируя, что по «кредиторы должника по текущим обязательствам после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств... вправе подать заявление о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности... лишь в том случае, если их требования подтверждены вступившим в законную силу судебным актом...» (см.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.04.2021 г. № Ф03-1167/2021 по делу № А04-5828/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

³ См.: п. 31 Постановления № 53.

⁴ Там же.

Иными словами, охранительные отношения несостоятельности сами являются *правовым средством*, обеспечивающим динамику субохранительных и постохранительных отношений банкротной ответственности. Так, способы «наполнения» *содержания познания* банкротного правонарушения соответствуют природе правовых, а также неправовых (информационных, организационных) средств, задействованных в целях констатации как несостоятельности должника, так и охранительных субъективных обязанностей правонарушителя.

В частности, применительно к субохранительным отношениям «за банкротство», актуальна позиция Е.Г. Дорохиной: рассуждая в управленческой парадигме, ученый пишет, что арбитражный управляющий в процедурах банкротства осуществляет функцию отчетности, которая выражается в сборе и обработке информации о результатах деятельности, причем «не только о собственной деятельности, но и о состоянии *системы* в целом»¹. Совершенно очевидно, что временный управляющий, например, устанавливая признаки несостоятельности и действуя в порядке Правил № 367² либо Временных правил № 855³, выявляет перечень контролирурующих лиц, признаки доведения до банкротства, способ совершения действий, повлекших вред и т.д. Это подтверждается судебной практикой⁴.

---

¹ См.: Дорохина Е.Г. Арбитражное управление в системе банкротства: Монография. М., Новый индекс, 2008. 208 с. Абз. 425. При этом под *системой* Е.Г. Дорохина понимает *систему банкротства*, то есть единство конкурсных норм права и процесса их реализации; атрибут этого единства – правовые средства (правоотношения и их участники, юридические факты, ответственность и др.) (Там же).

² Здесь и далее – Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа, утв. постановлением Правительства РФ от 25.06.2003 г. № 367 (См.: Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664).

³ Здесь и далее – Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855. См.: Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. № 52 (Ч. 2). Ст. 5519. Так, согласно п. 8 Временных правил управляющий проверяет соответствие сделок и действий органов управления должника законодательству, выявляет среди них не соответствующие рыночным условиям, послужившие причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме.

⁴ Так, констатируя противоправность уклонения арбитражного управляющего от производства анализа деятельности должника, высшая судебная инстанция указала, что установление управляющим признаков преднамеренного банкротства, способствует привлечению к субсидиарной ответственности контролирующего лица, в связи с чем прямо влияет на права кредиторов в деле о банкротстве (см. подробнее: Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 г. № 4501/13 по делу № А48-4616/2009(26) // Вестник ВАС РФ. 2014. № 1. СПС

Констатируем также, что отношения банкротной ответственности приобретают процессуальную форму уже на этапе неофициальной квалификации при использовании управомоченным лицом права на иск. В силу рамок диссертации в наши задачи не входит рассмотрение таких центральных процессуальных институтов как «судебное разбирательство», «суд»; укажем лишь на то, что Закон определяет *компетентный суд* для рассмотрения вопросов банкротной ответственности: банкротный суд и банкротный судья¹. Это обуславливает применение общих норм и принципов АПК РФ для рассмотрения этих споров².

Итак, конкретизация *банкротной ответственности* завершается по итогам разбирательства под руководством и управлением суда принятием правоприменительного акта, содержащего *санкцию*; эта санкция, как уже отмечено в главе 1 диссертации, всегда является, в отличие от меры защиты, дополнительным (штрафным) обременением. Такая природа санкции характерна не только для публично-правовой, но и для частноправовой ответственности, поскольку, как отмечает Д.А. Липинский, «восстановление имущественной сферы потерпевшего происходит за счет уменьшения имущественной сферы гражданско-правового правонарушителя, что выступает для него как элемент кары»³.

Мы выделяем следующие санкции, которые предусмотрены Законом: 1) имущественные санкции – возмещение вреда *по правилам о возмещении*

«КонсультантПлюс»). Данная правовая позиция актуальна и поддерживается судами по настоящее время: см., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2021 г. № Ф05-15183/2018 по делу № А40-27892/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.02.2022 г. № Ф06-69016/2020 по делу № А65-316/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹ См., соответственно, п. 1 ст. 61.16, п. 1 ст. 61.20 и пп. 2, 5 ст. 61.19, п. 2 ст. 61.20 Закона.

² Независимость судей, законность, равенство всех перед законом и судом, равноправие сторон, состязательность, непосредственность и гласность судебного разбирательства (см. подробнее ст.ст. 5 – 11 АПК РФ).

³ Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 34. В схожем ключе высказывался О.С. Иоффе: «...характерная для мер гражданско-правовой ответственности особенность заключается в том, что, вызывая отрицательные последствия в сфере правонарушителя, они обеспечивают также восстановление прежнего положения для потерпевшего» (Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. I: Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. С. 203).

убытков¹ либо по правилам о *субсидиарной ответственности* в отношении контролирующих лиц²; 2) *неимущественные санкции*³.

При этом ответственность «за банкротство» всегда характеризуются имущественными санкциями в виде обязанности возместить убытки⁴, категория которых, по выражению А.В. Волкова, «признается не только в качестве последствий правонарушения в экономическом смысле, но и как объект такой санкции, как возмещение убытков»⁵. В ответственность «за банкротство» включаются не только требования реестровых кредиторов, но и так называемые транзакционные издержки⁶, в том числе: 1) требования кредиторов по текущим платежам (п. 11 ст. 61.11⁷); 2) вознаграждение арбитражного управляющего⁸ (ст. 20.6); 3) расходы на проведение процедур банкротства (ст. 20.7).

¹ а) за вред, причиненный контролирующим лицом в связи с нарушением законодательства о банкротстве (ст. 61.13 Закона); б) за причинение контролирующим лицом вреда должнику, в частности, в период осуществления своего контроля (ст. 61.20); в) вред, причиненный арбитражным управляющим должнику, кредиторам и иным лицам в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве (п. 4 ст. 20.4 Закона).

² а) за невозможность полного погашения требований кредиторов; в частности, в связи с конкретными казусами, в которых установлена презумпция виновности в невозможности погашения требований кредиторов; например, отсутствие значимых документов бухгалтерского учета и т.д. (ст. 61.11); д) за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.12 Закона).

³ а) отстранение арбитражного управляющего за неисполнение своих обязанностей, предусмотренных Законом или федеральными стандартами (п. 1 ст. 20.4 Закона); б) субординация (понижение очередности) требований, производимая по различным основаниям.

⁴ Это в полной мере касается и субсидиарной ответственности по ст. 61.11, поскольку природа этой ответственности – обязанность возместить кредиторам убытки в качестве компенсации своего негативного поведения (см.: п. 22 Обзора судебной практики ВС РФ № 1, утв. Президиумом ВС РФ 10.06.2020 г. (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2020. СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ Волков А.В. Возмещение убытков в качестве санкции за злоупотребление правом // *Гражданское право*. 2015. № 3. С. 3 - 5. В этом контексте О.В. Гутников пишет, что во всех видах имущественной ответственности по Закону, речь идет о применении универсальной меры ответственности – возмещение убытков, причиненных одновременно организации-должнику и кредиторам неправомерным поведением контролирующего лица (см.: Гутников О.В. Указ. соч. Абз. 4281).

⁶ Транзакционные издержки — затраты, возникающие в связи с заключением контрактов (в том числе с использованием рыночных механизмов); издержки, сопровождающие взаимоотношения экономических агентов. Выделяют, помимо прочих, издержки юридической защиты выполнения контракта использованием рынка (Dalman C. J. The Problem of Externality // *The Journal of Law and Economics* 22. № 1. April 1979. P. 148). Российские исследователи определяют их как «затраты различных ресурсов (деньги, труда, время и др.), необходимые для перехода и приобретения свобод и имущественных прав, признанных в обществе» (Рудакова О.В., Мерцалова А.И. Транзакционные издержки как экономическая категория // *Территория науки*. 2013. № 2. С. 186).

⁷ Согласно указанной норме, размер субсидиарной ответственности контролирующего лица равен общему размеру реестровых требований, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований «текущих» кредиторов, оставшихся не погашенными ввиду недостаточности имущества должника.

⁸ Включает, помимо ежемесячной оплаты, стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего в размере 30% от денежных средств, поступивших в результате реализации ответственности.

Включение в объем негативных последствий для правонарушителя *юридически значимых* обязательств, возникших после совершения банкротного правонарушения, не коррелирует с компенсационным принципом частноправовой ответственности за причиненный вред, свидетельствует о карательности санкции, то есть о признаках публично-правовой ответственности.

Действительно, согласно основанной на норме п. 11 ст. 61.11 Закона правовой позиции СКЭС ВС РФ, на правовое положение контролирующего лица влияют два обстоятельства: совокупный размер требований кредиторов к должнику и объем конкурсной массы. Разница между названными величинами и составляет размер ответственности¹. Исследователи отмечают, что объем ответственности контролирующего лица дополнительно увеличивается и вследствие обстоятельств, «находящиеся вне воли привлекаемого лица: естественная убыль активов в процессе экономической деятельности...издержки при реализации конкурсной массы, обусловленные срочным характером продажи имущества и изменением конъюнктуры рынка, ненадлежащим исполнением обязанностей лицами, осуществляющими реализацию имущества»².

По состоянию на 2020 год, согласно оценкам ФНС России, в среднем активы при банкротстве продаются в 5 раз дешевле рыночной стоимости³. Согласно же доступным в настоящее время сведениям, цена продажи имущества банкрота меньше первоначальной рыночной стоимости его имущества в 6,76 раза⁴. Это, в целом, согласуется с данными Федресурса: средний процент состоявшихся

---

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 г. № 305-ЭС21-29550 по делу № А40-269141/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

² Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. № 7. С. 40 - 49. Абз. 73.

³ См.: Информация о выступлении заместителя руководителя ФНС Константина Чекмышева на конференции «Институт банкротства в России». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/07/885554-fns-otsenila-poteri-ekonomiki-ot-spisani-dolgov?ysclid=1h1rxlfheb68990717> (дата обращения 01.05.2023 г.).

⁴ См.: Раздел «Анализ средней цены лота» Анализа торгов по банкротству и активности электронных торговых площадок, подготовленное ООО БСР-Консалтинг. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/BSR-статистика-ЕФРСБ-с-детальным-рейтингом-1-кв.-2022.pdf> (дата обращения 01.05.2023 г.). Нами взят средний арифметический показатель применительно к соотношению начальной цены имущества к стоимости его реализации за периоды с 2015 по 2021 гг. Соответственно: 16,2 / 1,5 (9,2%); 14,6 / 2,8 (19,1%); 16,2 / 2,8 (17,2%); 16,8 / 2,6 (15,4%); 20,7 / 3 (14,5%); 46,2 / 6,1 (13,2%).

первичных торгов за период с 2015 по 2022 год составил только 22%¹; изложенное объективно ведет к постепенному снижению начальной рыночной цены продажи имущества должника в силу Закона².

Поэтому возможно утверждать, что приобретение санкцией штрафного характера, неэквивалентного размеру причиненного вреда, обусловлено также *экономически значимыми* обстоятельствами.

Для ответственности «в банкротстве» характерны не только указанные имущественные санкции, но и неимущественные – в виде отстранения управляющего и субординации. Во всех случаях возникновения указанных *суб- и пост- охранительных правоотношений* обогащение правонарушителя не является обязательным квалифицирующим признаком содеянного: достаточно статуса контролирующего лица (либо арбитражного управляющего) и факта причинения противоправного вреда конкурсной массе (конкурсным кредиторам)³. Применительно к неимущественным видам банкротной ответственности штрафной характер санкций – отстранение управляющего и субординация – освещен нами в главе 1 диссертации.

Таким образом, стадия конкретизации банкротной ответственности начинается в момент выявления правонарушения и заканчивается принятием судебного акта, содержащего негативную оценку и квалификацию содеянного, а также официальную конкретизацию охранительной субъективной обязанности и порядок ее выполнения.

Третья стадия ответственности – ее *реализация* – начинается в момент вступления в силу этого акта, а заканчивается в момент исполнения санкции⁴.

Обобщая, заметим, что экономический смысл «развертывания» понятийного ряда «неплатежеспособность¹ – несостоятельность² – банкротство» должника, по

---

1 См.: Раздел «Состоявшиеся лоты» Анализа торгов по банкротству и активности электронных торговых площадок, подготовленное ООО БСП-Консалтинг. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/BSRстатистикаЕФРСБсдетальнымрейтингом1кв.2022.pdf> (дата обращения 01.05.2023 г.).

² В силу требований статей 110, 138, 139 Закона.

³ Например, само по себе отсутствие документов бухгалтерского учета, образующее презумпцию вины и причинной связи с невозможностью погашения требований кредиторов, является основанием для привлечения к субсидиарной ответственности по п. 2 ч. 2 ст. 61.11.

⁴ Содержание этой стадии будет рассматриваться нами в параграфе 3 главы 3 диссертации.

справедливому замечанию С.А. Карелиной, соответствует предложенной М.Д. Шиндяпиной концепции стадий ответственности: неплатежеспособность соответствует стадии возникновения ответственности; принятие заявления о признании банкротом и введение наблюдения – стадии конкретизации; признание банкротом – стадии реализации³.

Генетическая же взаимосвязь с одной стороны, *охранительных* отношений реализации ответственности самого должника, и, с другой стороны, отношений *суб-* и *пост-* охранительных, проявляется в трех аспектах. Во-первых, *экономически*, само по себе непротивоправное экономическое состояние несостоятельности (квазиответственности) должника, выраженное в размере требований кредиторов, является вредным последствием либо обстановкой банкротного правонарушения. Во-вторых, *институционально*, вся динамика отношений ответственности «за» и «в» банкротстве обусловлена юридическими составами, содержащими судебные акты в отношении должника. В-третьих, *юрисдикционно*, развитие отношений банкротной ответственности, начиная со стадии конкретизации ответственности, обусловлено не только материальными, но и процессуальными юридическими фактами, протекает в особой процессуальной форме с участием компетентного суда.

Указанные экономические, институциональные и юрисдикционные связи *охранительных, суб-* и *пост-* охранительных отношений проявляются благодаря особым комплексам материальных и процессуальных инструментов (юридических фактов, правовых средств), который уникален применительно к каждой из стадий банкротной ответственности. Иными словами, стадии ответственности, воплощая динамику охранительного правоотношения как центрального звена вертикали механизма правового регулирования, являются, по

---

¹ В соответствии со ст. 2 неплатежеспособность - прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное.

² Под несостоятельностью понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам (ст. 2 Закона).

³ См.: Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 1482.

хронологической горизонтали, *формами* «жизни» права со специфическими на каждом этапе средствами правового регулирования.

Из сказанного нами выводятся следующие тезисы.

Во-первых, каждая стадия развития *суб-* и *пост-* охранительных отношений является специфическим выражением *особых правовых структур – институтов* (как материальных, так и процессуальных). Именно в рамках стадий охранительных отношений, *корреспондирующих правовым институтам*, создаются конкретные условия как для познания управомоченным лицом правонарушения, так и для изменений статуса правонарушителя.

В силу этих особенностей стадии банкротной ответственности по существу являются *особым порядком организации* правовых норм, институтов (структур права), опосредствующих развитие охранительных отношений ответственности, что позволяет рассмотреть данные стадии в качестве *правовых форм* механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности. Полагаем, что такое рассмотрение правовых форм в контексте исследования именно механизма правового регулирования ответственности позволяет создать целостную теоретическую конструкцию, где правовые формы выполняют роль внешнего организующего выражения определенных правовых институтов (меняющихся в зависимости от: а) природы стадии правоотношения ответственности; б) постепенного перехода (в зависимости от стадии) нормативно-объективного смысла ответственности в конкретную субъективную ответственность).

Изложенное согласуется с доктринальным рассмотрением правоотношения как *правовой формы* общественного отношения¹. Это актуально и для отношений охранительных, ибо, как отмечал Л.И. Спиридонов, право всегда лишь опосредует уже существующие общественные отношения, даже в ситуации с правонарушителями: роли подсудимого либо ответчика – суть «социальные

---

¹ См., например: Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избранные труды: В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 13; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 5, 6, 277.

позиции своего рода»¹. Следовательно, правоотношение юридической ответственности является правовой формой общественного отношения.

Однако нами анализируются правоотношения ответственности в контексте их механизма правового регулирования, что означает:

- деятельностный и целеполагающий характер объекта исследования, определяющий особенности метода исследования – *инструментальный*;
- рассмотрение феномена правоотношения не в статике, но в динамике развертывания уровней механизма правового регулирования, где оно является не столько правовым средством, сколько *результатом* правового регулирования.

В обозначенном контексте, правоотношение ответственности становится *определенным* (конкретным, доступным для анализа) лишь в моменте фиксации в *конкретной стадии своего развития*. Поэтому именно стадии развития правоотношений ответственности, при анализе объекта исследования в рамках инструментального метода, рассматриваются как правовые формы. Наглядно эта мысль представлена на рисунке 2 (см. Приложение 2).

Во-вторых, лишь в изменяющемся от стадии к стадии ракурсе связей *охранительных, суб- и пост- охранительных* отношений, возникают условия для *постепенного познания* управомоченным лицом *элементов* состава банкротного правонарушения: *объект правонарушения*, обусловленный, в частности, наличием *вреда* как части объективной стороны, проявляет себя первым. Одновременно, применительно к *правоотношению ответственности*, проявляют себя *субъект-потерпевший* (управомоченное лицо), а также его *субъективное право*, которое, в отличие от субъективной обязанности правонарушителя, является уже на этой стадии конкретным, а не общим. На стадии конкретизации познаются *правонарушитель*, его *вина* и *охранительная субъективная обязанность*, а также *противоправность* и *причинная связь*. На стадии реализации – *обязанность реально претерпеть* негативные последствия как объект правоотношения ответственности.

---

¹ Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 184.

Изложенное позволяет понимать под *стадиями банкротной ответственности* обусловленные отношениями несостоятельности должника последовательные этапы развития *суб-* и *пост-* охранительных отношений, характеризующихся соотношением степени познания управомоченным лицом и судом элементов структуры этих отношений и состава банкротного правонарушения с изменениями статуса правонарушителя.

В-третьих, как отмечал С.С. Алексеев, категория механизма правового регулирования позволяет собрать воедино явления правовой действительности, отобразить их в динамическом виде, охарактеризовать результативность правового регулирования, описать функции правовых явлений. При этом ученый писал, что эта категория «в рамках правоведения представляет собой методологическую категорию, конкретизировано выражающую требования материалистической диалектики по отношению к явлениям правовой действительности»¹. В сводном виде методологическое значение механизма правового регулирования ответственности представлено в таблице 1 (см. Приложение 3).

Рассмотрение стадий правоотношения ответственности в качестве правовых форм соответствующего механизма, обуславливающих формирование на каждой из стадий уникального комплекса средств правового регулирования, обогащает методологический инструментарий².

По итогам проведенного в данной главе исследования, отмечаем, что выявлены особенности исследуемого механизма: *системность* регулятивных элементов; *комплексность* обеспечивающих предупредительную,

---

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 9 – 10.

² Например, анализ проблемы уклонения страховщиков от заключения договоров страхования ответственности арбитражных управляющих в ракурсе механизма правового регулирования и его правовых форм – стадий ответственности – позволяет констатировать недостаточность законодательного регулирования, завышение страховых тарифов за счет расширенных страховых рисков, неоправданное расширение имущественной ответственности арбитражного управляющего за счет обязанности возмещения убытков «добровольным» кредиторам; в стадии возникновения ответственности определяются принципы и меры ответственности, на стадии конкретизации – объем охранительной субъективной обязанности арбитражного управляющего (см. подробнее: Тарасенко А.А. Об экономико-правовых предпосылках умаления специальной деликтоспособности арбитражного управляющего (на примере страховых отношений) // Законодательство. 2023. № 10. С. 76 – 85).

восстановительную и ликвидационную подсистемы несостоятельности охранительных отношений; *экономическая природа* применяемых средств, обусловленная финансово-организационным состоянием конкретного должника.

Установлено, что *механизм* правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности представлен законодательным, правоприменительным и функциональным уровнями и распределяемыми по ним *специфическими правовыми средствами, формами и способами*¹, в результате применения которых реализуются функции ответственности: восстановительная, штрафная, регуляторная, превентивная.

Предложены как новые правовые понятия, так и авторские определения понятий, уже существовавших: 1) «*механизм правового регулирования ответственности*» с выделением его содержания (системы правовых средств, форм и способов), функций (обеспечивающих эффективное правовое воздействие), объекта (охранительные правоотношения, возникающие в связи с совершением соответствующих правонарушений); 2) «*правовой режим регулирования ответственности в сфере несостоятельности*» с обозначением характера используемых правовых средств и способов; относимости этих средств к дозволениям и запретам, к степени благоприятствования для субъектов; направленности на реализацию функций и целей ответственности; 3) *стадий банкротной ответственности*, где суб- и пост-охранительные отношения экономически, институционально и юрисдикционно взаимообусловлены с охранительными отношениями ответственности самого должника в стадии их реализации, а степень *постепенного познания* этих отношений и элементов состава правонарушения корреспондирует особенностям статуса правонарушителя.

Динамика этих стадий характеризуется субъективно-объективными юридическими составами на фоне преимущественно разрешительного регулирования; возможностью принятия жестких ограничительных мер

---

¹ Основания и меры ответственности, охранительные правоотношения, индивидуальные предписания, реальное претерпевание, принципы и функции ответственности.

имущественного характера по отношению к привлекаемому к ответственности лицу уже на стадии предварительной квалификации; преобладанием публично-правовых и процессуальных средств регулирования.

Правовой режим регулирования ответственности – это специфический, детализированный механизм правового регулирования (его «настройка»), особым образом регулирующий конкретную группы общественных отношений; действие механизма правового регулирования реализуется через правовой режим.

Стадии юридической ответственности, являясь правовыми формами в механизме правового регулирования, образуют, вместе с этим механизмом, *единую методологическую категорию*, детализировано выражающую всеобщий метод познания применительно к юридической ответственности.

Правовой режим регулирования банкротной ответственности может быть раскрыт через анализ механизма правового регулирования этой ответственности, воплощенного в ее стадиях.

Категория «механизм правового регулирования ответственности» имеет значение *методологической категории* для целей исследования банкротной ответственности. Такое исследование (процесс познания) заключается в рассмотрении средств правового регулирования последовательно: распределяя их, с одной стороны, по законодательному, правоприменительному и функциональному уровням механизма правового регулирования (по условной вертикали) и, с другой стороны, по стадиям развития правоотношения ответственности от возникновения к конкретизации, а затем к реализации (по условной горизонтали).

Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматривая далее отдельные *элементы механизма* правового регулирования банкротной ответственности мы руководствуемся принятой в доктрине классификацией таковых: правовые средства, способы и формы.

Рамки диссертации позволяют рассмотреть только некоторые средства правового регулирования; наш выбор обусловлен стремлением наибольшего раскрытия природы правового режима регулирования банкротной ответственности.

§ 3.1 СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В предыдущей главе при рассмотрении элементов механизма правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности нами уже обращалось внимание на особенности задействованных средств: значительное присутствие как процессуально-правовых средств¹, так и специфических правовых средств (организационных, экономических, информационных и др.), приобретающих правовую форму только в результате действия норм права.

Как отмечает Г.С. Беляева, в целом, процессуально-правовые средства, призванные обеспечить благоприятную обстановку для разрешения юридических дел, направлены на реализацию целей участников юридического процесса – обеспечение реализации материальных норм².

---

¹ Под таковыми в доктрине понимаются «правовые инструменты и деяния, при помощи которых обеспечиваются интересы субъектов юридического процесса» (Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 28).

² Беляева Г.С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды // Lex russica. 2015. № 3. С. 19 - 27. Абз. 202 – 204.

Полагаем, что категория «стандарт доказывания», с одной стороны, не будучи закрепленной в законе¹ и, с другой стороны, широко используемая при рассмотрении дел о привлечении к банкротной ответственности, является специфическим средством информационно-психологической² направленности, которое приобретает правовую (процессуально-правовую) форму только в результате действия норм права, в частности, ст. 71 АПК РФ об оценке доказательств³.

Под *стандартом доказывания* исследователи понимают «вероятность события, необходимая для того, чтобы суд посчитал обстоятельство установленным»⁴, «разумную степень достоверности исследованных доказательств по делу»⁵, «критерий для установления фактов на основе оценки представленных доказательств»⁶. По мнению А.Г. Карапетова и А.С. Косарева, стандарт доказывания «определяет минимальную степень субъективной уверенности судьи в истинности спорного факта, при которой суд готов признать бремя доказывания, возложенное на соответствующую сторону, выполненным, бремя опровержения (доказывания обратного) – перешедшим на оппонента, а соответствующее фактическое обстоятельство после исследования и оценки всех предъявленных этой стороной и оппонентом доказательств – доказанным»⁷.

---

¹ Заметим, что категория «стандарты доказывания» не рассматривается ни в одном из 23-х изданий научно-практических комментариев к АПК РФ, включенных по состоянию на 18.02.2024 г. в информационный банк СПС «Консультант Плюс».

² На такие средства указывалось А.В. Малько применительно к правовым средствам-стимулам и средствам-ограничениям (см.: Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 366).

³ В частности, в этой норме закреплены принципы оценки доказательств: 1) свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению; 2) в основе оценки – всестороннее, полное, объективное и непосредственное исследование доказательств; 3) относимость, допустимость и достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и связь доказательств в совокупности и др.

⁴ Барышников П.С. Эмпирические методы в науке гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 26 - 34. Абз. 71.

⁵ Решетникова И.В. Стандарт доказывания по делу // Справочник по доказыванию в арбитражном процессе. Под ред. И.В. Решетниковой. М., 2022. 480 с. Абз. 534.

⁶ Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3. Абз. 14.

⁷ См.: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3 – 96 Абз. 61.

По существу, стандарт доказывания – это конкретная степень субъективной уверенности, при появлении которой судья готов сделать положительный вывод о достоверности того или иного юридически значимого обстоятельства. Установление более строго стандарта доказывания для одной из сторон спора обусловлено тем, что другая сторона, с учетом особенностей материального спора, объективно ограничена в средствах доказывания.

Выделяются нормативный и позитивный стандарты доказывания. Первый, относясь к категории «должного», закрепляется в праве в целях исключения субъективизма судебной оценки в целях ее унификации¹. Второй («сущее») – используется по конкретным делам и воспринимается судами как достаточная степень убедительности доказательств².

По мнению И.В. Решетниковой, стандарт доказывания происходит из прецедентного права. В спорах, рассматриваемым в США и Великобритании, требуется доказать свою правоту на балансе элементарной вероятности «скорее вероятно, чем нет», по некоторым делам требуется строгий стандарт «за пределами разумных сомнений»³. В делах о банкротстве, отмечает американский автор С. Парих, как правило, применяется промежуточный стандарт «ясные и убедительные доказательства»⁴. В целом, ВС РФ формулирует аналогичное представление о стандартах доказывания по делам о банкротстве, в частности, при установлении в реестре кредиторов требований неминоритарных участников корпорации: обычный «общеисковой», повышенный «ясные и убедительные доказательства», высокий «исключение любых разумных сомнений»⁵, ориентируя на применение последних.

---

¹ Как пишет Ю.Б. Фогельсон, нормативный стандарт – это правовое средство, которое обеспечивает достижение правосудием справедливости // Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции // Закон. 2020. № 1. Абз. 93.

² См.: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Указ. соч. Абз. 64 – 66.

³ Решетникова И.В. Указ. соч. Абз. 259.

⁴ См.: Parikh S.D. The Improper Application of the Clear-and-Convincing Standard of Proof: Are Bankruptcy Courts Distorting Accepted Risk Allocation Schemes? // University of Cincinnati Law Review. 2009. Vol. 78. P. 271.

⁵ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2018 г. № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

Учитывая рамки диссертации, рассмотрим особенности формирования стандартов доказывания по делам о привлечении к ответственности «за банкротство» и «в банкротстве» в виде санкции – компенсация вреда по правилам о субсидиарной ответственности (ст.ст. 61.11, 61.12 Закона).

Применительно к первому (ответственность за доведение до банкротства) заметим, что, как указано в п. 19 Постановления № 53, при доказанности обстоятельств, составляющих основания опровержимых презумпций доведения до банкротства, закрепленные в п. 2 ст. 61.11 Закона, предполагается, что именно поведение контролирующего лица явилось необходимой причиной объективного банкротства. Выделим в данном случае только одну презумпцию, основанную на совершении контролирующим лицом вредоносных сделок, причинивших *существенный* вред¹. *Применительно ко второму* (ответственность за неподачу заявления должника о банкротстве) также отмечаем презумпцию причинной связи между неподачей контролирующим лицом заявления о банкротстве и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, обязательства перед которыми возникли в период просрочки подачи заявления о банкротстве (п. 12 Постановления № 53).

Как в первом, так и во втором случае ответственность исключается в случае доказывания привлекаемым к ответственности лицом своей невиновности².

---

¹ В силу правил ст. 46 Закона об ООО, п. 2 ст. 61.2, ст. 78 Закона об АО причиненный сделками вред будет существенным, если их предметом были активы на сумму, эквивалентную не менее 20 процентов общей балансовой стоимости имущества должника. Вместе с тем, указанные ориентиры не являются категоричными: необходимо оценивать фактические обстоятельства спора. Так, например, суд пришел к выводу о том, что сделки на общую сумму 5 млн. руб., с учетом масштабов деятельности должника, не могли быть для него существенно убыточными, а относились к рядовым сделкам банка по кредитованию населения. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 25.12.2023 г. № 631-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2024. № 1 (Ч. 1). Ст. 12 (далее – Закон об АО); определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2021 г. № 305-ЭС17-7124(6) по делу № А41-90487/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

² Как отметил КС РФ, со ссылкой на правила п. 2 ст. 401 и п. 2 ст. 1064 ГК РФ, отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство или причинившим вред; аналогичный подход в отношении презумпции виновности использован законодателем и для привлечения к ответственности контролирующего лица в деле о банкротстве (см.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 07.02.2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пп. 1 п. 12 ст.61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

Поэтому для последующего исследования значимы стандарты доказывания: 1) при опровержении указанных презумпций причинной связи; 2) при доказывании контролирующим лицом своей невиновности в невозможности погасить требования кредиторов; 2.1) в том числе отсутствия превышения обычного хозяйственного риска¹.

Нами выдвигается тезис зависимости формирования данных стандартов доказывания от ряда *материальных, процессуальных и социально-психологических* факторов применительно к компетентному суду – банкротному суду и банкротному судье.

Говоря о материальных факторах, отметим, что любая банкротная ответственность – это всегда порожденный виновным деликтом сложный экономико-правовой «конфликт в конфликте», то есть штрафное отношение развивается на фоне уже нарушенных, как рассуждает В.Ф. Попондопуло, организационно-управленческих (между частными лицами и государством) или имущественных (гражданско-правовых) регулятивных отношений². Как отмечает С.А. Карелина, институт несостоятельности, *объективно* создающий условия для конфликта интересов в силу своей многосубъектности, «призван, с одной стороны, противостоять индивидуальным интересам отдельных лиц, а с другой стороны, обеспечить баланс интересов этих лиц, а также стабильность рынка в целом»³. По сути, «война всех против всех»¹ протекает

---

¹ В делах о привлечении к *банкротной ответственности* используются такие стандарты как «существенные косвенные доказательства», «достаточно серьезные сомнения», «достаточно серьезные доводы», «ясное и убедительное подтверждение факта», «согласующиеся между собой косвенные доказательства» (см.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2018 г. № 302-ЭС14-1472(4,5,7) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс», определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 г. № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

² См. подробнее: Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебное пособие. М., 2001. С. 30 – 34

³ См.: Карелина С.А. Указ. соч. С. 62. Этот вывод сделан ученым на основании детального анализа конфликта противостоящих полюсов интересов: очередных (реестровых) и текущих кредиторов; участников должника и кредиторов; публичных и частных интересов (Там же. С. 62 – 68). Конституционная практика также ориентирует нас на то, что в силу *зачастую диаметрально противоположных* интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, должен быть гарантирован баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства (см.: определение Конституционного суда Российской Федерации от 27.09.2018 г. № 2351-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного суда Российской Федерации от 19.12.2019 г. № 3464-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

на фоне апелляции «бойцов» к принципам очередности и соразмерности при *распределении* конкурсной массы.

Процессуально-правовые особенности – в придании банкротному суду и банкротному судье специфических правовых средств-активностей: управленческая роль² и широкое усмотрение суда.

Проявление *управленческой роли* – не столько процессуальное «руководство процессом»³, сколько администрирование процедур банкротства⁴, что определяет специфику статуса суда, не характерную для классического проявления публично-правовой либо частноправовой ответственности⁵. На практике это проявляется и во влиянии на определение предмета доказывания, и на правильную квалификацию правонарушения и т.д.⁶

¹ Это выражение использовано И.В. Фроловым для характеристики взаимоисключающих потребностей должника, кредиторов и кредиторов между собой (получение денежных средств, сохранение своей собственности, неотвратимость экономических потерь или разорении одного из участников) (см.: Фролов И.В. Саморегулирование в сфере банкротства как пример законодательной децентрализации сферы публичного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. С. 94 – 98).

² В целом, в доктрине признается, что многие полномочия суда носят в банкротстве управленческий характер. По мнению Е.Г. Дорохиной, банкротный суд обладает повышенной процессуальной активностью в процессах доказывания и вообще управления всеми процедурами банкротства; это является одним из основных элементов системы управления банкротством; в правопорядках США, Германии, Франции – аналогичная ситуация (См.: Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2009).

³ В смысле правил ст. 9 АПК РФ.

⁴ Например, установленные Законом полномочия по рассмотрению жалоб и разногласий в деле о банкротстве; контроль за деятельностью арбитражного управляющего, включая представление им отчетов суду и рассмотрение жалоб на управляющего; утверждение графика погашения задолженности, порядка и условий продажи имущества должника, плана погашения долгов должника-гражданина; отчета внешнего управляющего; вознаграждения арбитражному управляющему и т.д.

⁵ Так, государство является не стороной-участником в отношениях *частноправовой* ответственности, а лишь производным участником (в лице публичного органа), к которому участники апеллируют в целях защиты своих нарушенных прав. *Публично-правовая* ответственность всегда осуществляется путем *непосредственного* участия публичных органов, которые иницируют, реализуют охранительное отношение в целях пресечения правонарушений (см. подробнее: Кузьмин И.А. Специфика частноправовой ответственности // Lex russica. 2018. № 4. С. 37 – 52; Шубников Ю.Б., Андреева И.В. Указ. соч. С. 133 – 134). Правоотношение же банкротной ответственности, инициируемое отнюдь не судом, развивается, однако, с его активным участием.

⁶ Например, суд прямо оценивает *качество* участия в процессе о банкротной ответственности уполномоченного органа и арбитражного управляющего: отменяя судебные акты об отказе в привлечении контролирующего лица к ответственности, кассационный суд указывает, во-первых, на несправедливое и необъективное уклонение уполномоченного органа от доказывания, а заявителя-управляющего – от правильной квалификации содеянного; во-вторых, пишет, что «раскрываемые перед судом обстоятельства предполагали более широкую оценку условий и намерений в действиях привлекаемого к ответственности лица», что отказ в привлечении к ответственности «не в полной мере соответствует концепции роли суда в арбитражном процессе», а при новом рассмотрении дела «следует оценить указанные обстоятельства с точки зрения данной им квалификации законодателем, а не конкурсным управляющим» (см.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.08.2022 г. по делу

Вторая активность – *расширение усмотрения* банкротного суда – характеризуется сложной экономико-правовой природой спорных отношений. Презумпции вины и причинной связи сдвигают бремя доказывания обратного на привлекаемых к ответственности лиц. С другой стороны, преломление этих презумпций через судебные стандарты доказывания, как ни парадоксально, расширяет в нашем случае усмотрение суда¹, хотя презумпции призваны снижать уровень спорности.

Социально-психологический аспект обусловлен тем, что, как отмечает М.И. Клеандров, судья как продукт общества является носителем ценностей этого общества лишь постольку, поскольку «судья – прежде всего человек, а уж потом судья, и это не филологический изыск и не логическое утверждение, базирующееся на норме закона: судья – это человек, наделенный судебскими полномочиями»². Применительно к банкротному суду и банкротному судье, осуществляющим *квалификацию* банкротного правонарушения, мы выделяем влияние социально-психологического фактора на *стандарты доказывания* вопросов виновности, превышения обычного хозяйственного риска, причинной связи между поведением и вредными последствиями (убытками либо неплатежеспособностью).

Понимая под *ценностями* «желательные надситуативные различные цели, являющиеся руководящими принципами в жизни людей»³, которые выполняют функцию «паттернов мышления, чувств, действий...», называемых

№ А08-7322/2019, а также постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.02.2022 г. по делу № А46-7933/2017, где прямо указано на принцип активной процессуальной роли суда, недопустимость формального подхода, на судебный контроль за процессуальными действиями контролирующего лица в целях защиты публичных интересов (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.08.2022 г. № Ф10-3086/2022 по делу № А08-7322/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.02.2022 г. №Ф04-717/2018 по делу № А46-7933/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

¹ Поэтому следует признать обоснованным мнение В.К. Езюкова о том, что вменение суду в деле о банкротстве обязанности установления границы между предпринимательским риском и недобросовестным поведением усиливает дискрецию суда (см.: Езюков В.К. Правило защиты делового решения (business judgment rule): особенности применения при банкротстве юридического лица // Право и экономика. 2022. № 5. С. 30 – 35).

² Клеандров М.И. Судья: прежде всего человек, а потом функция? Или наоборот? // Российский судья. 2011. № 7. С. 42 - 46.

³ Это понятие ценностей дано профессором психологии Иерусалимского университета Ш. Шварцем (приводится по: Шатене К. Психология ценностей. Харьков, 2021. С. 14).

программным обеспечением мышления»¹, обозначим степень выраженности в российском обществе ценностей, коррелирующих с суждениями судьи, как носителя этих ценностей, по вопросам факта и права.

Согласно данным Всемирного исследования ценностей Р. Инглхарта 2020 года², ценности *самовыражения*³ в России ниже, чем в странах Западной Европы, Латинской Америки, в англоязычных странах, Китае, Южной Азии и в большинстве стран Африки и исламского мира. Исследования по методу Г. Хофстеда⁴ выявили в России самые высокие, по сравнению с рядом стран⁵, степени *дистанции к власти*⁶ и *избегания неопределенности*⁷.

С учетом методологии этих исследований и выявленных закономерностей, А.А. Аузан делает вывод, что, во-первых, наилучшие экономические показатели соответствуют высоким ценностям *самовыражения*; во-вторых, чем выше *дистанция власти*, тем меньше принятие в обществе инноваций и предпринимательства; в-третьих, при высокой *степени неопределенности* невозможно заниматься венчурной экономикой: данная ценностная установка отрицает риск; в экономике это приводит к невозможности инновационного развития⁸.

Этот *макро-уровень* ценностей любого судьи «вплетен» в основные подструктуры судейской деятельности, каковыми являются когнитивная

---

¹ См.: Латова Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основании концепции Г. Хофстеда) // Вестник института социологии. 2016. №4 (19) С. 159.

² URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения 28.01.2024 г.).

³ Ими являются социальные потребности, самооценка, самореализация, которые возникают после удовлетворения базовых потребностей (физиологических, безопасности и т.д.) (см. Шатене К. Указ. соч. С.72).

⁴ Аузан А.А. Культурные коды экономики. М., 2022. С. 54 - 55.

⁵ К данным странам относятся: Германия, Франция, Швеция, Китай, Южная Корея, Япония.

⁶ Характеризует, насколько люди готовы принимать неравномерность распределения власти и как они эту власть воспринимают: как сакральную ценность или как делового партнера (см. Латова Н.В. Указ. соч. С.160).

⁷ Показывает, насколько люди проявляют нетерпимость к неясным ситуациям и рискам, пытаясь уклониться от них через выработку четких и «оправданных» нормативных правил и отказываясь терпеть девиантное поведение. При высокой степени избегания неопределенности люди, снимая беспокойство, ориентируются на строгое соблюдение культурных и законодательных правил. Для них также характерна низкая толерантность к отличающимся идеям или поведению, непринятие риска (см. Латова Н.В. Указ. соч. С. 161).

⁸ См.: Аузан А.А. Указ. соч. С. 39, 53 - 55.

(познавательльно-прогностическая), коммуникативная, организационно-управленческая¹.

Применительно к разрешению вопросов *банкротной ответственности*, то есть на *микро-уровне*, эти три подструктуры характеризуются спецификой: особая экономико-правовая сложность, повышенная конфликтность, специфические судебные *активности* (включая функции управления). Отсюда – насыщенность осуществления правосудия так называемыми «судебными стрессами»².

Обозначенные *макро-* и *микро-* уровни социально-психологического влияния на деятельность банкротного суда и банкротного судьи коррелируют с доктринальным пониманием *профессионального правосознания*, под которым С.С. Алексеев понимал представление специалистов о праве, формирующееся на основании мировоззренческой идеологии, юридических знаний и конкретной юридической практики, на основании которых рождается понимание специального юридического содержания³.

Проведенные по специальным методикам⁴ психологические исследования групп юристов⁵ выявили корреляцию между уровнями профессионального стресса и базисным убеждением в ценности своего «Я»: чем выше первый

¹ См.: пункт 4 Методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи. См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2009 г. № 44 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» (с изм. и доп. от от 06.12.2018 г. № 293) // Документ опубликован не был; Бюллетень актов по судебной системе. № 2. 2019. СПС «КонсультантПлюс».

² Этот стресс, выделяемый с учетом особенности деятельности судей, признается разновидностью профессионального стресса, под которым понимается многообразный феномен, выражающийся в психофизических реакциях на напряженные ситуации в трудовой деятельности (см. подробнее Мереуце И.Е., Ротару Г.С. Психосоматическая заболеваемость судей как следствие «судебного» стресса // Администратор суда. 2009. № 3. С. 29 – 30).

³ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 149. Отмечая, что различные профессиональные группы правоведов по-разному воспринимают юридическую действительность, Л.И. Спиридонов писал, что «столь пестрое многообразие правосознаний объясняется тем, что, казалось бы, единый теоретический взгляд на право преломляется через функционально различные виды практической деятельности» (Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1995. С. 126).

⁴ Методика Р. Янофф-Бульман, позволяющая выделить степени основных базовых убеждений личности: убеждение в добросклонности мира, его осмысленности, в ценности собственного «Я» (Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал, 2008. № 4); методика Т. Холмса и Р. Раге по определению насыщенности жизни стрессами по шкале самооценки актуального уровня стресса (URL: <https://psyttests.org/psystate/holmesrahe-run.html?ysclid=lawtnx8az6889265618> (дата обращения: 25.11.2022 г.)).

⁵ К сожалению, результаты исследований фокус-групп судей различной специализации нами не обнаружены.

показатель, тем ниже второй¹. Интерпретация сводится к тому, что такие люди, во-первых, толкуют происходящее вокруг негативно; во-вторых, считают, что предотвращение несчастья и увеличения вероятности благоприятного исхода всегда *зависит от приложенных усилий*².

Анализ приведенных результатов влияния социально-психологических факторов на личность судьи на микро- и макро- уровнях выявляет корреляцию суждения *о зависимости результата от вложенных усилий* с высокой степенью *избегания неопределенности*. Кроме того, констатируем два взаимодополняющих и непротиворечивых факта: 1) чем выше уровень профессионального стресса юриста, тем сильнее убеждение в возможности предотвратить любой вредный результат; 2) в российском обществе относительно высока степень неприятия риска и предпринимательства.

Полагаем, что такие установки судьи могут приводить к формированию у него *повышенного*, для контролирующего лица стандарта доказывания их невиновности в невозможности погашения требований кредиторов; *пониженного* для управомоченного лица стандарта доказывания противоправности, причинной связи между действиями ответчика и причинением вреда. Суд, находясь под двухуровневым влиянием социально-психологических факторов, в ходе квалификации *банкротного правонарушения* в некоторой степени нивелирует фактор предпринимательского риска (случайности) в силу убеждения об объективно существующей у «нарушителей» возможности предотвратить вред³. Поэтому к своему «решающему выводу»⁴ о необходимости привлечения к *банкротной*

---

¹ См.: Антиперович Е.Г. Влияние специфики профессиональной деятельности на базовую убежденность в ценности «я» личности юриста // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. №2. С. 209 – 211.

² См. подробнее: Лифшиц М.В. Взаимосвязь базовых убеждений, насыщенности жизни стрессом и психологического благополучия // Человеческий капитал. 2019. № 10. С. 128 – 129.

³ См. подробнее: Тарасенко А.А. Ответственность участников правоотношений несостоятельности: материальные, процессуальные и социально-психологические аспекты определения компетентного суда // Право и экономика. 2023. № 2. С. 11 - 17; № 3. С. 31 – 38

⁴ Понятие «решающего вывода» советский ученый-процессуалист М.А. Гурвич рассматривал как следствие оценки фактических материалов дела, имеющихся у суда (см.: Гурвич М.А. Судебное решение. М., 1976. С. 81).

ответственности судья приходит, используя соответствующий стандарт доказывания¹.

В настоящее время ВС РФ выработана категория *априорной вероятности*, под которой понимается сложившееся у судьи еще до представления доказательств его субъективное представление о правдоподобности или ложности того или иного факта². Исследователи отмечают, что начальный уровень априорной критичности суда очень важен, поскольку «чем менее априорно вероятно доказываемое обстоятельство, тем более убедительные доказательства должны приводиться для того, чтобы интуитивно ощущаемый судьей стандарт доказывания был соблюден»³.

Следовательно, по делам о привлечении к банкротной ответственности у компетентного суда в силу материальных, процессуальных и социально-психологических факторов, *имманентно* присутствует высокая априорная вероятность правдоподобности наличия причинной связи между поведением привлекаемого к ответственности лица и вредными последствиями, а также его виновности⁴. Изложенное определяет специфику применения пониженных стандартов доказывания наличия признаков банкротных правонарушений, приобретающих обвинительный уклон для привлекаемого к ответственности лица. Для этого лица правовой режим регулирования характеризуется как неблагоприятный.

Поэтому для повышения качества правосудия регламентация стандартов доказывания как значимого процессуально-правового средства должна

---

¹ В связи с этим прав А.Г. Карапетов, утверждающий, что «каждый суд с учетом конкретной культуры, категорий споров и иных обстоятельств устанавливает чисто интуитивно допустимую степень сомнений, которые можно игнорировать. Это происходит и в Англии или США, и на Континенте» (см.: Карапетов А.Г. И вновь о стандартах доказывания. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/25/i_vnov_o_standartah_dokazyvaniya (дата обращения: 02.02.2024). См. подробнее: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Указ. соч. С. 3 - 96.

² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2019 г. № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018 // Документ не опубликован. СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда РФ от 28.08.2019 г. № 305-ЭС18-11724(6) по делу № А41-36831/2012 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Указ. соч. Абз. 173.

⁴ Поэтому банкротный суд и банкротного судью (компетентный суд) в данном случае можно рассматривать как средство *правовой политики*. Получается, что особенности правовой политики могут зависеть от выбора компетентного суда.

осуществляться с особенностями: а) на уровне Закона – определение понятия стандартов и их видов (установление нормативного стандарта); б) на уровне нормативных разъяснений ВС РФ – констатация существования соответствующей априорной вероятности.

§ 3.2 ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПО КОРПОРАТИВНЫМ ОСНОВАНИЯМ КАК ПРАВОВОЙ СПОСОБ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В соответствии со ст. 61.20 Закона о банкротстве определяет, что требования о возмещении убытков, причиненных должнику по корпоративным основаниям, подлежат рассмотрению банкротным судом либо банкротным судьей (компетентным судом). В п. 68 Постановления № 53 разъяснено, что речь идет о причиненных должнику убытках по *корпоративным* основаниям¹.

Интересно, что наряду с таким бланкетным регулированием, в п. 1 ст. 61.20 Закона, однако, приведены диспозиция и санкция применительно к неправомерному поведению: ответственность наступает за причинение убытков лицами, определяющими действия юридического лица или лицами, имеющими фактическую возможность определять действия юридического лица. Полагаем, что это свидетельствует о стремлении законодателя придать данному виду ответственности некую автономность от ГК РФ.

Заметим, что в случае причинения корпоративных убытков несостоятельность не относится ни к вредным последствиям правонарушения (ответственность «за банкротство»), ни к обстоятельствам его совершения (ответственность «в банкротстве»). Однако анализ практики применения Закона все же позволяет указать на особенности привлечения к данному виду частноправовой ответственности (в порядке ст. 61.20), в отличие от

---

¹ В частности, положения ст. 53.1 ГК РФ, ст. 44 Закона об ООО, ст. 71 Закона об АО.

рассмотрения аналогичного вопроса в условиях платежеспособности корпорации.

Не вдаваясь в дискуссию о договорной либо внедоговорной природе причиненного при осуществлении корпоративных полномочий вреда¹, отметим, что доктрина и судебная практика относят соответствующие правоотношения к деликтным обязательствам². По меткому выражению С.А.Синицына о характере корпоративных отношений, «именно полномочия директора и ожидаемые формы их реализации в его управленческой деятельности, а равно и критерии определения ненадлежащего... управления препятствуют отнесению правоотношений между ним и корпорацией к числу... договорных»³.

Первое отличие – в определении *объекта правовой охраны*.

С одной стороны, как указано в п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, лица, уполномоченные выступать от имени юридического лица и (или) имеющее фактическую возможность определять действия этого лица, должны действовать в интересах этого лица добросовестно и разумно; они несут ответственность за убытки, причиненные по их вине юридическому лицу. Изложенное согласуется с утверждением о том, что управление любой корпорацией является в принципе одним из видов деятельности в пользу чужого интереса⁴ и относится к *фидуциарным*⁵ обязанностям. Заметим, что

---

¹ О.В. Гутников, например, под корпоративной ответственностью понимает ответственность за нарушение корпоративных обязанностей, которая отличается как от договорной, так и от деликтной ответственности; является специальным видом ответственности гражданской // Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019. 488 с. Абз. 2335.

² См. подробнее: Алейникова В.В. Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М.: Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, 2018. 267 с.

³ Синицын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54 - 68. На абсолютный характер нарушенных корпоративных прав указывает и Н.А. Кирилова в контексте необходимости обеспечения более эффективной защиты конкурсных кредиторов при привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности (см.: Кирилова Н.А. Правовая природа субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц при банкротстве юридического лица // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография. М., 2022. 312 с. Абз. 795).

⁴ См.: Дедов Д.И. Конфликт интересов. М., 2004. С. 93.

⁵ Ключевыми признаками фидуциарных отношений для корпоративного права являются, по мнению В.В. Агламазовой, наличие корпоративного контроля и обязанности действовать в чужих интересах (в интересах корпорации). См., например: Агламазова В.В. Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в

при решении вопроса о конкуренции интересов приоритет отдается интересам корпорации, а не участников (абз. 9 п. 2 Постановления № 62¹).

С другой стороны, применительно к *банкротному правонарушению*, обусловленному несостоятельностью, Закон говорит о причинении вреда не должнику, а кредиторам². Поэтому, применительно к ответственности в рамках ст. 61.20 Закона о банкротстве, интересы должника и интересы кредиторов взаимообусловлены как причина и следствие: причинение убытков имущественной массе должника причиняет и вред кредиторам. Изложенное подтверждается высказанным в доктрине мнением о том, что обычная корпоративная ответственность перед корпорацией в условиях ее банкротства «трансформируется» в ответственность перед кредиторами³.

Этот подход подтверждается судебной практикой. В частности, «процедуры банкротства не могут иметь целью исключительно разрешение корпоративного конфликта, а должны быть направлены, прежде всего, на удовлетворение требований независимых кредиторов»⁴, защита законных интересов которых в отношениях с должником-банкротом «относится к одной из важных функций правосудия, являющейся элементом публичного порядка государства»⁵.

Такое определение объекта правовой охраны влечет вторую особенность ответственности в порядке ст. 61.20 Закона о банкротстве – определение

России и за рубежом». 2012. № 1. С. 23 – 29. С этим мнением солидарен О.В. Гутников (см.: Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6. С. 25 – 29).

¹ Здесь и далее - Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс». Так, суды должны учитывать, что основной целью коммерческой организации является извлечение прибыли; директор не может быть признан действовавшим в интересах юридического лица, если он действовал в интересах участников, но в ущерб корпорации.

² Причем как в ст. 61.11 (п. 1, ч. 1 п. 2), так и в ст. 61.20 Закона (в ее п. 4 указано на взыскание кредитором «в свою пользу» причиненных должнику убытков).

³ См.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019. 488 с. Абз. 4261.

⁴ См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.12.2022 г. № Ф10-4816/2020 по делу № А48-11873/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: п. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 1. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. Ноябрь. 2016 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. Декабрь. 2016 (окончание). СПС «КонсультантПлюс».

субъекта ответственности. Так, доктрина и судебная практика единодушны относительно признания *открытости* оснований контроля по Закону:

- в Законе действительно имеется перечень примеров оснований контроля¹, однако «на основании каких именно юридических фактов осуществлялся контроль правового значения не имеет»², поскольку иначе перечень «перестал бы исполнять имеющееся у этого института предназначение), фактический контроль определяется судом в каждом конкретном деле»³;

- фактический контроль возможен вне зависимости от формальных признаков аффилированности (через родство или свойство с менеджментом, участие в капитале либо в управлении и т.п.); важно установить степень вовлеченности лица в процесс управления должником, проверяя, насколько *значительным* было его влияние на принятие существенных деловых решений в хозяйственной деятельности должника (п. 3 Постановления № 53).

Наряду с указанным допущением расширительного толкования оснований контроля, для признания лица контролирующим, законодатель использует *презумпции контроля*, которые, представляется, удачно именованы Д.О. Османовой в качестве «презумпций контролирующего выгодоприобретателя»⁴: *презумпция № 1* – если лицо является руководителем (в том числе ликвидатором) должника, его управляющей компании или членом его исполнительного органа должника (в том числе членом ликвидационной комиссии; *презумпция № 2* – если лицо (в том числе совместно с заинтересованными с ним) вправе распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций (долей уставного капитала)⁵;

---

¹ Например, в силу нахождения с должником либо его контролирующим лицом в родстве, в силу должностного положения, при возможности принуждения (см.: п. 2 ст. 61.10 Закона).

² Субачев А.К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 99 - 114.

³ Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М., 2022. 316 с. Абз. 2707.

⁴ См.: Османова Д.О. Привлечение к субсидиарной ответственности нетипичных субъектов // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Отв. ред. В.М. Жуйков. М., 2021. Выпуск 28. 200 с. Абз. 1012.

⁵ Судебное толкование указанной нормы следует признать расширительным: если руководитель должника является управляющей компанией, то ее директор относится к контролирующему лицу; если лица являются взаимосвязанными с мажоритарным участником, то они также являются контролирующими (п.п. 5 и 6 Постановления № 53).

презумпция № 3 – если лицо извлекало выгоду¹ из незаконного или недобросовестного поведения лиц, которые уполномочены выступать от его имени (ст. 53.1 ГК РФ).

Вопрос о распространении обозначенных выше признаков контролирующего лица на споры о корпоративных убытках в порядке ст. 61.20, решается по-разному. По мнению Д.И. Степанова, такое широкое понимание фактического контроля неправильно переносить из банкротном процесса на корпоративное право в силу консервативности последнего², И.С. Шиткина же указывает на необходимость более широких оснований контроля ввиду защиты не только частных, но и публично-правовых интересов³.

Полагаем, что, вопрос о статусе лица как контролирующего при взыскании убытков в порядке ст. 61.20 Закона о банкротстве, формально находясь в поле регулирования обычной корпоративной ответственности, все же разрешается в основном с публичных политико-правовых позиций – в «поле напряженности»: 1) с применением «банкротных» оснований контроля и презумпций статуса контролирующего лица⁴; 2) при использовании, как пишет И.С. Шиткина, более низкого стандарта доказывания для признания лица контролирующим – в целях облегчения доказывания в условиях ограниченности возможностей кредиторов в банкротном процессе⁵.

---

¹ Например, такое «недобросовестное извлечение выгоды» может проявляться в ситуации, когда банкротство вызвано действиями лица, заключающимися в организации деятельности корпоративной группы таким образом, что на должника возлагаются *исключительно убытки*, а другие участники группы получают прибыль. В этом случае это контролирующее лицо несет субсидиарную ответственность по долгам должника-банкрота (см.: п. 12 Обзора судебной практики ВС РФ № 4. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май. 2021; СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Верещагин А., Румак В. Принцип ограниченной ответственности у нас фактически упразднен // Интервью с Д.И. Степановым // Закон. 2020. № 11. С. 8 - 19. Абз. 90.

³ Шиткина И.С. Указ. соч. Абз. 2717. Автор отмечает, что процедуры банкротства не могут иметь целью исключительно разрешение корпоративного конфликта, а должны быть направлены, в первую очередь, на удовлетворение требований независимых кредиторов.

⁴ Так, в рамках указанной выше презумпции № 3 «контролирующего выгодоприобретателя», признаки контроля в корпоративных отношениях непосредственно соотносятся с институтом контролирующего лица в банкротстве (п. 3 Постановления № 53).

⁵ См. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114 - 133. Абз. 65. Автор также отмечает, что при взыскании убытков не в рамках банкротного процесса, спор является внутренним (ни публичные интересы, ни интересы кредиторов не затрагиваются), в связи с чем стандарт доказывания более строгий (там же). В параграфе 1 главы 3 показано, что *банкротный суд* и *банкротный судья* в силу объективных материальных, процессуальных и социально-психологических

В качестве третьей особенности укажем на особенность определения *объективной стороны* содеянного применительно к юридически значимой причинной связи.

Согласно правовой позиции КС РФ при решении вопроса о наличии причинной связи между противоправным поведением и вредными последствиями, «причинение вреда (ущерба), признаки которого *оговорены нормами права* или из них вытекают применительно к отдельным категориям правоотношений» не обязательно обусловлено непосредственно предшествующими им деяниями, наступление вреда может быть связано и с иными обстоятельствами, которые были его причиной¹. *Юридически значимая причинная связь*, пишет В.С. Михайлов, это «нормативная категория, устанавливающая пределы ответственности путем определения допустимости вменения лицу последствий, находящихся в *условной связи* с его поведением»².

Развивая данную позицию ВС РФ указал, что контролирующее лицо подлежит привлечению именно к субсидиарной ответственности и в том случае, когда уже *после* наступления объективного банкротства оно совершило действия (бездействие), существенно ухудшившие финансовое положение должника, то есть создало условия для дальнейшего роста диспропорции между стоимостью активов должника и размером его обязательств³.

факторов занижают стандарты доказывания при рассмотрении требований в интересах конкурсной массы и завышают их по отношению к контролирующему лицу.

¹ См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // СЗ РФ. 2020. № 28. Ст. 4498. СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Михайлов В.С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82 - 144. Абз. 804.

³ См.: п. 17 Постановления № 53. Логика ВС РФ во введении презумпции: из-за такого поведения окончательно утрачивается возможность осуществления в отношении должника реабилитационных мероприятий и возможность реального погашения всех долговых обязательств в будущем.

Поэтому мы можем утверждать о применении в отношении ответчика по корпоративному требованию о взыскании убытков элементов объективного вменения на основании конструкции юридически значимой причинной связи.

В качестве четвертой материально-правовой особенности укажем на особенности определения момента начала течения исковой давности. Так, при рассмотрении требования о взыскании корпоративных убытков в общеисковом порядке срок начинает течь по общему правилу – с момента появления у независимого менеджмента (независимого лица) реальной возможности узнать о нарушении (п. 10 Постановления № 62).

Однако при рассмотрении этих требований в порядке ст. 61.20 Закона о банкротстве приобретает значение не только субъективный, но и объективный фактор: как и при субсидиарной ответственности¹, момент обнаружения правонарушения, как правило, приобретает институциональный характер – не ранее принятия соответствующего судебного акта (введение процедуры, возврат заявления о признании банкротом).

Как указано в абз. 2 п. 68 Постановления № 53 срок исковой давности исчисляется с момента появления независимого менеджмента, а таковым на практике и признается назначенный судом арбитражный управляющий, назначенный судом после введения процедуры банкротства. Суды обычно ссылаются на такие порочащие независимость директора признаки: номинальность, назначение цепочки директором одним мажоритарием, уклонение от получения исчерпывающей информации от бывшего директора и т.д.²

---

¹ Согласно абз. 2 п. 59 Постановления № 53 срок исковой давности не может начаться ранее возникновения права на подачу в суд заявления по правилам главы III.2, то есть не ранее введения первой процедуры банкротства, либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом, либо прекращения производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого п. 1 ст. 57 (ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур) на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом.

² См. подробнее: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.09.2020 г. № Ф04-2995/2020 по делу № А46-3813/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.12.2021 г. № Ф06-25871/2017 по делу № А72-11679/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

По существу, суды учитывают высокую априорную вероятность взаимосвязанности руководителей одного должника.

Такие особенности правового режима регулирования защиты прав кредиторов при взыскании корпоративных убытков в деле о банкротстве обеспечиваются процессуально-правовыми средствами, формирующими льготный правовой режим для управомоченных лиц:

а) специфическая активность компетентного суда, выраженная в том, что он сам обязан определить какие нормы подлежат применению (о возмещении убытков либо о привлечении к субсидиарной ответственности) с учетом того, насколько существенным было негативное воздействие контролирующего лица на деятельность должника¹;

б) распространение на соответствующие требования правил о косвенных групповых исках, предъявляемым управомоченным лицом *в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов*². Так, суд указал, что допускается совместное рассмотрение требований о взыскании корпоративных убытков с контролирующего лица и убытков с арбитражного управляющего, поскольку заявивший их конкурсный кредитор действует *в интересах конкурсной массы*; указанные требования, как и требования о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, представляют собой косвенный иск, заявляемый *в интересах конкурсной массы*; материально-правовые интересы сообщества кредиторов в данном случае противопоставляются интересам ответчиков³.

Изложенное формирует неблагоприятный правовой режим для привлекаемого к ответственности: применение «банкротных» критериев оснований контроля и презумпций статуса контролирующего лица, элементы объективного вменения, поздний момент начала течения сроков исковой

---

¹ См.: п. 20 Постановления № 53.

² Такой порядок рассмотрения предполагает невозможность отказа от заявленных требований инициировавшего процесс лица без учета мнения остальных заинтересованных лиц.

³ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.12.2020 г. № Ф09-10874/16 по делу № А07-11092/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

давности, установление процессуальных преимуществ для управомоченного лица.

Наше суждение подтверждается эмпирическими данными – показателями судебной статистики: казалось бы, «одинаковая», с точки зрения подходов пункта 68 Постановления № 53 (вне зависимости от факта неплатежеспособности должника), категория споров о взыскании *убытков по корпоративным основаниям*, рассматривается банкротным судом со стабильно более высокой результативностью, чем обычным арбитражным судом. Так, в связи с *банкротной ответственностью*¹ и *вне всякой связи с несостоятельностью*², соотношение процентов удовлетворенных требований о взыскании указанных убытков составило, соответственно: 58/48 (2018 год), 57/38 (2019 год), 61/34 (2020 год), 60/33 (2021 год), 58/41 (2022 год)³.

Таким образом, рассмотрение компетентным судом вопроса о взыскании корпоративных убытков *в условиях несостоятельности* корпорации характеризуется особой направленностью правовых и процессуально-правовых средств на обеспечение интересов кредиторов, защита которых рассматривается как элемент публичного порядка. Это формирует более жесткий зарегулированный правовой режим для привлекаемого к ответственности лица, по сравнению с ответчиком по требованию о взыскании корпоративных убытков при платежеспособности корпорации.

§ 3.3 СТАДИЯ РЕАЛИЗАЦИИ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Реализация наказания, указывает Б.Т. Базылев, есть то, ради чего правоотношение ответственности возникает и существует., ибо «в стадии

---

¹ Сведения из графы «О взыскании убытков с органов управления должника» отчетов арбитражных судов России о рассмотрении дел о банкротстве (за соответствующие годы).

² Сведения из графы «По искам участников юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу» общих отчетов арбитражных судов России (за соответствующие годы).

³ См.: официальные данные судебной статистики арбитражных судов РФ с сайта Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.02.2024 г.).

реализации юридическая ответственность материализуется»¹. Очевидна и связь категории реализации права с механизмом правового регулирования: «согласно классической теории механизма осуществления и защиты гражданских прав, сформулированной в цивилистике, основы гарантированного осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей должны составлять механизмы их непосредственной реализации»².

В теории частноправовой и публично-правовой ответственности наблюдается единодушие относительно моментов начала и окончания стадии реализации правоотношения ответственности: соответственно, вступление в законную силу правоприменительного акта и полная реализация меры ответственности³. Этот подход воспринят применительно к ответственности в сфере несостоятельности: рассуждая в контексте стадий ответственности, С.А. Карелина замечает, что после признания несостоятельного должника банкротом и открытия конкурсного производства имеет место переход к стадии реализации его юридической ответственности⁴.

На стадии реализации ответственности ключевым аспектом становится изменение статуса правонарушителя. По справедливому мнению М.Д. Шиндяпиной, «реализация воплощается в фактических действиях сторон правоотношения по претерпеванию правонарушителем неблагоприятных последствий совершенного противоправного деяния»⁵. Ряд авторов в связи с этим утверждают, что содержание стадии реализации юридической ответственности характеризуется наличием *специального правового статуса* нарушителя⁶. Другое мнение сводится к тому, что этот статус приобретает не на стадии реализации,

---

¹ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. С. 95. Собственно, в этом и состоит онтологическая сущность ответственности, ибо «обязанность претерпевать негативные последствия за нарушения прав других лиц сформировалась одновременно с самим человеком и человеческим обществом» (Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М., 1974. С. 35)

² Вавилин Е.В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012. С. 113.

³ См. подробнее: Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 145; Кирсанова А.В. Указ. соч. С. 167.

⁴ Карелина С.А. Указ. соч. Абз. 1482.

⁵ Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 145.

⁶ См., например, Витрук Н.В. Указ. соч. Абз. 2009.

но на стадии возникновения ответственности, когда у нарушителя появляется общая обязанность быть подвергнутым санкциям¹.

Первая точка зрения представляется нам более точной, поскольку *общий правовой статус* – некий общий атрибут, имманентно присущий субъекту права на всех стадиях правоотношения ответственности². С точки зрения Р.П. Мананковой, самостоятельность же (особенность) статуса определяется степенью конкретности и специфики прав и обязанностей, дополняющих и (или) ограничивающих общий правовой статус, а также особенностями выполняемой социальной роли³.

Следовательно, специальный правовой статус – категория самостоятельная и, одновременно, взаимообусловленная с общим правовым статусом. Изложенное позволяет нам согласиться с общетеоретическим определением *специального правового статуса* в качестве законодательно закрепленной совокупности прав и законных интересов, обязанностей субъекта права, характеризующей его стабильную и особую социальную роль⁴.

Поэтому, учитывая, что именно вид и мера ответственности, будучи легализованными в правоприменительном акте, становятся содержанием конкретной реальной субъективной охранительной обязанности, мы считаем, что специальный правовой статус правонарушителя *реализуется* именно на стадии *реализации его ответственности*⁵.

Нами поддерживается предложенная М.Д. Шиндяпиной концепция *стадий проявления* специального правового статуса, соответствующая стадиям развития правоотношения ответственности: на стадии *возникновения* ответственности статус лишь возникает; на стадии *конкретизации* ответственности – статус

¹ См.: Крохина Ю.А. Ответственность за нарушение налогового законодательства: понятие, стадии и механизм реализации // Хозяйство и право. 2003. № 5. С. 102 -111.

² Так, вне зависимости от стадии банкротной ответственности, контролирующее лицо (например, коммерческая организация), обладает общей правосубъектностью.

³ См.: Мананкова Р.П. О понятии специального правового статуса (модуса) // Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1982. С. 34.

⁴ См.: Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 148.

⁵ В схожем ключе высказывается Н.В. Витрук: стадия реализации ответственности характеризуется специальным правовым статусом нарушителя, который определяется с учетом видов и меры наказания (см.: Витрук Н.В. Указ. соч. Абз. 2010).

уточняется, как правило, в рамках процессуальной формы как способа познания материально-правового статуса; на стадии *реализации* ответственности реализуется и специальный правовой статус правонарушителя; ограничения общего правового статуса, воплотившись в волевом поведении нарушителя, прекращаются с реализацией наказания¹.

Особенности специального правового статуса в правоотношении банкротной ответственности видятся нам, прежде всего, в негативной экономико-социальной роли правонарушителя в сфере несостоятельности. Соглашаясь, что банкротство является атрибутом рыночной экономики, С.А. Карелина отмечает, что оно может поразить как отдельное хозяйство, так и в целом общество, поскольку негативные последствия порождают значительные социальные издержки, нарушают имущественные интересы не только должника, но и большого круга иных лиц (его работников, кредиторов, партнеров)².

Вторая особенность – сочетание имущественных и неимущественных ограничений прав и обязанностей³, степень которых обусловлена характером банкротных правонарушений.

Однако важнейшей особенностью является то, что *специальный правовой статус правонарушителя в правоотношении банкротной ответственности*:

- обусловлен охранительными отношениями реализации ответственности самого должника в процедурах конкурсного процесса;
- имеет двойственный характер, применительно к реализации *суб-* и *пост-*охранительных отношений;
- формируется в своем развитии предусмотренными Законом мерами ограничительного характера – не столько мерами ответственности, сколько

---

¹ См.: Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 154 – 156.

² Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М., 2019. 664 с.

³ Так, компенсация убытков, реализация субсидиарной ответственности (ст.ст. 61.11, 61.20 Закона) означают ограничение свободного распоряжения своим имуществом, а отстранение арбитражного управляющего (ст. 20.4) сводится к ограничению конституционного права выбора рода деятельности (ст. 37 Конституции РФ).

мерами защиты¹, которые, «работая» уже на стадиях возникновения и конкретизации банкротной ответственности, обуславливают действенность реализации в будущем мер этой ответственности²;

- проходит свои стадии возникновения, конкретизации и реализации вместе с соответствующими стадиями правоотношения банкротной ответственности.

Для защиты этих тезисов рассмотрим развитие специальных правовых статусов в динамике охранительных, суб- и пост- охранительных отношений.

Соотношение категорий «реализация ответственности должника», «несостоятельность должника» и «юридическая ответственность» разрешается учеными по-разному. По мнению А.Б. Агеева, констатация признаков банкротства должника означает реализацию меры ответственности, а сам институт – это явление конкретизации и реализации юридической ответственности³. Н.И. Клейн считает, что принудительное прекращение должника является максимальной негативной реализацией его предпринимательского риска и высшей степенью ответственности субъекта предпринимательства – прекращение существования⁴.

Считаем, что в контексте ответственности самого несостоятельного должника, противоправность свойственна не самой по себе несостоятельности, но нарушению первоначального регулятивного обязательства; несостоятельность – лишь условная конструкция рискованной «квазиответственности» должника используемая нами для корреляции с экономическим содержанием субохранительных «за банкротство» и постохранительных «в банкротстве» отношений банкротной ответственности⁵. Отсутствие же элемента

---

¹ Понятие *мер защиты*, как мер ограничительного характера, обладающих преимущественно обеспечительно-восстановительной природой, рассмотрены нами в параграфе 1 главы 1 диссертации.

² Как отмечает М.Д. Шиндяпина, меры защиты, по сути, являются первичными правоохранительными средствами, которые могут предупредить нарушение (см.: Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. М., 1998. С. 20 – 21).

³ Агеев А.Б. Законодательство о банкротстве: защита интересов должника // Законодательство. 2000. № 3. С. 57 – 61. Он же отмечает, что охранительный аспект банкротного правоотношения является мерой юридической ответственности, а ликвидация должника – это способ ее реализации (см.: Агеев А.Б. Банкротство в гражданском праве. Проблемы теории: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 37).

⁴ Предпринимательское право: Курс лекций: Учебник / Под ред. Н.И. Клейн. М.: Юридическая литература, 1993. С. 77.

⁵ См. главу 1 диссертации.

противоправности исключает рассмотрение и несостоятельности как вида или меры ответственности должника.

Во-вторых, присутствие «дополнительности» возлагаемого на должника бремени в виде экстраординарной ликвидации, а также возможность отнесения к мерам ответственности негативных неимущественных последствий вовсе не свидетельствуют о том, что эта ликвидация является самостоятельной мерой ответственности. Неимущественные меры воздействия по отношению к должнику в конкурсном процессе имеют характер обеспечительный или превентивный, иногда восстановительный, что обусловлено экономическим содержанием и генеральной имущественной природой этой категории ответственности. Действительно, в случае исчерпания возможностей удовлетворения требований кредиторов в процедуре конкурсного производства, сама по себе пустая юридическая оболочка должника совсем «не замечается» в экономической ипостаси ответственности, а может быть интересна только в юридической. По существу ликвидация является символическим «последним гвоздем», ставившим точку в юридической жизни должника¹.

Поэтому несостоятельность является лишь *формой реализации юридической ответственности должника*; признание банкротом означает не только прекращение предпринимательской деятельности, но и завершение существования субъекта такой деятельности: в силу правил статьи 65 ГК РФ признание юридического лица банкротом влечет его ликвидацию².

---

¹ Это, однако, не означает прекращение механизма реализации банкротной ответственности. Так, согласно п. 6 ст. 61.14, п. 6 ст. 61.19 Закона, заявление о привлечении к субсидиарной ответственности может быть предъявлено к контролирующему лицу и после исключения должника из Единого государственного реестра юридических лиц.

² По выражению П.П. Герасимова, содержание предпринимательства в экономическом смысле включает в себя волевой фактор как способность оригинально соединять факторы воспроизводства на рискованной основе; экономический фактор как извлечение прибыли; организационно-управленческий фактор как организацию процесса воспроизводства (см.: Герасимов П.П. К вопросу об экономической сущности и содержании предпринимательства // Альманах современной науки и образования. 2013 № 8 (75). С. 53 – 56). Очевидно, что все три фактора полностью нивелируются в банкротстве. Так, уже с даты признания лица банкротом прекращаются полномочия его органов управления (ст. 124), извлечение прибыли прекращает становиться целью деятельности должника. Отказывая в удовлетворении заявления конкурсного управляющего об изменении очередности погашения текущих платежей, суд указал, что целью конкурсного производства является не извлечение прибыли в процессе хозяйственной деятельности, а получение максимальной выгоды от реализации имущества должника и удовлетворение за счет вырученных средств требований кредиторов (постановление Арбитражного суда

Теперь рассмотрим природу и динамику ограничительных мер специального правового статуса должника.

Из анализа правоотношений несостоятельности¹ видно, что в рамках охранительного отношения по реализации ответственности должника постепенно «перехватываются» полномочия его органов управления; по существу расширяется специальная деликтоспособность² участвующих в деле лиц, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов, за счет сужения дееспособности должника.

Это сопровождается установлением прямых запретов либо условий для реализации тех или иных имущественных либо организационных полномочий в процедурах банкротства от наблюдения до, в частности, внешнего управления и последующего признания должника банкротом³.

Вместе с возникшей в процедуре наблюдения невозможностью согласно п. 1 ст. 63 исполнения требований реестрового характера в обычном порядке вследствие их «преобразования из индивидуальных в совокупное требование всех кредиторов... в целях соразмерного их удовлетворения»⁴, появляется особый объект правовой охраны – интересы конкурсной массы, защищаемый посредством установления негативных изменений имущественного и неимущественного (организационного) характера в статусе должника. Например, начисление мораторных процентов⁵, меры по принудительной фиксации объема имущества, которое является потенциальной конкурсной массой¹.

Поволжского округа от 03.12.2019 г. № Ф06-12980/2009 по делу № А12-9755/2009 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

¹ См. параграф 2 главы 1 диссертации.

² Деликтоспособность - это признанная законом способность лица самостоятельно избирать вариант противоправного поведения и нести ответственность за правонарушение. Специальная же деликтоспособность отражает специальный статус субъекта, помимо общей деликтоспособности (см. подробнее: Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность: теоретико-правовые проблемы. Казань, 2009. С. 6).

³ Например, особый порядок приобретения либо отчуждения имущества, балансовая стоимость которого составляет более пяти процентов балансовой стоимости активов должника (с согласия временного управляющего согласно п. 2 ст. 64 Закона); прекращение полномочий органов управления должника в силу п. 1 ст. 94 либо п. 2 ст. 126 Закона при введении внешнего управления либо конкурсного производства); продажа имущества на основании ст. 110 Закона.

⁴ См.: Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Производство по делам о банкротстве в суде. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 50.

⁵ Вместо, в частности, предусмотренных условиями сделок неустоек (штрафов, пеней) на сумму основного долга по договору начисляются мораторные проценты в размере ставки рефинансирования (ключевой ставки),

Как указал КС РФ, специальный режим предъявления в арбитражном суде имущественных требований к должнику в рамках процедуры банкротства, не допуская их удовлетворения в индивидуальном порядке, позволяет сохранять *определенность объема* имущества должника². Приобретение статуса «должник»³ является своеобразным маркером появления таких ограничений.

Полагаем, что принимаемые в отношении должника при введении наблюдения ограничительные меры имеют природу обеспечительных мер⁴, что соответствует легальной цели процедуры наблюдения: обеспечение сохранности имущества и анализа финансового состояния должника (ст. 2 Закона); отстранение руководителя должника по ходатайству временного управляющего; запрет совершения действий (например, совершать без согласия управляющего сделки, не предусмотренные п. 2 ст. 64 Закона)⁵.

По существу данные меры являются условием⁶ дальнейшего движения дела о банкротстве: как отмечает С.А. Карелина, динамика правоотношения,

---

установленной Банком России (п.п. 1 и 4 ст. 63, п. 1 ст. 81, п. 2 ст. 95, п.п. 1 и 2.1 ст. 126 Закона). Согласно правовой позиции ВС РФ, мораторные проценты имеют природу финансовых санкций (см.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2021 г. № 303-ЭС20-10154(2) // СПС «КонсультантПлюс»).

¹ В частности, наступление на основании п. 3 ст. 63 Закона срока исполнения обязательств реестрового характера и возможность предъявления этих требований в деле о банкротстве; ограничения в части распоряжения имуществом, реорганизации должника, по существу сводящиеся к ограничению дееспособности должника (ст. 64 Закона).

² Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 05.03.2019 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ст. 15, п. 1 ст. 200 и ст. 1064 ГК РФ, пп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 10 и п. 3 ст. 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В.А. Нужина» // СЗ РФ..2019. № 10. Ст. 1046.

³ Считаем, что «должник» появляется только с момента введения наблюдения, когда институционализируются существенные элементы его статуса как субъекта с признаками неплатежеспособности.

⁴ Например, отстранение руководителя должника в наблюдении рассматривается в доктрине именно как *обеспечительная мера* в интересах кредиторов (см.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Под ред. проф. В.В. Витрянского. М., 2003. С. 302).

⁵ Такое отстранение может выполнять восстановительную функцию, например в целях выполнения обязанности должника предоставить документы временному управляющему, от выполнения которой прежний руководитель уклонился. Так, например, руководитель отстранен ввиду уклонения должника от предоставления временному управляющему истребуемых документов (см.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2018 г. по делу № А41-87044/16 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Условие - то, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления. (Философский энциклопедический словарь. М., 1983 // <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 30.12.2023)).

возникающего в связи с несостоятельностью, опосредуется динамикой прав и обязанностей субъектов конкурсных отношений¹.

Признание же должника банкротом является своеобразной кульминацией реализации ответственности должника, характеризуется достижением целей наблюдения – составление реестра требований кредиторов, выражающего совокупное требование к должнику, оформленное решением первого собрания кредиторов в порядке ст.ст. 73 и 74 Закона). Завершается реализация ответственности должника его ликвидацией (исключением из публичного реестра юридических лиц) на основании судебного акта о завершении конкурсного производства (ст. 149 Закона).

Какой правовой природой обладают меры имущественного и неимущественного (организационного) характера, претерпеваемые должником в связи с введением конкурсного производства? Осуществляясь в рамках стадии реализации юридической ответственности должника, они являются *правовыми способами* достижения целей конкурсного производства в механизме правового регулирования ответственности в сфере несостоятельности. Например, продажа имущества должника (ст. 139 Закона)² – негативное воздействие имущественного характера; прекращение полномочий органов управления должника (ст. 126 Закона) – воздействие неимущественное.

Являясь институтом исполнения, они, будучи принудительно реализуемыми мерами воздействия, не несут в себе дополнительное обременение. При этом все институты исполнения в конкурсном производстве направлены на постепенное распределение конкурсной массы среди кредиторов, что соответствует цели конкурсного производства³; меры неимущественного характера направлены в

---

¹ Карелина С.А. Указ. соч. С.149 – 150.

² Продажа имущества должника в такой ситуации не может быть отнесена к мерам юридической ответственности, поскольку отчуждение имущества происходит по рыночной стоимости, а не по ликвидационной (ст.ст. 110, 111). Судебная практика основана на положении о недопустимости установления в качестве начальной цены продажи ликвидационной стоимости (см.: определение Верховного суда РФ от 25.02.2019 г. № 309-ЭС17-21948(2,3) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

³ В частности, соразмерное удовлетворение требований кредиторов (ст. 2 Закона).

основном на обеспечение реализации ответственности должника в связи с обеспечением погашения требований кредиторов за счет конкурсной массы.

Анализируя формирующие *специальный правовой статус должника* характер, цели и функции применяемых к нему негативных имущественных и неимущественных мер, следует признать следующее:

1) в процедуре наблюдения эти меры отвечают признакам мер защиты имущественных прав кредиторов, поскольку обладают обеспечительной природой и направлены на оценку возможности восстановления нарушенного права кредитора и сохранение определенности объема имущества должника¹; меры защиты *создают условия* для последующего применения мер ответственности;

2) в процедуре конкурсного производства эти меры ужесточаются, ориентируясь на реализацию ответственности должника в целях максимального удовлетворения требований кредиторов за счет конкурсной массы с последующей ликвидацией должника;

3) меры воздействия *имущественного* характера применяются к должнику в условиях его недостаточности для погашения требований кредиторов: сначала для целей обеспечения сохранности, затем для целей распределения среди кредиторов;

4) меры воздействия *неимущественного* характера являются условиями достижения целей реабилитационных процедур (восстановление платежеспособности) или конкурсного производства (соразмерное удовлетворение требований кредиторов).

Рассматривая же стадии *суб-* и *пост-* охранительных отношений, мы отмечаем начало проявления (формирования) у субъектов ответственности², специальной деликтоспособности *синхронно* по отношению к принятию к должнику мер

---

¹ Еще в большей степени изложенное характерно для процедур финансового оздоровления и внешнего управления ввиду их явно реабилитационной направленности, обусловленной целью восстановления платежеспособности (ст. 2 Закона о банкротстве).

² Здесь и далее – субъекты банкротной ответственности (контролирующие должника лица, а также участвующие в деле лица, включая арбитражных управляющих и конкурсных кредиторов).

защиты и мер по реализации его ответственности (применительно к процедурам банкротства):

- при ответственности «за банкротство» – специальная деликтоспособность контролирующих лиц *проявляется* в стадии введения наблюдения¹ и реализуется в конкурсном производстве;

- при ответственности «в банкротстве» – специальная деликтоспособность участвующих в деле лиц, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов, *формируется* в стадии наблюдения и также реализуется в конкурсном производстве.

В ходе первой же процедуры банкротства в отношении субъектов ответственности могут быть приняты жесткие обеспечительные меры².

При рассмотрении природы отношений несостоятельности выше уже показано³, что участвующие в деле лица, включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов, в деле о банкротстве реализуют две группы организационно-управленческих правомочий по отношению к должнику: обычные, связанные с общими вопросами его хозяйственной деятельности⁴, а также специальные, направленные на достижение целей конкретных процедур⁵.

Осуществляя элементы конкурсного контроля, каждый из участвующих в деле лиц может допустить поведение, которое приведет не только к имущественным, но и к неимущественным вредным последствиям. Например, повлекшее нарушение сроков наблюдения уклонение арбитражного управляющего от организации проведения собрания кредиторов, от доведения до конкурсных кредиторов должника результатов проведенного финансового анализа⁶.

---

¹ Появляются средства-установления и средства-технологии для выявления арбитражным управляющим причин банкротства, а также юрисдикционные возможности для предъявления к контролирующим лицам требований о привлечении к ответственности (см. параграф 4 главы 2 диссертации).

² См.: п. 5 ст. 61.16 Закона. Подробно этот вопрос рассмотрен в параграфе 4 главы 2 диссертации.

³ См. параграф 2 главы 1 диссертации.

⁴ Например, правомочие конкурсного управляющего по общему управлению всеми делами должника в случае признания банкротом (п. 2 ст. 126 Закона).

⁵ В частности, полномочия конкурсных кредиторов по принятию ими решений о введении процедур банкротства, выборе кандидатуры арбитражного управляющего и т.д. (ст.ст. 12, 14, 15, п.п. 1 и 4 ст. 20.4 Закон).

⁶ Судебная практика признания незаконными таких действий распространена: см., например: определение Верховного суда Российской Федерации от 20.02.2021 г. № 307-ЭС18-5762(2) // Документ опубликован не был.

В таком случае суд вправе принять как меры защиты, так и меры ответственности неимущественного характера: например, обязать провести собрание кредиторов, причем не только арбитражного управляющего¹, но и кредитора²; запретить реализацию своего статуса арбитражному управляющему (назначение на следующую процедуру) до компенсации причиненных убытков в силу п. 1 ст. 69, п. 2 ст. 46 Закона (меры защиты); отстранить управляющего за ненадлежащее исполнение обязанностей (п. 2 ст. 20.2 Закона; меры ответственности).

Такая мера неимущественной ответственности как отстранение арбитражного управляющего больше характерна для конкурсного производства; в наблюдении и реабилитационных процедурах, в основном свойственно применение мер защиты обеспечительного и восстановительного характера³. Следует выделить также превентивную функцию: очевидно, что отстранение неквалифицированного арбитражного управляющего создает условия для соблюдения прав участников дела о банкротстве.

Заметим при этом, что все меры воздействия, включая неимущественное, в итоге направлены на обеспечение погашения имущественных требований кредиторов.

Основные меры ответственности – имущественного характера: возмещение вреда по правилам о *возмещении убытков* (ст.ст. 61.13, 61.20, п. 4 ст. 20.4 Закона)

СПС «КонсультантПлюс», определение Верховного суда РФ от 01.08.2019 г. № 307-ЭС19-7565 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹ ВС РФ указал, что суд первой инстанции необоснованно уклонился от возложения на арбитражного управляющего обязанности провести собрание кредиторов для рассмотрения значимых вопросов (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.07.2021 г. № 303-ЭС20-18761 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

² Например, в ситуации, требующей провести собрание кредиторов для определения кандидатуры конкурсного управляющего – на кредитора, имеющего наибольшую сумму требований (см.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.08.1997 г. № 20 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства о несостоятельности (банкротстве)» // Экономика и жизнь. № 37. 1997. СПС «КонсультантПлюс»).

³ Процентное соотношение требований об отстранении арбитражных управляющих в процедурах наблюдения и внешнего управления по отношению к конкурсному производству: 7,7% и 1,3% в 2021 году; 10,3% и 1,4% в 2022 году (количество заявлений, соответственно, 91/16/1172 и 111/15/1070) (см. отчеты о работе арбитражных судов РФ по рассмотрению дел о банкротстве за 2021 и 2022 годы. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 03.05.2023 г.)).

либо о *субсидиарной ответственности* (ст.ст. 61.11, 61.12 Закона); возможность их применения допускается ко всем субъектам ответственности.

Меры имущественной ответственности применяются в конкурсном производстве, в условиях завершившейся конкретизации объема имущества должника, размера требований кредиторов. Допускаемые же Законом возможности рассмотрения требований о субсидиарной ответственности или о взыскании убытков в отсутствие дела о банкротстве (п. 4 ст. 61.14, п. 4 ст. 61.20 Закона о банкротстве) по существу свидетельствуют о наличии в данном случае презумпции несостоятельности должника¹.

Анализируя определяющие специальный правовой статус *субъекта ответственности* характер, цели и функции применяемых к нему негативных мер имущественного и неимущественного характера, можно сделать следующие выводы:

1) в процедуре наблюдения меры воздействия на субъекта обладают в основном неимущественным характером и относятся как к мерам защиты обеспечительной природы, так и к мерам ответственности; применение мер имущественной ответственности не допускается;

2) в процедуре конкурсного производства основной мерой негативного воздействия на субъекта является применение мер ответственности имущественного характера; эти меры выполняют восстановительную и штрафную функции и заключаются во взыскании убытков или привлечении к субсидиарной ответственности; применение неимущественных мер ответственности более выражено, чем в наблюдении²;

3) меры защиты и меры ответственности *имущественного* характера по отношению к субъекту: первые могут быть приняты уже в первой процедуре банкротства в качестве обеспечительных мер; вторые выявлены только в

---

¹ Указанные нормы права предусматривают возможность обращения с такими требованиями в условиях отсутствия средств, достаточных для проведения процедур банкротства.

² При сохранении ими, однако, вспомогательного (обеспечивающего) значения.

конкурсном производстве и выполняют как штрафную, так и восстановительную функции (применительно к правам кредиторов);

4) меры защиты и меры ответственности *неимущественного* характера применяются во всех процедурах банкротства, способствуя достижению целей соответствующей процедуры и выполняя в основном обеспечительную и предупредительную функции.

Непосредственным объектом банкротных правонарушений признаются общественные отношения, возникающие по поводу сохранности имущественной сферы должника. Очевидно, что текущие качественные и количественные характеристики конкурсной массы, конкретизируя круг субъектов ответственности, определяют по отношению к ним и к должнику виды применяемых мер защиты и мер ответственности, размер ответственности, одновременно достигая цели ответственности и реализуя ее функции. Такая точка опоры позволяет вывести единые характеристики *монистической категории*, имеющей экономическое содержание и юридическую форму – формирующие специальный правовой статус как должника, так и субъектов ответственности *негативные меры воздействия* (меры защиты и ответственности) имущественного и неимущественного характера в правоотношении банкротной ответственности:

1) в процедуре наблюдения выражено применение мер защиты неимущественного характера в обеспечительных и превентивных целях, а также в целях создания определенности финансового состояния должника и сохранения его имущества; меры защиты имущественного характера допускаются в качестве обеспечительных; в целом, меры защиты обеспечивают условия для последующего применения мер ответственности; в результате применяемых мер защиты часть правосубъектности должника начинает реализовываться субъектами ответственности; применение мер имущественной ответственности не допускается;

2) в процедуре конкурсного производства в основном применяются меры ответственности имущественного характера, реализуются восстановительная и штрафная функции в целях удовлетворения требований кредиторов за счет

восстанавливаемой имущественной сферы должника; правосубъектность должника полностью реализуется субъектами ответственности; применение неимущественных мер ответственности носит вспомогательный характер;

3) меры защиты и меры ответственности *имущественного* характера: первые имеют ограниченное применение обеспечительного характера в процедуре наблюдения; вторые реализуются в основном в процедуре конкурсного производства, направлены на восстановление имущественной сферы должника в целях удовлетворения требований кредиторов; реализуются восстановительная и штрафная функции ответственности;

4) меры защиты и меры ответственности *неимущественного* характера применяются во всех процедурах, выполняя в основном вспомогательную функцию, не исключая, однако и карательную функцию; в основном они имеют превентивную природу; обеспечивают условия достижения целей процедур банкротства.

Мы видим взаимообусловленность применения мер негативного воздействия на субъектов ответственности в рамках *суб-* и *пост-* *охранительных* отношений с общей динамикой *охранительного* отношения реализации ответственности несостоятельного должника.

Как отмечает С.А. Карелина, «под правовым состоянием субъектов отношений несостоятельности следует понимать положение их правовой связанности и взаимообусловленности в рамках правоотношения, влияющее на динамику этого правоотношения»¹. Полагаем, что такая *правовая связанность*, проявляющаяся во взаимообусловленности мер негативного характера в отношении монистической категории «должник-субъекты ответственности» обусловлена единими объектом правовой охраны и целью восстановления имущественной сферы должника; синхронизирует стадии реализации ответственности должника и субъектов ответственности:

---

¹ Несостоятельность (банкротство): учебный курс / Отв. ред. С.А. Карелина. М.: Статут, 2018. С. 161. (Автор глав 1-3 С.А. Карелина).

- как в отношении должника, проходящего стадию реализации ответственности, применяемые меры защиты превентивного и обеспечительного характера сменяются мерами имущественного характера, так и в отношении субъектов ответственности от введения наблюдения до завершения конкурсного производства и далее вне рамок дела о банкротстве меры воздействия все более обретают штрафной (карательный) характер;

- насколько эффективно будут приниматься меры защиты и ответственности в отношении контролирующих лиц, участвующих в деле лиц, включая арбитражных управляющих и конкурсных кредиторов (субъектов ответственности), настолько эффективно будет реализовываться ответственность должника в процедуре несостоятельности, и наоборот;

- поскольку по мере прохождения процедур банкротства реализация ответственности должника зависит от формируемого объема его имущественной сферы (конкурсной массы), постольку меняется объем имущественной ответственности указанных выше субъектов;

- насколько ограничивается дееспособность должника в стадии реализации его ответственности в правоотношении несостоятельности, настолько участвующие в деле лица (включая арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов) обретают его правосубъектность и формируют свою специальную деликтоспособность.

Эти выводы позволяют утверждать о единой динамике *стадии реализации* ответственности должника (охранительное отношение) и *стадий банкротной ответственности* (суб- и пост- охранительные отношения), в ходе которых возникает, конкретизируется и реализуется специальный правовой статус правонарушителя. Иными словами, реализация банкротной ответственности: 1) означает реализацию специального правового статуса правонарушителя; 2) взаимообусловлена с реализацией ответственности должника; 3) зависит от полноты и своевременности принятия мер защиты и мер ответственности в рамках охранительных, суб- и пост- охранительных отношений ответственности).

В итоге предлагаем авторское понятие *специального правового статуса правонарушителя* в исследуемой сфере отношений: это предусмотренная законодательством совокупность прав и обязанностей, обусловленных принимаемыми мерами защиты и ответственности в динамике стадий возникновения, конкретизации и реализации правоотношения банкротной ответственности.

В доктрине признано, что в стадии реализации ответственности нарушитель исполняет свою охранительную обязанность; это означает, что «право потерпевшего восстановлено (например, посредством применения ответственности)»¹; в содержание этой стадии «входят фактические действия сторон материального правоотношения ответственности по реализации наказания»². Поддерживая указанные точки зрения, приходим к выводу о том, что *содержанием стадии реализации банкротной ответственности* является фактическое поведение управомоченной стороны и правонарушителя, направленное на реализацию охранительной субъективной обязанности, указанной в правоприменительном акте.

Заметим, что во всех случаях реализация осуществляется в рамках юрисдикционного процесса, ибо, во-первых, «отрасль материального права вызывает к жизни соответствующие процессуальные нормы... исполнение наказания как деятельность уполномоченных на то органов и должностных лиц является процессуальной»³; во-вторых, исполнение правового предписания о виде и мере ответственности составляет предмет принудительного исполнения согласно ст. 1 Закона об исполнительном производстве.

Не является исключением и исполнение неимущественных санкций в виде отстранения управляющего или субординации, поскольку реализация

---

¹ Кархалев Д.Н. Содержание охранительного правоотношения в гражданском праве // Российский судья. 2008. № 8. Абз. 82.

² См. Шиндяпина М.Д. Указ. соч. С. 159.

³ Там же. С. 162 – 163.

ответственности в данном случае контролируется судом в силу общих (ст. 9 АПК РФ) и специальных (ст. 143 АПК РФ) процессуальных полномочий¹.

В целом, правовой режим регулирования стадии реализации банкротной ответственности является разрешительным, с преобладанием публичных и процессуально-правовых средств.

Содержание стадии реализации банкротной ответственности, возникающей в момент вступления в силу правоприменительного акта с указанием меры ответственности и заканчивающейся в момент исполнения санкции, характеризует степень *реального* выполнения функций и достижения целей данной ответственности. «Фундамент» же этого закладывается на *законодательном уровне* механизма правового регулирования ответственности: определяются принципиально исполнимые и адекватные санкции; воплощаются регулятивная и предупредительная функции ответственности.

Своеобразным индикатором качества этого «фундамента» реализации ответственности является показатель *эффективности* правовой нормы. Оценка эффективности нормы зависит от анализа соотношения между результатом и целями нормы, ибо важен практический результат². По мнению В.С. Белых, объективным критерием эффективности нормы являются показатели, отражающие степень соответствия результатов и цели; показатели же эффективности - это качественные и количественные изменения критерия³.

Заметим, что действительно, цель регулирования «набирает силу» *в качестве критерия* эффективности только при знании *второго критерия* – полученного результата воплощения нормы в жизнь⁴.

---

¹ Так, внешний управляющий, отстраненный от исполнения своих обязанностей, обязан обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей и штампов, материальных и иных ценностей вновь утвержденному внешнему управляющему в течение трех дней с момента его утверждения (п. 4 ст. 98 Закона); в случае уклонения от исполнения этой обязанности суд может выдать исполнительный лист (см.: п. 24 Постановления № 53).

² См.: Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М., 1974. С. 10.

³ Белых В.С. Экономический анализ права: спорные вопросы теории и практики // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 3 - 10.

⁴ На важность исследования воздействия изменений норм права на практику их применения в призме экономической эффективности права обращает внимание Т.Я. Хабриева (см. Пискунов Я. Представление о кризисе в правовой науке несколько преувеличено. Интервью с Т.Я. Хабриевой // Закон. 2016. № 11. С. 6 - 16. Абз. 134). Истинной проблемой ответственности, писал Б.И. Пугинский, является ее эффективность,

По мнению И.Н. Петрова, правовая норма изменяет поведение, а это «влечет за собой также и перемещение ресурсов из одной сферы деятельности в другую»¹. Ученый отмечал, в частности, что ужесточение санкции не обязательно меняет поведение лиц в целях сдерживания от совершения как гражданских, так и административных и уголовных правонарушений, в связи с чем «не размер санкций, а сам механизм предусматриваемой законом ответственности... неэффективен»; установить, где этот механизм дает сбой возможно посредством совершенствования статистической отчетности и анализа результатов «рефлекторных возмущений» (увеличение правонарушений вследствие действия новой правовой нормы)².

Показатели эффективности Закона о банкротстве, применительно к реализации банкротной ответственности, видятся нам в *микро-* и *макро-* критериях результата. В качестве одного из микро-критериев предлагается рассматривать процент реального взыскания по денежным требованиям:

- при ответственности «за банкротство» (субсидиарная ответственность и взыскание корпоративных убытков с контролирующих лиц; ст.ст. 61.11 и 61.20);
- при ответственности «в банкротстве» (субсидиарная ответственность и взыскание убытков с участвующих в деле лиц, включая арбитражных управляющих и конкурсных кредиторов; ст.ст. 61.12, 61.13, 20.4).

В настоящее время официальная отчетность предусматривает только общие сведения об эффективности взыскания в конкурсном процессе, которые неутешительны. Так, по данным проекта Всемирного банка «Doing Business 2020»³ удовлетворение требований кредиторов в процессе ликвидации занимает в

которая непосредственно связана с результативностью нормативного регулирования, ибо «без действенной ответственности право утрачивает свои регулирующие свойства» (см.: Пугинский Б.И. Проблемы ответственности в частном праве // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2010. № 4. С. 14.

¹ См.: Петров И. Н. Проблемы повышения эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушения обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975 (приводится по: Егизаров В.А., Доронина Н.Г., Литовкин В.Н. И. Н. Петров: талантливый ученый и организатор научных исследований в области хозяйственного законодательства // Журнал российского права. №5. 2015. С. 151-152).

² Там же.

³ По индикатору «Разрешение неплатежеспособности», который выявляет недостатки действующего законодательства о несостоятельности (банкротстве) и основные процедурные и административные затруднения процедуры банкротства.

России среднем 2 года. Судебные издержки, включая оплату услуг конкурсных управляющих, оценщиков, юристов составляют в банкротстве примерно 9% от суммы долга¹. По сведениям Федресурса, в 2019, 2020, 2021, 2022 гг. доля удовлетворенных требований в отношении должников-организаций составила, соответственно, только 5,2% / 4,6% / 3,5% / 6,8%; даже залоговые кредиторы удовлетворены лишь на 29,5% / 21,6% / 22,2% / 25,3%. Процент же дел, по которым кредиторы не получили ничего, составил 62% / 60,6% / 58,4% / 57,2%².

Указанные показатели, безусловно важные для выводов об *общей эффективности* взыскания по делам о несостоятельности, все же нерелевантны для оценки эффективности исследуемого нами специфического правового средства – банкротной ответственности; в этих показателях отсутствует информация о реальном исполнении *санкций, предусмотренных Законом*.

Полагаем нецелесообразным обременять арбитражных управляющих дополнительной формой отчетности об исполнении указанных санкций, тем более, что эта информация у них объективно неполная³.

Всеобъемлющей информационной «воронкой» такой информации является ФССП России⁴, которая в силу ст. 6.1 Закона об органах принудительного исполнения⁵ осуществляет принудительное исполнение судебных актов, и Директор которой утверждает формы ведомственной статистической отчетности⁶.

¹ URL: https://archive.doingbusiness.org/ru/data/exploreconomies/russia#DB_ri (дата обращения: 27.11.2023).

² См.: Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31.12.2022 г. // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/> (дата обращения: 06.05.2023 г.).

³ Немалая часть таких требований предъявляется вне дела о банкротстве. Аналогичный недостаток наблюдается и у статистических сведений налоговых органов. Соответствующая информация о реальном взыскании по требованиям налоговых органов, в частности, о привлечении к ответственности контролирующего лица в банкротстве, имеется в Приложении № 36 «Сведения о результатах работы управлений ФНС России по обеспечению процедур банкротства (форма 40РБ), утв. Приказом ФНС России от 30.09.2021 N БС-7-1/860@ // СПС «КонсультантПлюс». Однако, во-первых, в них содержатся только сведения о взыскании в пользу бюджета и, во-вторых, указанная форма отчетности, к сожалению, не относится к открытым (публикуемым) данным (URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/; дата обращения 06.05.2023).

⁴ Здесь и далее – Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации.

⁵ Здесь и далее - Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (с изм. и доп. от 21.12.2021 г. № 417-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590; 2021. № 52 (Ч. 1). Ст. 8976.

⁶ См.: п. 10 Положения о Федеральной службе судебных приставов. См.: Указ Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (с изм. и доп. от 22.01.2024 г. № 55) // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4111; 2024. № 5. Ст. 661.

Опыт использования такой «воронки» в социально-экономически значимых сферах уже имеется: утверждены формы сведений о взыскании судебными приставами денежных средств по искам обманутых вкладчиков (код формы 015), в бюджетную систему (код формы 013)¹.

Следует ввести в ФССП России дополнительную форму отчетности: сведения о взыскании требований по ст.ст. 61.11, 61.20, 61.12, 61.13, 20.4, что позволит оценить эффективность реализации банкротной ответственности.

В качестве макро-критерия важной представляется корреляция между корректировками законодателем правового режима банкротной ответственности и глобальными показателями: 1) предпринимательской активности, включая венчурные сектор экономики; 2) преступности в сфере несостоятельности; 3) социальной защищенности работников в процедурах банкротства и др.²

В литературе отмечается, что нормы об ответственности в банкротстве должны учитывать законные интересы как бенефициаров, так и кредиторов. Ответственность, будучи сбалансированной, сформирует волю этих лиц, соответственно, не на предбанкротный вывод активов или на отказ вступать в коммерческие отношения, а напротив – на добросовестное поведение по получению своей доли имущества и вступление в рискованные и высокодоходные проекты, без которых немислима рыночная экономика³.

По существу сама банкротная ответственность является не столько правовым, сколько политико-правовым средством регулирования общественных отношений. Приходим к выводу о том, что *динамика* указанных *микро-* и *макро-* показателей позволит определить не только действенность восстановительной и карательной, но и превентивной и регулятивной функций банкротной ответственности, а значит качество государственной политики в сфере несостоятельности в целом.

---

¹ См. официальный сайт ФССП России. URL: <https://fssp.gov.ru/formvedstatotch/> (дата обращения: 06.05.2023).

² Рассмотрение указанных корреляций выходит за рамки нашего объекта исследования, однако является основанием для постановки этого вопроса.

³ См.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019. 488 с. Абз. 4243.

Заметим, что выявленная нами выше *разрешительность* правового режима регулирования стадии реализации ответственности не исключает определенную степень диспозитивности применительно к дозволению Законом заключения мирового соглашения с субъектом ответственности лицом (ст. 61.21). Применительно к несостоятельности должника, функциональная природа таких соглашения может быть как восстановительной (заключение соглашения в стадии наблюдения либо реабилитационных процедур), так и ликвидационной (в стадии конкурсного производства). Этим полностью подтверждается тезис С.А. Карелиной о том, что «соглашение представляет собой универсальное правовое средство, которое может быть использовано на любом этапе процесса несостоятельности»¹.

Однако институт мирового соглашения и в данном случае содержит ряд предписаний и запретов: оно может быть утверждено судом только а) при раскрытии ответчиком сведений об имуществе, причем в размере, достаточном для реального взыскания; б) в отношении всех лиц на стороне управомоченного лица, подавшего заявление², и в отношении всех лиц на стороне ответчика.

Преимущественное использование ограничительных правовых средств в стадии реализации ответственности не исключает применения средств поощрения. Так, арбитражный управляющий имеет право на получение суммы в размере 30% от денежных средств, поступивших в конкурсную массу в рамках исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности (абз. 3 п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве).

Однако и в данном случае приведенные элементы стимулирующего правового режима обуславливаются материальными и юрисдикционными средствами-

---

¹ Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): автореферат диссертации ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 44.

² Не допускается расширительное толкование данной нормы. Так, судебный акт об утверждении мирового соглашения был отменен, так как согласия простого большинства кредиторов для его заключения недостаточно (см. постановление Арбитражный суд Московского округа от 03.03.2021 г. по делу № А41-15137/2018 // СПС «КонсультантПлюс»). По другому делу СКЭС ВС РФ указала, что в такой ситуации отсутствие стопроцентного согласия является достаточным не только для отказа в утверждении мирового соглашения, но и для признания недействительным решения собрания кредиторов о его заключении (см.: определение Верховного суда Российской Федерации от 14.08.2020 г. № 305-ЭС20-10274(1,2) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

установлениями обязывающего характера. Так, положениями п. 64 Постановления № 53, на арбитражного управляющего фактически возложено бремя доказывания добросовестного и полного принятия мер по привлечению контролирующего лица к ответственности; сам по себе факт обращения в суд с заявлением недостаточен для получения вознаграждения¹. Разъяснениями высшей судебной инстанции нормативного характера на управляющего также возложена прямо не предусмотренная Законом обязанность после получения вознаграждения обратиться в суд с требованием о взыскании его суммы с контролирующих лиц в пользу должника в качестве судебных издержек, уклонение от исполнения которой влечет взыскание убытков с управляющего в размере соответствующей суммы².

Итак, *содержание стадии реализации банкротной ответственности*: 1) соответствует реализации специального правового статуса правонарушителя; 2) обусловлено содержанием реализации ответственности должника и имеет единую с ним динамику; 3) зависит от полноты и своевременности принятия мер защиты и мер ответственности в рамках охранительных, субохранительных и постохранительных отношений ответственности; 4) выражается в форме юрисдикционного процесса, в рамках дела о банкротстве либо исполнительного производства.

Применительно рассмотрению стадии реализации банкротной ответственности нами предложены авторское определение *специального правового статуса правонарушителя*, в котором учтены особенности сочетания мер защиты и ответственности в конкурсном процессе и отмечено развитие этого статуса параллельно со стадиями возникновения, конкретизации и реализации ответственности в исследуемой сфере общественных отношений;

---

¹ Так, суды констатируют, что управляющий по существу должен доказать *причинно-следственную связь* между фактом обращения в суд с заявлением в порядке ст. 61.11 и погашением правонарушителем реестровых требований (см.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.05.2022 г. по делу № А73-10780/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс»).

² См. абз. 5 п. 64 Постановления № 53.

Все уровни механизма правового регулирования на этой стадии «включены» для реализации не только восстановительной и карательной функций ответственности, но и регулятивной, предупредительной. Установлено, что качественная оценка эффективности правовых норм требует предварительной настройки открытости микро- и макро- показателей, оценка динамики которых позволит определить качество банкротной ответственности как политико-правового средства.

В целом правовой режим характеризуется как разрешительный. Правовые средства представлены в основном правовыми предписаниями и запретами. Стимулы поставлены в зависимость от исполнения позитивных обязанностей и должны быть согласованы с коллективным интересом конкурсной массы. Дозволения используются, как правило, в случае добровольного исполнения меры ответственности.

По итогам проведенного в этой главе исследования, отмечаем, что анализ рассмотренных нами отдельных элементов механизма правового регулирования банкротной ответственности (стандарты доказывания как процессуально-правовое средство; обязанность возмещения убытков по корпоративным основаниям как правовой способ; стадия реализации правоотношения банкротной ответственности как правовая форма) позволяют указать на отдельные особенности правового режима регулирования этой ответственности и выделить некоторые признаки уровней механизма ее правового регулирования.

Отметим преобладание на *нормативном* уровне механизма *публично-правовых* элементов: норм-дефиниций, обязывающих и запретительных норм, а также норм, закрепляющих компетенцию. Это проявляется, в частности, в общей зарегулированности, описанием в Законе диспозиций и санкций охранительных норм. С другой стороны, легальные нормы-принципы, как и нормы-«целевые функции» практически отсутствуют¹ и представлены общей идеей о

---

¹ Подразумевается собственно банкротная ответственность, то есть субохранительные и постохранительные отношения ответственности. Охранительные же отношения ответственности (реализация ответственности

восстановлении имущественных прав кредиторов, в связи с чем подлежат выведению доктринально. Роль источников права выполняют также нормативные и индивидуальные правовые позиции судебных органов; это больше свойственно *частноправовому* режиму регулирования.

Правоприменительный уровень представлен субъективно-объективными юридическими составами, опосредующими динамику охранительных отношений банкротной ответственности, направленных на защиту имущественных прав участников отношений несостоятельности посредством применения санкции к правонарушителю. Изложенное, а также присутствующая диспозитивность в инициировании восстановления права в нарушенном регулятивном правоотношении, свидетельствует о *частноправовой* природе регулирования. Однако отмеченная дозволенность ослаблена во всех стадиях правоотношения банкротной ответственности вследствие выраженных проявлений *публичных*, а также *процессуально-правовых* средств: введение жестких презумпций причинной связи, контроля, неопровержение которых допускает элементы объективного вменения и ведет к применению неэквивалентных мер штрафного характера; активная и управленческая роль суда в конкурсном процессе, а также завышенные стандарты доказывания обстоятельств, на которые ссылается привлекаемое к ответственности лицо, свидетельствуют о признаках обвинительного уклона.

На *функциональном уровне* механизм правового регулирования представлен юрисдикционными актами, содержащими предварительную и окончательную квалификацию содеянного с указанием наказания, которое, вне зависимости от имущественного либо неимущественного характера, имеет основную цель - восстановление имущественных прав кредиторов. Изложенное, наряду с обусловленностью прекращения ответственности удовлетворением имущественных притязаний, допущением стимулов (например, вознаграждение управляющему за активность), а также дозволением мировых процедур, свидетельствует о *частноправовых* составляющих банкротной ответственности.

самого должника) характеризуется закреплением легальных норм-целей в ст. 2 применительно к *целям процедур* банкротства.

Вместе с тем, этот аспект нивелируется *публично-правовыми* началами: жесткими запретительными имущественными мерами защиты еще до признания правонарушителя виновным, штрафным для правонарушителя характером санкций, зависимостью применения стимулов от выполнения позитивных обязанностей.

Совокупность реализуемых банкротной ответственностью функций (восстановительной, штрафной, превентивной, регулятивной) свидетельствует о политико-правовой направленности правового режима этой ответственности.

Рассмотренное сочетание элементов правового регулирования формирует строгий разрешительный правовой режим для привлекаемого к ответственности лица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенная работа позволила обосновать выносимые на защиту положения и сформировать комплексное понимание феномена ответственности в сфере несостоятельности и ее механизма правового регулирования. Основные выводы сводятся к следующему.

Рассмотрение юридической ответственности в качестве особого охранительного правоотношения себя оправдало: данная правовая конструкция методологически «раскрыла» феномен ответственности в его статике и динамике.

Поскольку существо отношений охранительных всегда обусловлено характером защищаемых правоотношений, нами сначала были проанализированы сами «базовые» правоотношения несостоятельности. Определение их структуры и содержания позволило сделать вывод о том, что *ответственность в сфере несостоятельности*, под которой понимаются любые охранительные правоотношения, возникающие в связи с совершением правонарушений в этой сфере, представлена как публично-правовой, так и частноправовой ответственностью.

Установлено, что в структуре ответственности в сфере несостоятельности выделяется собственно *банкротная ответственность*, которая объединяет имущественную ответственность, урегулированную Законом о банкротстве (возмещение вреда по правилам о возмещении убытков в силу ст.ст. 61.13, 61.20, п. 4 ст. 20.4, а также по правилам о субсидиарной ответственности согласно ст.ст. 61.11, 61.12), а также ответственность, где санкция предусмотрена исключительно Законом (отстранение арбитражного управляющего согласно п. 1 ст. 20.4 и субординация в силу абз. 8 ст. 2).

Под *банкротной ответственностью* понимаются реализующиеся в особой процессуальной форме охранительные правоотношения, обусловленные неплатежеспособностью должника и возникающие вследствие совершенного банкротного правонарушения. *Банкротным правонарушением* признается виновное и противоправное поведение, нарушающее права кредиторов и иных

лиц, участвующих в деле или в процессе по делу о банкротстве, санкция за которое указана в Законе.

Разработка этих двух категорий позволила создать понятийный аппарат для дальнейшего научного анализа. В результате был сделан вывод о том, что банкротная ответственность представлена двумя видами охранительных отношений, обеспечивающих «базовые» отношения несостоятельности:

а) *субохранительные «за банкротство»*, возникающие в связи с деяниями, обусловившими его наступление (обеспечивают *имущественные охранительные* отношения, связанные со стадией реализации ответственности самого должника); предполагающие применение только имущественных санкций (ст.ст. 61.11, 61.20 Закона);

б) *постохранительные «в банкротстве»*, возникающие в связи с деяниями, посягающими на правопорядок в ходе процедур банкротства (обеспечивают *регулятивные имущественные и неимущественные* отношения в связи с реализацией процедур банкротства); санкции имущественные и неимущественные (ст.ст. 61.12, 61.13, п.п. 1 и 4 ст. 20.4; абз. 8 ст. 2 Закона)

Проведенное исследование позволило предложить стройный понятийный ряд всех охранительных отношений в сфере несостоятельности:

1) *охранительные*, в отношении самого должника, рассматриваемые как стадия реализации его ответственности;

2) *субохранительные* (банкротная ответственность «за банкротство» в виде имущественных санкций) в отношении контролирующих должника лиц (ст.ст. 61.11, 61.20 Закона);

3) *постохранительные* (банкротная ответственность «в банкротстве» в виде имущественных и неимущественных санкций) в отношении контролирующих должника и участвующих в деле о банкротстве лиц, арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов (ст.ст. 61.12, 61.13, п.п. 1 и 4 ст. 20.4; абз. 8 ст. 2 Закона).

Описанные теоретические конструкции представляют из себя цельную и логичную модель экономико-правовых конфликтов в исследуемой сфере, что имеет гносеологическое значение.

Предложены новые правовые понятия:

- «*механизм правового регулирования ответственности*» (в частности, банкротной или вообще в сфере несостоятельности) с выделением его содержания и объекта; с указанием его уровней (законодательный, правоприменительный и функциональный) и соответствующим им средствам правового регулирования; с выявлением особенностей этого механизма (*системность* его элементов, *комплексность* охранительных отношений, а также *экономическая природа* применяемых правовых средств);

- «*правовой режим регулирования ответственности в сфере несостоятельности*» с обозначением публично-правового и частноправового характера используемых правовых средств; относимости этих средств к дозволениям, запретам, а также к стимулам и ограничениям; направленности на достижение целей ответственности;

- «*стадии банкротной ответственности*», где *суб-* и *пост-* охранительные отношения *экономически, институционально и юрисдикционно* взаимообусловлены в своем развитии с охранительными отношениями ответственности самого должника, а степень *постепенного познания* этих отношений и элементов состава правонарушения корреспондирует статусу правонарушителя.

Доказано, что стадии правоотношения юридической ответственности (возникновение, конкретизация, реализация), являясь правовыми формами в механизме правового регулирования, образуют, вместе с этим механизмом, *единую методологическую категорию*, детализировано выражающую всеобщий метод познания применительно к юридической ответственности.

Правовой режим регулирования банкротной ответственности может быть раскрыт через анализ механизма правового регулирования этой ответственности, воплощенного в ее стадиях. По существу, категория «механизм правового

регулирования ответственности» имеет *методологическое значение* для исследования банкротной ответственности.

Дальнейшее исследование, учитывая рамки диссертации, касалось отдельных элементов механизма правового регулирования (стандарты доказывания как процессуально-правовое средство; обязанность возмещения убытков по корпоративным основаниям как правовой способ; стадия реализации правоотношения банкротной ответственности как правовая форма).

Анализ указанных элементов позволяет констатировать следующее.

Во-первых, налицо как частноправовые, так и публично-правовые начала в регулировании, с преобладанием последних на всех уровнях механизма правового регулирования банкротной ответственности. Значительно присутствие процессуально-правовых средств.

Во-вторых, правовое регулирование можно охарактеризовать как преимущественно разрешительное, в силу преобладания запретов и позитивных обязанностей над дозволениями, а также зависимости применения стимулов от выполнения позитивных обязанностей.

В-третьих, выявленное сочетание правовых средств формирует строгий правовой режим для лица, привлекаемого к ответственности (введение жестких презумпций причинной связи, контроля, неопровержение которых допускает элементы объективного вменения и ведет к применению неэквивалентных мер штрафного характера; активная и управленческая роль суда в конкурсном процессе, причем с обвинительным уклоном; завышенные стандарты доказывания обстоятельств, на которые ссылается привлекаемое к ответственности лицо; жесткие запретительные имущественные меры защиты еще до признания правонарушителя виновным; штрафной для правонарушителя характер санкций).

В целом, исследуемые *суб-* и *пост-* охранительные отношения объединяют следующие критерии: 1) предмет и метод правового регулирования – обеспечение самостоятельных отношений в сфере несостоятельности посредством смешанного метода с преобладанием предписаний и запретов; 2) самостоятельность нарушения – банкротное правонарушение; 3) особенности процессуального

осуществления – в основном разрешительный порядок, сопряженный с жесткими мерами защиты в интересах управомоченного лица, а также с активной и обвинительной ролью суда; 4) источник регулирования, содержащий однородные термины – Закон; 5) функции – не только восстановительная, но и штрафная, а также регулятивная и превентивная, что придает банкротной ответственности политико-правовое значение.

Рассматривая приведенные результаты исследования преимущественно в призма реалистического правового подхода, приходим к следующему заключению: банкротная ответственность – это институт с преобладанием публичных средств регулирования, правовой режим которого характеризуется в качестве имеющего низкую степень благоприятствования для привлекаемого к ответственности лица.

Констатируем, что сложившаяся в таком виде банкротная ответственность, проявляя свою регулятивную функцию, выступает *политико-правовым* средством. Следовательно, банкротная ответственность также опосредует регулятивные правоотношения в сфере экономической, в том числе предпринимательской, деятельности. Поэтому является чрезвычайно актуальной тонкая настройка механизма правового регулирования банкротной ответственности в целях обеспечения заложенных в ст.ст. 8, 34 Конституции России и ст.ст. 1, 2, 56 ГК РФ принципов свободы предпринимательства и экономической деятельности, общеправового равенства, неприкосновенности собственности, идеи рискованного характера предпринимательской деятельности, принципа отделения.

Право-надстройка обслуживает базис – производственно-экономические отношения. Предполагается, что сформулированная в нормативных источниках государственная правовая политика исходит из этого базиса. В условиях благоприятного предпринимательского климата, здоровой рыночной экономики и качественных правовых институтов государство, видимо, может себе позволить жесткий для участников экономических и корпоративных отношений правовой режим регулирования банкротной ответственности. В обратной же ситуации

«запуск» такого режима может сделать невозможным достижение легальных политико-правовых целей в силу нивелирования обозначенных выше принципов.

Во всяком случае, каждое правовое средство в элементе механизма правового регулирования должно быть научно обоснованным и синхронизированным с реальным состоянием экономики и правовой системы государства. Проведенный анализ побудил нас внести предложения инструментального характера по совершенствованию законодательства, направленные на легализацию применения стандартов доказывания, а также на обеспечение открытости информационно-статистических источников для макро- и микро- анализа эффективности «работы» банкротной ответственности.

Полагаем, что результаты исследования вносят определенный вклад в науку предпринимательского права: разработанные нами новые теоретические конструкции могут быть использованы при исследовании общественных отношений, составляющих предмет данной комплексной отрасли права; установленные особенности механизма правового регулирования ответственности позволят по-новому взглянуть на эффективность реализации как охранительных, так и регулятивных норм – источников предпринимательского права.

Дальнейшие научные изыскания следует производить в направлении исследования банкротной ответственности как категории *sui generis* (особой, единственной в своем роде), причем как по отношению к родовой (публично-правовая и частноправовая), так и видовой (отраслевой) классификациям юридической ответственности. Для этого важно, действуя в рамках нескончаемого «восхождения от абстрактного к конкретному», рассмотреть все постепенно открывающиеся для познания элементы состава банкротных правонарушений и структуры правоотношений ответственности «внутри» *соответствующих* стадий развития правоотношений банкротной ответственности, с раскрытием специфики каждой стадии.

Библиографический список используемых источников

Международные акты

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291. СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подписан в г.Страсбурге 22.11.1984 г.), ратифицирована Российской Федерацией на основании Федерального закона от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Утратил силу с 16.03.2022 г. (Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566).

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) (с изм. и доп. от 06.10.2022 г.) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; <http://www.pravo.gov.ru>. СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 11.03.2024 г. №48-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 12. Ст. 1572.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп. от 24.07.2023 г. № 339-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2023. № 31 (Ч. 3). Ст. 5765.

4. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2024. № 15. Ст. 1967.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с

изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 15. Ст. 1972.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 78-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1; 2024. № 15. Ст. 1971 (далее – КоАП РФ).

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 24.06.2023 г. № 285-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2023. № 26. Ст. 4693.

8. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2024 г. №11-П) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; 2024. №13. Ст. 1865.

9. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника» от 29.12.2014 г. №476-ФЗ (с изм. и доп. от 29.06.15 г. №154-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 29; 2015. №27. Ст. 3945.

10. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 25.12.2023 г. № 631-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2024. № 1 (Ч. 1). Ст. 12.

11. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4799.

12. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 г. №530-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53 (Ч. 1). Ст. 8456.

13. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 01.07.2021 г. №241-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. 1). Ст.

5069.

14. Федеральный закон от 19.05.2010 г. №92-ФЗ «О внесении изменений в статьи 14.13 и 14.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 195 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 21. Ст. 2530; Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.12.2014 г. №482-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 35; 2016. № 1 (Ч. I). Ст. 11.

15. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2014 г. №484-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 1. Ст. 37.

16. Федеральный закон «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.06.2015 г. №154-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. №266-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815.

17. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2015 г. №391-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. № 218-ФЗ) // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 11; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4767.

18. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.04.2009 г. №73-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 18 (Ч. 1). Ст. 2153; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815.

19. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28.06.2013 г. № 134-ФЗ (с изм. и доп. от 29.07.2017 г. № 281-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207; 2017. № 31 (Ч. II). Ст. 4830.

20. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.06.2016 г. №222-ФЗ (с изм. и доп. от 28.12.2017 г. № 426-ФЗ) // СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3891; 2018. № 1 (Ч. I). Ст. 10.

21. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2016 г. №488-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 1 (Ч. I). Ст. 29; 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4815.

22. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.07.2017 г. №266-ФЗ // СЗ. 2017. № 31. Ст. 4815.

23. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (с изм. и доп. от 21.12.2021 г. № 417-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590; 2021. № 52 (Ч. 1). Ст. 8976.

24. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп. от 06.04.2024 г. № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849; 2024. № 15. Ст. 1967.

25. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп. от 13.06.2023 г. № 249-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785; 2023. № 25. Ст. 4438.

26. Указ Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» (с изм. и доп. от 22.01.2024 г. № 55) // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4111; 2024. № 5. Ст. 661.

27. Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.

28. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. № 52 (Ч. 2). Ст. 5519.

29. Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 г. № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии») (с изм. и доп. от 08.02.2024 г. № 138) // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст.

3052; 2024. № 7. Ст. 978.

30. Постановление Правительства РФ от 24.03.2023 г. № 471 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изм. и доп. от 29.12.2023 г. № 2386) // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2438; 2024. № 1 (Ч. 3). Ст. 250.

31. Приказ Минюста РФ от 14.08.2003 г. № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего» // РГ. 11.09.2003. № 181.

32. Приказ ФССП РФ от 08.04.2011 г. № 119 «Об утверждении формы ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов № ОПД-2011 «Основные показатели деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. № 5. 2011. СПС «КонсультантПлюс».

33. Письмо ФНС России от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148 «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

34. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2009 г. №44 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» (с изм. и доп. от 06.12.2018 г. № 293) // Документ опубликован не был; Бюллетень актов по судебной системе. № 2. 2019. СПС «КонсультантПлюс».

Монографии, учебные издания, комментарии

1. Алейникова В.В. Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М.: ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, 2018.

2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.

3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966.

4. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М.: Юридическая

литература, 1981.

5. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982.

6. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966.

7. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.

8. Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия. М.: Статут. 1999.

9. Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования. М., 1999.

10. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Свердловск, 1972.

11. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975.

12. Алексеев С.С. Теория права. М., 1993.

13. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.

14. Алексеев С.С. Теория права. Харьков: БЕК, 1994.

15. Аузан А.А. Культурные коды экономики. М., 2022.

16. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985.

17. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1. М., 2011.

18. Братусь С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4.

19. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001.

20. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976.

21. Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер, 2006.

22. Вавилин Е.В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления

и защиты гражданских прав. Саратов, 2012.

23. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.

24. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 2000.

25. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009.

26. Витрянский В.В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. М., 1998.

27. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., Статут, 2010.

28. Галаган И.А. Методологические проблемы общей теории юридической ответственности по советскому праву // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1989.

29. Гарипов Р.Ф. Деликтоспособность: теоретико-правовые проблемы. Казань, 2009.

30. Гольдштейн Г.Я., Катаев А.В. Методология научного творчества: Учебное пособие. Таганрог, 1999.

31. Гонгало Б.М. Предмет гражданского права // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: Теория и практика. Екатеринбург, 2004. Ч. 1.

32. Гражданское право: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Юристъ, 2005.

33. Гражданское право: В 3 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1 / Отв. ред. В.П. Мозолин. М., 2012.

34. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2020.¹
Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М., 2012.

35. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.

36. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.,

1992.

37. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы: монография. М., 2005.

38. Гурвич М.А. Судебное решение. М., 1976.

39. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М., 2019.

40. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.

41. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М., 2004.

42. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: ЛГУ, 1983.

43. Дорохина Е.Г. Арбитражное управление в системе банкротства: Монография. М., Новый индекс, 2008.

44. Дудин А.П. Диалектика правоотношений. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1983.

45. Егорова М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий: монография. М., 2021.

46. Зыбковец В.Ф. Происхождение нравственности. М., 1974.

47. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881.

48. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. I. СПб., 2003.

49. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980.

50. Кабанов П.А., Липинский Д.А. Соотношение запретов, обязанностей и дозволений в функционировании юридической ответственности // Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / под ред. А.В. Малько. М.: ИНФРА-М, 2020. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1039319> (дата обращения: 06.11.2022).

51. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008.

52. Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство) / под ред. С.А.

Карелиной (в 2-х томах). М., 2018.

53. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М., 2022.

54. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. 520 с. URL: <https://bibliotekar.ru/4-1-23-metodologiya-prava/12.htm?ysclid=lbxhg37dsf699157035> (дата обращения: 21.12.2023).

55. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Издательство СГУ, 2011.

56. Кирилова Н.А. Правовая природа субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц при банкротстве юридического лица // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография. М., 2022.

57. Кожевников А. И. Субъекты юридической ответственности. М., 2004.

58. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. М.: Норма, 2003.

59. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.

60. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. М.: Проспект, 2017.

61. Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013.

62. Красавчиков О.А. Гражданско-правовая ответственность. Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М., 1985.

63. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т. 2. М.: Статут. 2005.

64. Кузьмин И.А. Проблемы реализации юридической ответственности: Монография. Иркутск, 2015.

65. Кузьмин И.А. Стадии юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Актуальные проблемы

правотворчества и правоприменительной деятельности: Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2010.

66. Кулагин М.И. Избранные труды. М., 1997.

67. Лейст О.Э. Виды юридической ответственности // Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. Т. 2. М., 1998.

68. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981.

69. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008.

70. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1986.

71. Малеин Н.С. Об институте юридической ответственности. // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: сборник научных трудов. Тарту, 1989.

72. Малько А.В. Правовой режим как общеправовая категория: проблемы теории и практики // Правовые режимы: актуальные общетеоретические и конституционно-правовые проблемы. Монография / отв. ред. Н.А. Фролова. Сибирский федеральный университет. Красноярск. 2016. URL: <https://bik.sfu-kras.ru> (дата обращения 01.11.2022).

73. Мананкова Р.П. О понятии специального правового статуса (модуса). Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1982.

74. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1958. Т. 23.

75. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2002.

76. Мильков А.В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности. М.: Проспект, 2021.

77. Михайлов К.А. Логика. URL: <https://studme.org/294480/logika/logika> (дата обращения: 18.09.2022)).

78. Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901.

79. Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: АО «ЦентрЮрИнфоР, 2004.
80. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976.
81. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Под ред. проф. В.В. Витрянского. М., 2003.
82. Несостоятельность (банкротство): учебный курс / Отв. ред. С.А. Карелина. М.: Статут, 2018.
83. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. Ин-т философии РАН, М.: Мысль, 2010.
84. Общая теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 1998.
85. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1993.
86. Османова Д.О. Привлечение к субсидиарной ответственности нетипичных субъектов // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Отв. ред. В.М. Жуйков. М., 2021. Выпуск 28.
87. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. Очерки из истории составления и общая характеристика. М., 1956.
88. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. М., 2011.
89. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. М.: Юридическая литература, 1974.
90. Поветкина Н.А. Понятие и виды юридической ответственности за нарушение финансового законодательства // Ответственность за нарушение финансового законодательства: научно-практическое пособие. М., 2014. СПС «КонсультантПлюс».
91. Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография. М.: Контракт, 2016.

92. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
93. Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебное пособие. М., 2001.
94. Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Производство по делам о банкротстве в суде. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004.
95. Право: проблемы теории: Учебное пособие (автор - Батурина Ю.Б.). Смоленск, 2003.
96. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Отв. ред. Е.П. Губин. М., Юстицинформ, 2019.
97. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. редактор Е.П. Губин, П.Г. Лахно (автор главы – Карелина С.А.). М., 2017.
98. Предпринимательское право: Курс лекций: Учебник / Под ред. Н.И. Клейн. М.: Юридическая литература, 1993.
99. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001.
100. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве. М., 2010.
101. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001.
102. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984.
103. Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991.
104. Радько Т.Н., Толстик В.А. Категория «Функция права в юридической науке» // Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия. Учебное пособие. М., 1998. 944 с. // <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 06.11.2023).
105. Решетникова И.В. Стандарт доказывания по делу // Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / Под ред. И.В. Решетниковой. М., 2022.
106. Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография /

Отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. Автор главы 2 - С.Я. Боженко. М.: Норма, 2018.

107. Российское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Т. 1. М.: Статут, 2014.

108. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I. М.: Статут, 2016.

109. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2009.

110. Руденко А.М. Философия. Ростов-на-Дону, 2020. С. 273.

111. Рыженков А.Я. Антимонопольная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015.

112. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность в Российской Федерации. М.: Статут, 2017.

113. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971.

114. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982.

115. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2000.

116. Свод законов Российской империи. Т. XVI. СПб., 1912. СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Классика российского права» (<https://civil.consultant.ru/code/>).

117. Середа И.М., Середа А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. М.: Статут, 2020.

118. Словарь латинских терминов, используемых Европейским судом // Афанасьев Д.В. Подача жалобы в Европейский суд по правам человека. М., Статут, 2012.

119. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983.

120. Современная теория правовых режимов: теоретический и отраслевой подходы: Монография. Красноярск, 2017.
121. Солодилов А.В. Общие проблемы арбитражного процесса по делам о несостоятельности (банкротстве): правовая природа и структура. Томск, 2006.
122. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. Л., 1973.
123. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1995.
124. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018.
125. Суханов Е.А. Российское гражданское право: Учебник. В 2-х томах. Том 1: Общая часть. М.: Статут, 2014.
126. Сырых В.М. Теория государства и права / Под ред. С.А. Чибиряева. М., 1998.
127. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004.
128. Теория государства и права. Под ред. В.К. Бабаева. М., 2016.
129. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997.
130. Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. А.В. Малько. М., 2011.
131. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др. М.: Городец, 2003.
132. Ткачев В.Н. Конкурсное право. М., 2007.
133. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovar-ozhegova> (дата обращения: 18.09.2023).
134. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Издательство ЛГУ, 1959.
135. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013.
136. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011.
137. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. URL:

<https://dic.academic.ru> (дата обращения: 30.12.2023)).

138. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974.
139. Хачатуров Р.Л. Русская Правда: монография. Тольятти: ВУиТ, 2022.
140. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. СПб., 2007.
141. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Международная академия бизнеса. 1995.
142. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М., 2015.
143. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие. М., 1995.
144. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004.
145. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М., 2006.
146. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.
147. Честнов И.Л. Теория государства и права. СПб., 2017.
148. Шатене К. Психология ценностей. Харьков, 2021.
149. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. Учебное пособие. М.: Книжный мир, 1998.
150. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М., 2022.
151. Шиткина И.С. Понятие, особенности и виды гражданско-правовой ответственности // Корпоративное право: Учебник. М., 2019.
152. Шумилов В.М. Правоведение: учебник. М.: Проспект, 2009.
153. Шундигов К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2001.
154. Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении.

Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013.

155. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003.

156. Юлова Е.С. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М., 2008.

157. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти: монография. И.А. Алексеев, Р.Э. Арутюнян и др. (Автор 4 главы - Цапко М.И.). М., 2017.

158. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992.

Научные статьи

1. Агеев А.Б. Законодательство о банкротстве: защита интересов должника // Законодательство. 2000. № 3.

2. Агламазова В.В. Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 1.

3. Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. № 6.

4. Анисимов А.П., Ветютнев Ю.Ю. Новый вид юридической ответственности? // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского процесса: сборник научных статей. Волгоград. 2007.

5. Антиперович Е.Г. Влияние специфики профессиональной деятельности на базовую убежденность в ценности «я» личности юриста // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. №2.

6. Базылев Б.Т. Цели и функции юридической ответственности // Вопросы теории права и государственного строительства. Томск, 1978.

7. Барышников П.С. Эмпирические методы в науке гражданского

процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11.

8. Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Дисциплинирующее значение оперативных санкций // Советское государство и право. 1983. № 4.

9. Белова А.В. Соотношение целей и функций юридической ответственности // Юридический вестник Самарского университета, 2016. Т. 2. № 2.

10. Белых В.С. Экономический анализ права: спорные вопросы теории и практики // Предпринимательское право. 2021. № 4.

11. Беляева Г.С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды // Lex russica. 2015. № 3.

12. Беляева Г.С. Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление // Lex russica, 2015. № 7.

13. Богданов Е.В. Ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве // Адвокат. 2014. № 8.

14. Братусь С.Н. Право и хозяйственный механизм // Правоведение. 1993. № 4.

15. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и осознание долга // Вопросы теории государства и права. Вып. 6. Саратов, 1983.

16. Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник ВАС РФ. 2014. № 3.

17. Верещагин А., Румак В. Принцип ограниченной ответственности у нас фактически упразднен Интервью с Д.И. Степановым // Закон. 2020. № 11.

18. Волков А.В. Возмещение убытков в качестве санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. 2015. № 3.

19. Гавриков В.П. Субъективация объективного права в механизме правового регулирования // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2015. № 6.

20. Гальперин М.Л. О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2.

21. Герасимов П.П. К вопросу об экономической сущности и содержании предпринимательства // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75).
22. Глухова О.Ю., Шевяков А.Ю. Несостоятельность (банкротство) как правовая и экономическая категория // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5.
23. Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1.
24. Гутников О.В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Гражданское право. 2019. № 6.
25. Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2009.
26. Дорохина Е.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) // Журнал российского права. 2006. № 5.
27. Егизаров В.А., Доронина Н.Г., Литовкин В.Н. И. Н. Петров: талантливый ученый и организатор научных исследований в области хозяйственного законодательства // Журнал российского права. №5. 2015.
28. Езюков В.К. Правило защиты делового решения (business judgment rule): особенности применения при банкротстве юридического лица // Право и экономика. 2022. № 5.
29. Ефанов В.А. Дифференциация юридической ответственности как объективный процесс модернизации современного российского права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 1 (57).
30. Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9.
31. Карапетов А.Г. И вновь о стандартах доказывания. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/25/i_vnov_o_standartah_dokazyvaniya (дата обращения: 02.02.2024).

32. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск.
33. Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2.
34. Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2.
35. Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2.
36. Кархалев Д.Н. Ответственность за нарушение охранительных обязательств // Российский юридический журнал. 2015. № 4.
37. Кархалев Д.Н. Охранительные обязательства по защите гражданских прав // Юридический мир. 2013. № 2.
38. Кархалев Д.Н. Содержание охранительного правоотношения в гражданском праве // Российский судья. 2008. № 8.
39. Кархалев Д.Н. Способы защиты организационных гражданских прав // Юридический мир. 2016. № 1.
40. Клеандров М.И. Судья: прежде всего человек, а потом функция? Или наоборот? // Российский судья. 2011. № 7.
41. Кожевников В.В. Функции юридической ответственности: общетеоретический и отраслевые аспекты // Современное право. 2015. №4.
42. Козлачков А.А., Клименко С.А., Харитонова Ю.С., Лаутс Е.Б. // Предпринимательское право. 2022. № 3.
43. Крохина Ю.А. Ответственность за нарушение налогового законодательства: понятие, стадии и механизм реализации // Хозяйство и право. 2003. № 5.
44. Крусс В.И. Конституционные критерии юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. №4.
45. Кузьмин И.А. Специфика частноправовой ответственности // Lex russica.

2018. № 4.

46. Латова Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основании концепции Г. Хофстеда) // Вестник института социологии. 2016. №4 (19).

47. Липинский Д.А. К вопросу о содержании функций юридической ответственности // Новая правовая мысль. 2003. № 1.

48. Липинский Д.А. Карательная и восстановительная функции гражданско-правовой ответственности // Российская юстиция. 2015. № 10.

49. Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1.

50. Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12.

51. Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2.

52. Липинский Д.А. Публично-правовая и частноправовая ответственность: есть ли основания для классификации. // Юридическая наука. 2016. №6.

53. Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12.

54. Лифшиц М.В. Взаимосвязь базовых убеждений, насыщенности жизни стрессом и психологического благополучия // Человеческий капитал. 2019. № 10.

55. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3.

56. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2.

57. Малько А.В., Лиманская А.П. Виды правовых режимов в юридической науке и российском законодательстве // Современное право. 2014. №8.

58. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы. Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1.

59. Мереуце И.Е., Ротару Г.С. Психосоматическая заболеваемость судей как

следствие «судебного» стресса // Администратор суда. 2009. № 3.

60. Михайлов В.С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. № 4.

61. Назарова Е.В. Механизм юридической ответственности // Юридический мир. 2008. № 3.

62. Ойгензихт В.А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5.

63. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. № 4.

64. Пискунов Я. Представление о кризисе в правовой науке несколько преувеличено. Интервью с Т.Я. Хабриевой // Закон. 2016. № 11.

65. Подузова Е.Б. Организационная ответственность: проблемы определения и толкования // Lex russica. 2017. № 5.

66. Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7.

67. Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. № 7.

68. Попондопуло В.Ф. Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. 2020. № 3.

69. Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4.

70. Пугинский Б.И. Проблемы ответственности в частном праве // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2010. № 4.

71. Рондарь Н.В. Экономическая несостоятельность как процесс, характеризующий кризисное состояние организации // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 1. Ч. 2.

72. Рудакова О.В., Мерцалова А.И. Транзакционные издержки как экономическая категория // Территория науки. 2013. № 2.

73. Рунец С.В. Публично-правовая ответственность главы государства // Бизнес в законе. 2010. № 3.
74. Рыженков А.Я. Правовая природа антимонопольной ответственности // Конкуренция и право. 2015. № 5.
75. Рыльская М.А. Проблемы разрешения конфликтов в гражданском обществе: повторение пройденного // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3.
76. Сеницын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10.
77. Собчак А.А. О механизме гражданско-правовой ответственности // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1987. № 765.
78. Субачев А.К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1.
79. Тарасенко А.А. Об экономико-правовых предпосылках умаления специальной деликтоспособности арбитражного управляющего (на примере страховых отношений) // Законодательство. 2023. № 10.
80. Тарасенко А.А. Ответственность участников правоотношений несостоятельности: материальные, процессуальные и социально-психологические аспекты определения компетентного суда // Право и экономика. 2023. № 2, 3.
81. Тарасов Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (Методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3.
82. Телюкина М.В. Комментарий к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный). Абз. 1290. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2003.
83. Телюкина М.В. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в дореволюционном и современном праве // Юрист. 1997. № 12.

84. Третьяков С.В. Д.М. Генкин, дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских прав // Вестник гражданского права. 2022. № 4.

85. Укусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Lex russica. 2014. № 2.

86. Фогельсон Ю.Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции // Закон. 2020. № 1.

87. Фролов И.В. Институт несостоятельности (банкротства) в системе российского права: модель и внутренняя структура // Предпринимательское право. 2020. № 1.

88. Фролов И.В. Саморегулирование в сфере банкротства как пример законодательной децентрализации сферы публичного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8.

89. Хачатуров Р.Л. Понятие системы юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Выпуск 1. Тольятти, 1998.

90. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3.

91. Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 5.

92. Шайдуллин А.И. Модель понижения в очередности (субординации) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 10.

93. Шершень Т.В. Проблемы ответственности в современном российском семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1.

94. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7.

95. Шубников Ю.Б., Андреева И.В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки //

Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4

96. Ягудина В.М. Система юридической ответственности // Юридический мир. 2009. № 10.

97. Ямпольская Ц.А. О взаимодействии государственных органов и общественных организаций // Вестник МГУ. Серия Право. 2015.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Агеев А.Б. Банкротство в гражданском праве. Проблемы теории: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

2. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

3. Заднепровская М.В. Осуществление юридической ответственности и социалистическая законность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.

4. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): автореферат диссертации ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

5. Кирсанова А.В. Правоотношения юридической ответственности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

6. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

7. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2004.

8. Матвеева Е.В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в РФ и ФРГ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

9. Петров И.Н. Проблемы повышения эффективности законодательства об ответственности хозорганов за нарушения обязательств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

10. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010.

11. Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском праве: Авторефер.

дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990.

12. Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

13. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук. Самара, 1998.

14. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

15. Юзефович Ж.Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Материалы судебной практики

1. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24.11.2023 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности пунктов «а», «в» части первой статьи 97, статей 99 и 100, частей первой и третьей статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СЗ РФ. 2023. № 49 (Ч. 4). Ст. 8878.

2. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 07.02.2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пп. 1 п. 12 ст.61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3913. СПС «КонсультантПлюс»).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2021 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова» // СЗ РФ. 2021. № 16 (Ч. №). Ст. 2873. СПС

«КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 11.02.2021г. № 180-О-Р «По ходатайству Правительства Новгородской области о разъяснении постановления Конституционного суда РФ от 17.12.1996 г. № 20-П» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // СЗ РФ. 2020. № 28. Ст. 4498. СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного суда РФ от 27.02.2020 г. № 491-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Звягинцева Виктора Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 108 НК РФ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного суда РФ от 04.02.2019 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» // СЗ РФ. 2019. № 7 (Ч. 2). Ст. 711. СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2019 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В.А. Нужина» // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 1046. СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18.11.2019 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности положений ст.ст. 15 и 1064 ГК РФ, п. 1 ст. 10 и п. 3 ст. 59 Федерального закона «О

несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина В.И. Лысенко» // СЗ РФ. 2019. № 47. Ст. 6738.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.2017 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности п. 8 ст. 75, пп. 3 п. 1 ст. 111 и пп. 23 п. 2 ст. 149 НК РФ» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7532. СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27.06.2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2 и 4 ст. 20, ч.6 ст. 144, ч. 1 ст. 145 УПК РФ» // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904; СПС «КонсультантПлюс»).

13. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 г. № 1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бочарова Олега Севастьяновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью второй статьи 195, частью первой статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Конституционного суда РФ от 19.12.2019 г. № 3464-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного суда РФ от 27.09.2018 г. № 2351-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Конституционного суда РФ от 18.07.2017 г. № 1541-О // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 05.02.2015г. № 236-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловой В.Н. на нарушение ее конституционных прав ст. 25.5 КоАП РФ» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

18. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. Январь. 2022 (п. 1 – 55); Бюллетень Верховного Суда

РФ. № 2. Февраль. 2022 (п. 56 - 68). СПС «КонсультантПлюс».

19. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

20. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май. 2021; СПС «КонсультантПлюс»).

21. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2020. СПС «КонсультантПлюс».

22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 г.) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

24. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. Ноябрь. 2016 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. Декабрь. 2016 (окончание). СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. № 31. 28.08-04.09.2013. СПС

«КонсультантПлюс».

27. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 г. № 35 (ред. от 21.12.2017 г.) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 8. 2012; РГ. №297. 29.12.2017 г.

28. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. от 30.07.2013 г. № 59) // Вестник ВАС РФ. № 3. 2011; Солидарность. № 31. 28.08-04.09.2013. СПС «КонсультантПлюс».

29. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.08.1997 г. № 20 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства о несостоятельности (банкротстве)» // Экономика и жизнь. № 37. 1997. СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 г. № 305-ЭС21-29550 по делу № А40-269141/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

31. Определение Верховного суда Российской Федерации от 20.02.2021 г. № 307-ЭС18-5762(2) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

32. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.07.2021 г. № 303-ЭС20-18761 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2021 г. № 303-ЭС20-10154(2) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2021 г. № 305-ЭС17-7124(6) по делу № А41-90487/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Верховного суда Российской Федерации от 11.02.2020 г. № 303-ЭС19-26853 по делу № А51-655/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Верховного суда Российской Федерации от 14.08.2020 г. № 305-ЭС20-10274(1,2) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.09.2020 г. № 305-ЭС20-4513 по делу № А40-240512/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Верховного суда Российской Федерации от 25.02.2019 г. № 309-ЭС17-21948(2,3) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2019 г. № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Верховного суда Российской Федерации от 01.08.2019 г. № 307-ЭС19-7565 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2019 г. № 305-ЭС18-11724(6) по делу № А41-36831/2012 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2018 г. № 302-ЭС14-1472(4,5,7) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 г. № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

44. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2018 г. № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

45. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.07.2017 г. № 305-ЭС17-4728 по делу № А40-55621/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 г. № 4501/13 по делу № А48-4616/2009(26) // Вестник ВАС РФ. 2014. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

47. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.02.2014 г. по делу № А43-2126/2013 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

48. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.10.2022 г. № Ф02-3619/2022, Ф02-3786/2022 по делу № А19-712/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

49. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.05.2022 г. по делу № А73-10780/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

50. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.04.2021 г. № Ф03-1167/2021 по делу № А04-5828/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

51. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.10.2019 г. № Ф03-3799/2019 по делу № А51-655/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

52. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.02.2022 г. №Ф04-717/2018 по делу № А46-7933/2017 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

53. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2021 г. № Ф04-277/2021 по делу № А45-35296/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

54. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.09.2020 г. № Ф04-2995/2020 по делу № А46-3813/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

55. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2022 г. по делу №А40-58526/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

56. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2021 г. № Ф05-15183/2018 по делу № А40-27892/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

57. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.03.2021 г. по делу № А41-15137/2018 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2018 г. по делу № А41-87044/16 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.02.2022 г. № Ф06-69016/2020 по делу № А65-316/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.12.2021 г. № Ф06-25871/2017 по делу № А72-11679/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.12.2019 г. № Ф06-12980/2009 по делу № А12-9755/2009 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.03.2021 г. по делу № А47-9612/2016 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.12.2020 г. № Ф09-10874/16 по делу № А07-11092/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление ФАС Уральского округа от 25.11.2002 г. № Ф09-2852/02-ГК по делу № А60-14095/2002-С1 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 08.04.2022 г. по делу № А14-2747/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.08.2022 г. № Ф10-3086/2022 по делу № А08-7322/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.12.2022г.

№ Ф10-4816/2020 по делу № А48-11873/2019 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

68. Информация Конституционного суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию КС РФ)» (одобрено решением КС РФ от 19.10.2021 г.) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

69. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература на иностранных языках

1. Dalman C. J. The Problem of Externality // The Journal of Law and Economics 22. № 1. April. 1979.

2. Parikh S.D. The Improper Application of the Clear-and-Convincing Standard of Proof: Are Bankruptcy Courts Distorting Accepted Risk Allocation Schemes? // University of Cincinnati Law Review. 2009.

Электронные ресурсы

1. URL: <https://fedresurs.ru/news/> (дата обращения: 14.04.2024).

2. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 04.08.2023).

3. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/07/885554-fns-otsenila-poteri-ekonomiki-ot-spisani-dolgov?ysclid=1h1rx1fheb68990717> (дата обращения: 01.05.2023).

4. URL: https://download.fedresurs.ru/news/BSR_статистика_ЕФРСБ_с_детальным_рейтингом_1_кв._2022.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

5. URL: https://download.fedresurs.ru/news/BSR_статистика_ЕФРСБ_с_детальным_рейтингом_1_кв._2022.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

6. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения 28.01.2024).

7. URL: <https://psyttests.org/psystate/holmesrahe->

run.html?ysclid=lawtnx8az6889265618 (дата обращения: 25.11.2022)).

8. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.02.2024).

9. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 03.05.2023).

10. URL:

https://archive.doingbusiness.org/ru/data/exploreeconomies/russia#DB_ri (дата обращения: 27.11.2023).

11. URL: <https://fedresurs.ru/news/> (дата обращения: 06.05.2023).

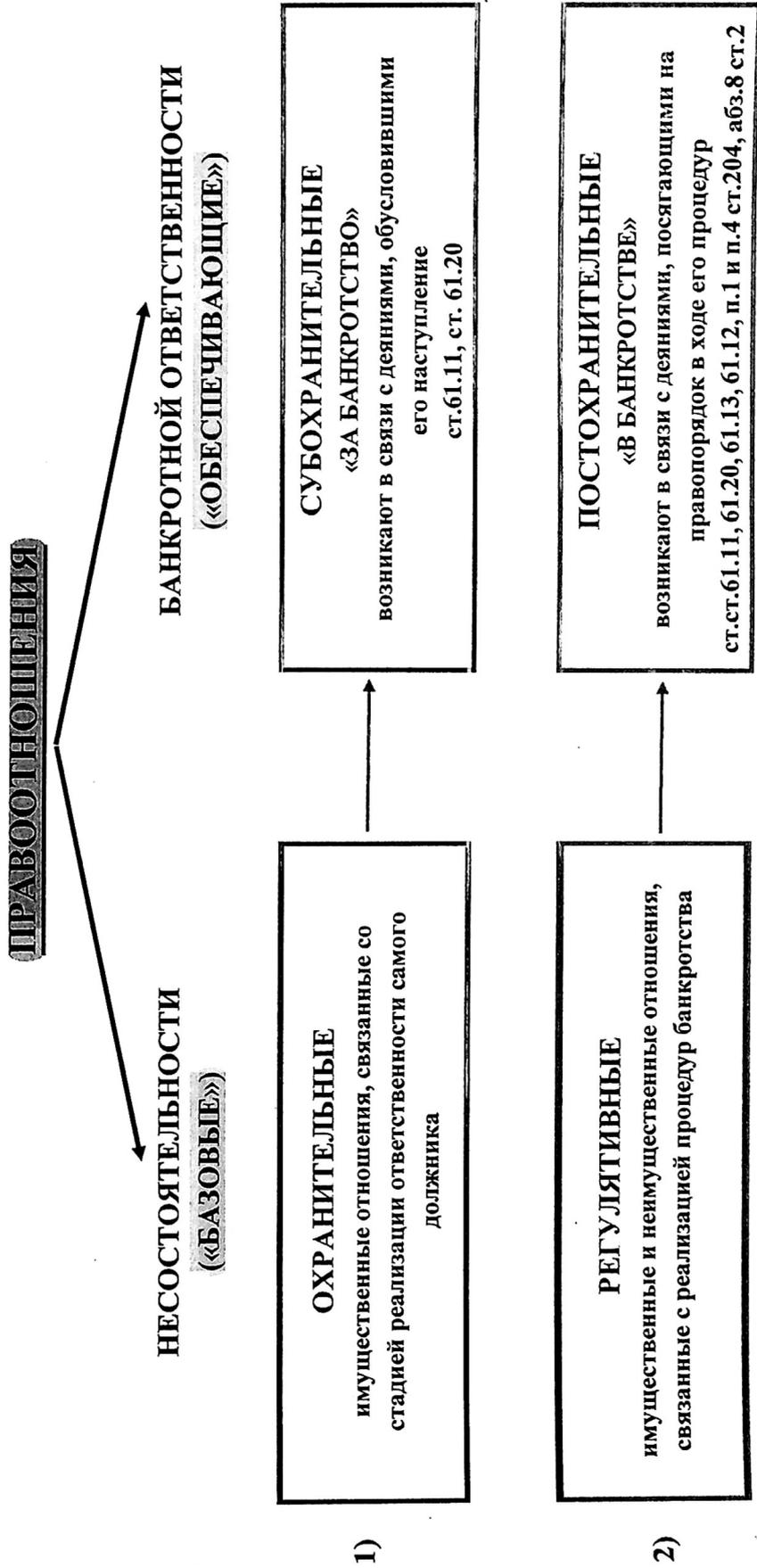
12. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/; (дата обращения 06.05.2023).

13. URL: <https://fssp.gov.ru/formvedstatotch/> (дата обращения: 06.05.2023).

Приложение 1.

Рисунок 1.

**СООТНОШЕНИЕ
ПРАВООТНОШЕНИЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ С
ПРАВООТНОШЕНИЯМИ БАНКРОТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

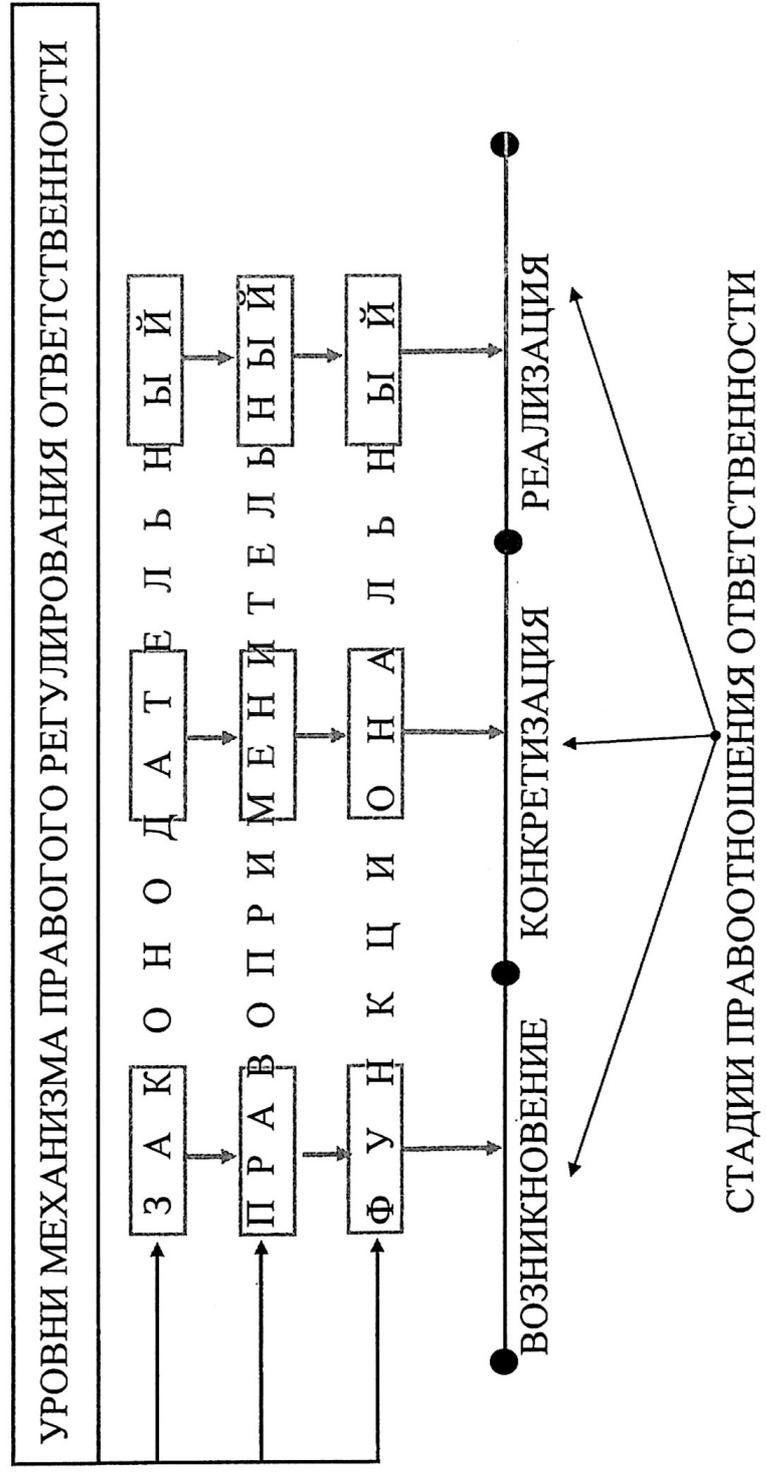
1)

2)

Приложение 2.

Рисунок 2.

**СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ
МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И
СТАДИЙ ПРАВООТНОШЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Приложение 3.

Таблица 1.

**МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ**

БАНКРОТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ							
ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	«ЗА БАНКРОТСТВО»		«В БАНКРОТСТВЕ»				
ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ	ст. 61.11	ст. 61.20	ст. 61.13	ст. 61.12	ст. 20.4 п.4	п.1	абз.8 ст.2
	ИМУЩЕСТВЕННЫЕ САНКЦИИ		ИМУЩЕСТВЕННЫЕ И НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ САНКЦИИ				
ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ	возмещение вреда в порядке субсидиарной ответственности	возмещение корпоративных убытков	возмещение вреда в порядке субсидиарной ответственности	возмещение убытков	возмещение убытков	возмещение убытков	отстранение субординация
	Познаваемые элементы состава правонарушения и структуры охранительных правоотношений (правовые средства, образующие уникальные сочетания дозволений и запретов, стимулов и ограничений)						
П Р А В О В Ы Е Ф О Р М Ы	стадии правоотношения ответственности	ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И РЕЗУЛЬТАТ ПРАВОНАРУШЕНИЯ.					А Р Б И Т Р А Ж Н Ы Й С У Д
		I УПРАВОМОЧЕННОЕ ЛИЦО. ОХРАНИТЕЛЬНО СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО.					
		II ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ. ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ. ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ. ВИНОВНОСТЬ. ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ.					
III РЕАЛИЗАЦИЯ		ОБЪЕКТ ОХРАНИТЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ.					